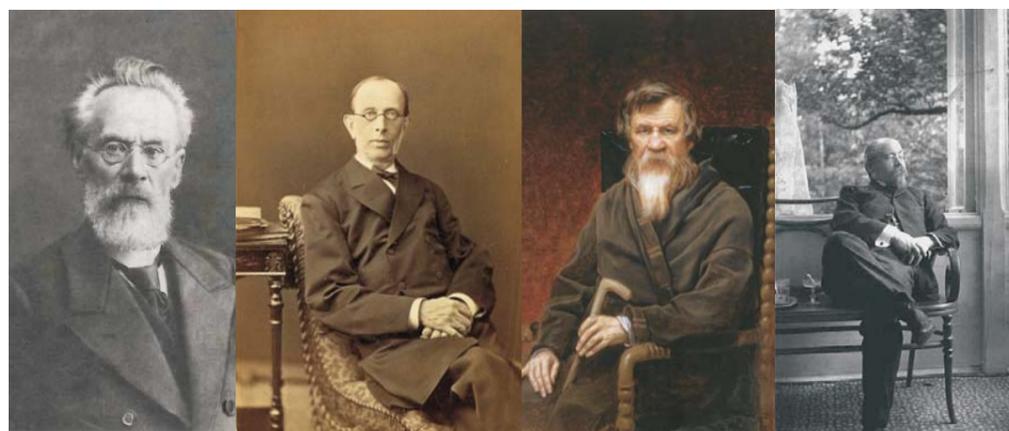

М. Н. Начапкин

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX вв.
В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСЕРВАТОРОВ**

Часть 1

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(ОТ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II
ДО ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.)**

Екатеринбург
РГПУ
2022

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

М. Н. Начапкин

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX вв.
В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСЕРВАТОРОВ**

Монография

В 2 частях

Часть 1

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(ОТ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II
ДО ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.)**

Екатеринбург
РГППУ
2022

УДК 94(47)"1860/1907"

ББК ТЗ(2)5+Ф1(2)-17

НЗ6

Начапкин, Максим Николаевич.

НЗ6 Трансформация российской и советской повседневности второй половины XIX – середины XX вв. в оценках отечественных консерваторов: монография: в 2 частях / М. Н. Начапкин. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2022. Ч. 1: Трансформация российской повседневности в условиях либерально-консервативной модернизации (от Великих реформ Александра II до Первой русской революции 1905–1907 гг.). 138 с. Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-8050-0740-9

В контексте проектного подхода были сравнены взгляды консерваторов и представителей других направлений общественно-политической мысли – либералов, социалистов, анархистов времен Великих реформ – по вопросам выбора оптимальной для России формы правления, формирования народного представительства, преодоления бедности и неграмотности, а также рассмотрены с разных точек зрения пути решения аграрного, конфессионального и национального вопросов.

Адресована историкам, филологам, социологам, психологам и всем, кто интересуется российской историей второй половины XIX – начала XX вв.

УДК 94(47)"1860/1907"

ББК ТЗ(2)5+Ф1(2)-17

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. Д. М. Софьин (ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»); канд. ист. наук, доц. С. Л. Разинков (ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

ISBN 978-5-8050-0740-9

© ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2022

Введение

История России второй половины XIX – первой половины XX вв. насыщена переломными событиями. Можно вспомнить Великие реформы Александра II – непростой и противоречивый путь либерализации, консервативные модернизации Александра III и Николая II, Русско-японскую войну, три русских революции, Первую мировую войну, приход к власти большевиков и начало реализации их представлений о социализме.

Тема российской повседневности стала необычайно популярной в последние десятилетия. Конечно, события повседневности, складываясь в мозаику, помогают понять, что представляла собой Россия в начале XX в., какие причины привели ее к революционным потрясениям, была ли неизбежна Февральская революция 1917 г., существовала ли возможность сохранения Российской империи и какие тогда нужны были реформы? На все эти вопросы отчасти отвечают уже вышедшие книги по данной теме. В качестве примеров можно привести следующие издания: «Дневник слуги помещиков Голубцовых» М. Б. Ларионовой (2013), «Изба и хоромы», «На шумных улицах градских», «От дворца до острога», объединенных рубрикой «Жизнь русского обывателя» (2014), «Энциклопедический словарь советской повседневной жизни» Л. В. Беловинского (2015), «Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи В. Безгина» (2019), учебное пособие «Российская повседневность: от истоков до середины XIX» под редакцией Л. И. Семенниковой (2009), «Усадьбы и дачи русской интеллигенции» Е. В. Первушиной (2017), «Россия перед голгофой. Эпоха Великих реформ» (2010), «Империи последние мгновенья. Театр марионеток в 16 картинах с прологом и эпилогом» С. А. Экштута (2018). Большим событием стало издание серии из двенадцати книг под общим названием «Повседневная жизнь Российского императорского двора» И. В. Зимина. В них рассказывается о жизни российских императоров от Петра I до Николая II, о взрослом и детском мире императорских резиденций. События революционного 1917 г. нашли отражения в книгах «Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания» (2015), «Россия 1917 года в эго-документах. Записки репортера» (2016), содержащих воспоминания очевидцев событий, собранных Н. В. Суржи-

ковой. Интересную книгу «Трагическая эротика. Образы царской семьи в годы Первой мировой войны» опубликовал в 2010 г. Б. И. Колоницкий. В серии книг «Государственные деятели России глазами современников», издаваемых издательством «Пушкинский фонд», были опубликованы книги об Александре III, С. Ю. Витте и П. А. Столыпине.

Можно перечислить и ряд изданий, посвященных изучению советской повседневности: «Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа: исторический анализ» А. Б. Оришева (2016), «Послевоенное советское общество. Политика и повседневность. 1945–1953» Е. Ю. Зубковой (2000), В 2019 г. под общей редакцией Л. Н. Мазур в Уральском федеральном университете была опубликована монография «Раннесоветское общество как социальный проект. 1917–1930-е годы».

Таким образом, изучение повседневной жизни людей в эпоху великих потрясений – войн, революций, радикальных реформ – всегда вызывало интерес ученых и писателей. Однако, следует отметить, что, несмотря на многочисленные публикации по теме истории российской повседневности, практически отсутствуют научные исследования, где важные, переломные события второй половины XIX – начала XX вв. оценивались бы с точки зрения самих консерваторов. Такой серьезный аспект изучения темы российской повседневности, как осмысление ее глазами консерваторов, остался нераскрытым, неизученным. Отчасти это было связано с трагической судьбой многих консерваторов, например, М. О. Меньшикова и А. Д. Дубровина, а также негативной оценкой деятельности консерваторов в советское время. Поэтому поставленная задача исследования – изучение российской повседневности – весьма актуальна в наши дни.

Для подготовки монографии использовались фонды отдела рукописи Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), отдела редкой книги библиотеки им. В. Г. Белинского в Екатеринбурге, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (фонд 116 – материалы правых партий – Союза русского народа). Анализировались материалы дореволюционной периодической и партийной печати. Большое значение для подготовки монографии имели дневниковые записи, воспоминания, письма, книги, публицистика российских консерваторов.

Тема консервативных представлений о повседневной жизни в России второй половины XIX – начала XX вв. раскрывается посредством

анализа переломных этапов российской истории. Трудно найти другой период в истории, который можно было бы сравнить со временем революционных потрясений. В такие исторически трудные моменты раскрываются подлинные мысли и чувства, ожидания, страдания людей. Чтобы лучше донести все многообразие отношения консерваторов к переменам, анализируются такие важные этапы истории, как Великие реформы Александра II, консервативная модернизация Александра III, Первая русская революция, противоречивое развитие России с 1906 по 1914 гг., повседневная жизнь в годы Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г.

Объектами для наблюдения консерваторов стали различные аспекты повседневной жизни: последствия либерально-консервативного реформаторства, эволюция государственного строя и правящего сословия, положение дворянства, принципы проведения реформ и формирования народного представительства, деятельность различных течений общественно-политической мысли и политических партий, пути решения крестьянского вопроса. Консерваторы имели свою точку зрения о состоянии образования, суда, земского самоуправления, предлагали альтернативные пути преодоления бедности, пьянства, большой детской смертности, интересовались различными аспектами внешней политики. Но особенно важным для них был вопрос о будущем монархической государственности и православной веры в России.

Другими важными темами для наблюдений консерваторов были и оставались государственная власть и общественное мнение. Способны ли консервативные средства массовой информации формировать лояльное к самодержавию общественное мнение? Кроме того, консерваторы старались оценить роль новых явлений в сфере экономики – появление частных банков, денежную реформу 1897 г. – т. е. переход на универсальный золотой паритет. С. Ф. Шарапов и А. Д. Нечволодов были яростными противниками золотого рубля, полагая, что его введение приведет к экономической зависимости России от развитых стран Запада, критиковали либеральную политику министерского экономического блока, выступали за бумажный рубль, введение дешевого кредита. Противоречивые процессы капиталистического развития России привлекали пристальное внимание консерваторов. Быстрое появление многотысячной армии пролетариев неизбежно вызывало вопросы об их социально-экономическом положении, политических

взглядах, способах организации защиты трудовых прав. И хотя часть консерваторов отрицательно оценивала процесс капиталистического развития России, наиболее дальновидные из них (П. А. Столыпин, Л. А. Тихомиров) много думали о путях решения рабочего вопроса. В частности, общественный деятель Л. А. Тихомиров выступал за создание подконтрольных власти профсоюзов.

Следует отметить, что российский консерватизм, изучением которого занимались В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, А. М. Мигранян, А. В. Репников, В. А. Твардовская, В. Г. Чернуха, К. Ф. Шаццлло, Р. Г. Эймонтова и другие исследователи, не был единым. В консерватизме этого периода существовали различные течения: от бюрократических, либеральных, церковных, традиционалистских до крайне правых. Представители каждого из них по-разному реагировали на исторические события, реформы, давали им противоречивые оценки. Среди зарубежных ученых, исследовавших феномен российского консерватизма, следует отметить А. Валицкого, Х.-Д. Лева, Р. Пайпса. Изучению деятельности российского парламента, Государственной Думы, ее взаимоотношений с правительством посвятили свои работы Ф. В. Вчисло, А. С. Коррор, А. Левин, Дж. А. Хоскинг [168, 169, 170, 171].

Среди консерваторов было много писателей и публицистов – людей наблюдательных, хорошо информированных. Журналисты М. П. Катков, князь М. О. Меншиков, В. П. Мещерский, И. Л. Солоневич, В. В. Шульгин – представители различного социального происхождения. Яркими выразителями философской, исторической и правовой мысли являлись Н. Я. Данилевский, И. А. Ильин, К. Н. Леонтьев, М. П. Погодин, П. Б. Струве, Л. А. Тихомиров, Б. Н. Чичерин. Таким образом, российскую повседневность эти люди оценивали с разных сторон – как журналисты, историки, социологи, философы, экономисты. Среди консерваторов были и великие князья, например, великий князь Сергей Александрович Романов – брат императора Александра III. Многие из представителей консерватизма, а именно – М. О. Меншиков, В. П. Мещерский, И. Л. Солоневич, Л. А. Тихомиров, Б. Н. Чичерин, В. В. Шульгин оставили дневниковые записи, воспоминания о своей жизни. Эти записи, содержащие описание повседневной жизни дореволюционной России, революционных событий и последующей тяжелой жизни, являются историческими документами, большим подспорьем для понимания

ушедшей эпохи. В дневниковых записях нам раскрываются реальные люди с их повседневными заботами.

Представления о повседневной жизни России изучаются в контексте теории модернизации. В I части монографии рассматриваются консервативные оценки российской повседневности второй половины XIX – начала XX вв. Хронологические рамки исследования – от Великих реформ Александра II до Первой русской революции 1905–1907 гг. То было переломное для страны время. Россия в эпоху Александра II встала на путь ускоренной модернизации. Были проведены давно назревшие и важные для страны реформы: крестьянская, судебная, земская, университетская, военная. Но эти изменения породили целый ряд проблем и противоречий, на которые остро реагировали российские консерваторы. При изучении особенностей российской модернизации использовались работы А. С. Ахиезера, В. В. Ильина, Б. Н. Миронова, А. С. Панарина, И. В. Побережникова, В. В. Шелохаева и др.

Консерватизм представляет собой политическую философию, отстаивающую необходимость традиционных ценностей – самодержавия, православия, социальной иерархии. Основными постулатами данной философии выступают идеи эволюционного развития, борьба с революцией, постепенность и продуманность реформ, отражение общих интересов (во главе угла интересы государства, нации), проведение самостоятельной национальной внешней политики. Консервативный лагерь никогда не был единым, в нем можно было найти представителей и защитников бюрократического, креативного, либерального, традиционалистского, штабс-капитанского, церковного типов консерватизма.

Нужно отметить, что многие консерваторы были публицистами, в условиях либеральной модернизации резко возросло влияние печати – газет и журналов. К примеру, князь В. П. Мещерский был издателем политического и литературного журнала «Гражданин». В новых исторических условиях консерваторы пытались влиять на формирование общественного мнения. Правда, это удавалось им с трудом. В годы Великих реформ Александра II влияние либералов в органах государственной власти, правительстве и печати резко возросло. Причем, роль либеральной печати в этот исторический период была более значимой, чем консервативной. Долгие десятилетия николаевского царствования государственная власть не стремилась учитывать интересы

образованного общества. Ее не интересовало общественное мнение. Острые проблемы России, например, крестьянский вопрос, не обсуждались гласно, решались в секретных комитетах. Приход к власти Александра II был положительно воспринят обществом и многими консерваторами. Так М. П. Погодин в письмах к царю призывал к политике гласности и учета общественного мнения.

Свой вклад в разоблачение настроений николаевского царствования внес русский государственный деятель, правовед, действительный тайный советник К. П. Победоносцев. В статье «Граф В. П. Панин. Министр юстиции» он критиковал безответственность высших должностных лиц империи, самоуправство и некомпетентность судей и чиновников, коррупцию, отсутствие гласного, справедливого обсуждения и решения судебных дел. Как и другой консерватор, М. П. Погодин, он писал о необходимости проведения политики гласности. В дальнейшем Константин Петрович внес большой вклад в подготовку судебных уставов 1864 г. Однако провозглашенная политика гласности в суде и общественно-политической жизни привела не к тем результатам, на которые рассчитывал К. П. Победоносцев. Суды стали оправдывать террористов, а гласное судопроизводство явилось трибуной для революционной агитации. При рассмотрении гражданских семейных процессов, например, об изменах и разводах, собиралось много женщин и детей, что, по мнению К. П. Победоносцева, было недопустимо, так как подрывало общественную нравственность.

В ходе процесса модернизации общества власть, пусть в ограниченном масштабе, стала учитывать интересы общественного мнения. Так во время подготовки крестьянской реформы Александр II разрешил создавать комитеты из местных помещиков для обсуждения проекта отмены крепостного права. Однако власть и общество не нашли общего языка. Поколение «шестидесятников» не пожелало идти на диалог с обществом. Великая русская литература содержит великолепные характеристики людей той эпохи, например, Раскольникова, Базарова. В правление Александра II растет и крепнет революционное движение, теракты членов революционной террористической организации «Народная воля» следуют один за другим. В этих условиях, многие из консерваторов начинают пересматривать свои взгляды. М. О. Меньшиков, В. П. Мещерский, К. П. Победоносцев были едины в том, что либеральные реформы Александра II привели к ослабле-

нию государственной власти, новые судебные уставы с судом присяжных и гласностью судебных процессов – попустительству терроризма, распущенности, развращенности нравов. Либеральные преподаватели, как отмечали консерваторы, пропагандировали западные идеи конституционализма, парламентаризма. Монархия представлялась им отжившим учреждением, не соответствующим прогрессивному XX в. Среди проблем русской повседневной жизни русские консерваторы обращали пристальное внимание на положение российского крестьянства после реформы 1861 г. Конечно, консерваторы осознавали неизбежность отмены крепостного права, хотя, по-иному, чем либералы трактовали взаимоотношения крепостных крестьян с помещиками. Так князь В. П. Мещерский, редактор «Гражданина», оценивал их даже как братские и гармоничные. Среди проблем деревенской жизни консерваторы выделяли проблемы малоземелья, гигиены и санитарии в связи с большой детской смертностью. Отношение к крестьянской общине было различным. К примеру, Д. И. Менделеев выступал за сохранение этого традиционного института русской жизни, тогда как М. О. Меньшиков, П. А. Столыпин в начале XX в. выступали за свободный выход крестьян из общины, считая ее тормозом на пути социально-экономического развития страны.

Конечно, русский консерватизм не являлся однородным: журналист М. О. Меньшиков в какой-то момент стал поддерживать идею создания народного представительства, созданного не на партийной, а на корпоративной основе, а в это время другой консерватор, А. И. Дубровин, отстаивал необходимость сохранения неограниченной монархии.

Консерваторы предлагали свои решения крестьянского, рабочего, национального и церковного вопросов. Это свидетельствует о том, что они не были противниками реформ. Изучение взглядов консерваторов на повседневную жизнь Российской империи помогает глубже понять те проблемы, противоречия и настроения, которые привели к краху великой страны.

Следует отметить, что в России второй половины XIX в. всегда были сильны оппозиционные настроения. Кроме революционной оппозиции существовала довольно сильная либеральная оппозиция. Отчасти это было связано с эпохой Александра I, конституционными проектами М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева, декабристов. Для прогрессивных представителей дворянства было очевидно, что сущест-

зование крепостного права – это огромный тормоз на пути буржуазного развития страны. Однако политика Александра I в вопросах освобождения крестьян и введения конституции в России была двойственной. Вначале своего правления он имел твердые намерения дать свободу крепостным крестьянам и ввести в стране конституцию. Однако знакомство с умонастроениями дворян заставило Александра I отложить намеченные преобразования. В дальнейшем непрерывные войны с начала XIX в. не дали реализоваться его планам. Дворянское сословие, как и все российское общество, в гражданском плане оказалось в эту эпоху незрелым. Конечно, вина за отсутствие подготовки общества к реформам во многом лежит на самодержавии. П. Б. Струве писал, что политические преобразования следовало начать еще во время правления Анны Ивановны. Явно недостаточными были реформы в области образования при Екатерине II. С 1786 по 1796 гг. было создано 220 народных училищ, где учились 22 тысячи учеников. И это при 36 млн населения империи. Третье сословие (крестьяне, ремесленники, торговцы) – опора гражданского общества – также в России развивалось медленно и в условиях противодействия монархии. При Екатерине II в городах проживало лишь 5 % населения.

Подавление восстания декабристов 14 декабря 1825 г. на время заставило либералов затихнуть, отложить свои планы. Пришедший к власти новый государь Николай I заявил о проведении твердой консервативной политики, целью которой были сбережение неограниченного самодержавия и социальной иерархии с сохранением привилегированного положения дворянства и борьба с революционным движением в России и на Западе. На ужесточение политики в сфере образования и цензуры оказывали большое влияние европейские революции 1830–1840-х гг. Русские войска отправлялись на подавление польского и венгерского восстаний. Смерть Николая I в 1855 г. легализовала деятельность либералов. Об этом свидетельствовал в своих «Записках» князь В. П. Мещерский. Чиновники, разделяющие либеральные убеждения, направляли свои статьи публицисту-революционеру А. И. Герцену в Лондон, в «Вольную русскую типографию». Это были заметки о коррупции, бесконтрольности власти, забитом, почти зверином положении крестьян. Опубликованные в газете «Колокол», они нелегально ввозились в Россию. Чиновники, признавались В. П. Мещерскому в том, что в каждом министерстве, департаменте А. И. Гер-

цен имел своих союзников и корреспондентов. Ослабление дисциплины, распространение нигилизма, конституционализма, атеизма в военно-учебных заведениях консерваторы связывали с тем, что ими руководили либералы. При знакомстве с консервативной публицистикой создается впечатление, что для консерваторов либералы и революционеры представляли одно целое. Это была сила, стремящаяся уничтожить традиционную Россию. В воспоминаниях В. П. Мещерский привел следующий убедительный пример, характеризующий влияние либеральной печати и чиновничества: в 1861 г. он написал статью о посещении монастыря «Святых гор Потемкинских» Александром II с семьей и предложил ее для опубликования в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Каково же было его удивление, когда редактор отказался печатать статью на том основании, что в ней поэтизируется монастырь и рассказывается о никому не нужных царских поездках. Таким образом, российские либералы в правление Александра II стали значительной силой в министерствах, средствах массовой информации, финансовых структурах. Впоследствии князь В. П. Мещерский неоднократно жаловался императору Александру III на финансовую слабость консервативной печати, отмечал, что либеральные газеты имеют больше ресурсов для ведения своей пропаганды.

И хотя консерваторы одержали временную победу в апреле 1881 г., когда был опубликован манифест о незыблемости самодержавия, а либеральные министры Александра II были отправлены в отставку, дальнейшие назначения министров экономического блока, например, С. Ю. Витте, показало, что дело либералов живет и процветает. Русские консерваторы К. Н. Победоносцев и В. П. Мещерский отмечали, что капитализм порождает финансовую олигархию, буржуазную интеллигенцию, пролетариат, которые настойчиво стремятся к уничтожению самодержавия и введению парламентаризма. Либеральная модернизация Александра II запустила процесс разрушения традиционной России, породила новые социально-политические силы, борющиеся за власть и собственность. Консерваторы отмечали негативные последствия реформ Александра II в судебной, образовательной сферах, а также в области местного самоуправления. Наиболее информированные и здравомыслящие консерваторы, например, К. Н. Леонтьев, В. П. Мещерский, Л. А. Тихомиров уже в 1870-х гг. пришли к заключению, что идеи либерализма глубоко проникли во властную элиту, чинов-

ничьи и образовательные круги, экономику, печать – и все это свидетельствовало о скорой и неизбежной гибели традиционной монархической государственности. Кроме того, все консерваторы причиной будущего краха монархии назвали оскудение православной веры, особенно в среде интеллигенции. Консерваторы отчетливо понимали, что старый, привычный для них мир уходит в прошлое.

Личность монарха, безусловно, имела большое значение в условиях острого противоборства либералов, революционеров с консерваторами, и весь облик Александра III соответствовал озвученному консервативному курсу, но нельзя было такое сказать в отношении Николая II, чьи личные качества не могли воплотить в политику консервативные идеи. Но оценка личностей менялась со временем, и особенно ярко это прослеживается в дневниках М. О. Меньшикова и Л. А. Тихомирова.

В монографии предполагается рассмотреть вопрос о роли консерваторов (В. П. Мещерского, К. П. Победоносцева и др.) в подготовке и осуществлении политики консервативной модернизации общества Александра III, оценить предлагаемые ими меры по корректировке либеральных реформ предшествующего царствования. Любопытно будет сопоставить взгляды консерваторов с их политическими оппонентами – либералами, народниками, анархистами.

Консерваторы критиковали сословную и крестьянскую политику: явно недостаточными были меры финансовой поддержки крестьянства. Для них было очевидно, что дворянство не справляется со своей социально-политической ролью и не может эффективно наладить экономическую деятельность в своих имениях. Так, получив в ходе крестьянской реформы 1861 г. около 500 млн рублей свободных средств, дворянство не сумело их продуктивно реализовать. Поэтому спасение Александра III было в разрушении общины, быстром формировании из бедного крестьянского слоя крепких хозяйственников.

В работе будет представлен анализ оценки консерваторами повседневной жизни России во время Первой русской революции 1905–1907 гг., рассмотрена роль императора в подавлении революции, показано содержание переписки Николая II с Д. Ф. Треповым (генерал-губернатором Петербурга) и адмиралом Ф. В. Дубасовым (генерал-губернатором Москвы), исследован либерально-консервативный проект преобразований П. А. Столыпина.

При помощи методов сравнительного анализа и социального проектирования рассмотрим внешнеполитические взгляды российских императоров и их отношение к грядущей мировой войне, а также проанализируем проекты будущей России крайне правых (СРН) и либералов (кадетов).

Как уже упоминалось, в среде российских консерваторов существовали различные течения: либеральные, церковные, крайне правые. Поэтому и оценка исторических событий, реформ у идеологов этих течений различалась. Нам важно сопоставить точки зрения представителей различных консервативных течений по самым различным вопросам повседневной жизни. Так, в монографии планируется сравнение взглядов по вопросу свободы совести и роли Православной церкви после манифеста 17 октября 1905 г. П. А. Столыпина и лидера крайне правых А. И. Дубровина.

Для анализа повседневной жизни России в годы Первой мировой войны и Февральской революции использованы свидетельства консерваторов-очевидцев февральских дней 1917 г. – И. Л. Солоневича, Л. А. Тихомирова. Ведущая роль в распространении слухов, дискредитирующих монархию, отводится периодической печати. Важное место в понимании этих событий занимает изучение переписки Николая II и Александры Федоровны, их дочерей. Это по-иному позволяет оценить повседневную жизнь и мировосприятие царской семьи.

До сих пор историки спорят по вопросу: была ли обречена Российская империя, был ли неизбежен ее крах в марте 1917 г.?

В монографии приводятся разнообразные мнения консерваторов о причинах краха монархической государственности и дореволюционного консерватизма. Принимая во внимание приведенные многочисленные сведения, делается вывод, что наиболее дальновидные российские консерваторы предвидели крах Российской империи уже в начале XX в. С. А. Экштут считал, что политический курс, проводимый Александром III и Николаем II, обрекал империю на гибель. Разделяя эти взгляды, автор при этом считает, что у империи был шанс сохраниться. Но для этого, как отмечал в своем дневнике консервативный публицист М. О. Меньшиков, нужно было еще в правление Александра II провести целый ряд назревших реформ: дать стране конституцию, сделать рывок в начальном и среднем образовании – открыть много училищ и школ, дать крестьянину знания о санитарии и гигиене, бороться с боль-

шой младенческой смертностью, пьянством, разрешить свободный выход из общины с активной поддержкой фермерства и мелкого предпринимательства. Кроме того, М. О. Меншиков предлагал предоставить большую самостоятельность регионам.

Россия в период правления Николая II располагала большим золотым запасом. Однако на решение острейших вопросов страны он расходовался явно недостаточно.

Следовало активнее решать аграрный вопрос, и не с 1906 г., столыпинской аграрной реформы, а с эпохи Александра III. После отмены статуса временнообязанных в 1883 г. нужно было выделить огромные средства крестьянскому банку, помочь крестьянам в приобретении помещичьих земель, ликвидировать крестьянскую общину, активно субсидировать переселенческую политику. Считаем, что одной из причин гибели империи в 1917 г. были упущенные возможности и недостаток времени для реализации реформ П. А. Столыпина.

Интересно, что и сами консерваторы осознавали утрату своего влияния в обществе. Николай II в свое время понимал, что слишком узок был слой защитников монархии. Конечно, старая сословная Россия была обречена – капитализм расшатывал устои, ломал социальные перегородки. Россия, пусть запоздало, но двигалась по пути европейской модернизации.

Автор также убежден, что втягивание России сначала в Русско-японскую, а затем и в Первую мировую войны и неудачное в них участие стало спусковым крючком, приведшим к революциям 1905 и 1917 гг. В публикациях консерваторов приведен анализ противоречий России и Запада. Страны Запада, чтобы уничтожить конкурента, преднамеренно втягивали Россию в совершенно ненужные для России мировые конфликты. Данные во время Первой мировой войны обещания о передаче России черноморских проливов страны Антанты не собирались выполнять.

Большой интерес представляют публикации известного философа И. А. Ильина о революционной хронике 1917 г. По мере развития событий мы видим, как человек постепенно меняет свои политические взгляды. Во время деятельности Временного правительства сначала И. А. Ильин был его приверженцем, о чем свидетельствовали его брошюры и статьи. Однако с ростом анархии и развалом фронта философ постепенно разочаровывается во Временном правительстве и переходит на консервативные позиции.

Многие консерваторы пострадали во время революционных событий. Ярким примером является судьба М. О. Меньшикова – талантливого публициста, который был расстрелян большевиками без суда и следствия в 1918 г. на берегу Валдайского озера на глазах у маленьких детей. Его дневник, рассказывающий о месяцах, проведенных под властью большевиков, является важнейшим историческим источником, характеризующим российскую повседневность в ту ужасную эпоху. Отсутствие работы, продуктов, топлива, ежеминутные думы о том, как прокормить маленьких детей, где взять деньги, найти лекарства.

Во второй части работы рассмотрим оценки, данные консерваторами зарубежной русской эмиграции, советской повседневности периода военного коммунизма, НЭПа и сталинской модернизации. И. А. Ильин видел большевистские порядки до своей высылки в Германию в 1922 г., а И. Л. Солоневич – до момента своего побега из лагеря в 1934 г. И. Л. Солоневич был очевидцем и участником страшнейших событий. За 17 лет жизни в СССР он поменял много профессий. Был инструктором по физической культуре, журналистом, объехавшим весь Советский союз, – от Кушки на юге Туркменистана до русского севера. Поэтому ему хорошо была известна жизнь советских людей. Уже после побега из СССР, в 1936 г., он издал в Софии книгу «Россия в концлагере», где впервые рассказал миру о системе советского ГУЛАГа. Большой объем информации о повседневной жизни в СССР представляют материалы Русского научного института в Берлине, изданные в конце 1920 – середине 1930-х гг. коллективом ученых во главе с И. А. Ильиным. В основе статей о политических, социально-экономических, культурных процессах, происходивших в СССР, были личные впечатления, беседы с перебежчиками, советские и зарубежные периодические издания. Можно сделать вывод, что сотрудниками Русского института была дана объективная оценка индустриализации, коллективизации и культурной революции. Интересные оценки сталинской России содержатся в публицистике И. Л. Солоневич, П. Б. Струве. Они предвидели борьбу в руководстве партии после смерти И. В. Сталина.

Выполненный в монографии анализ взглядов отечественных консерваторов об особенностях российской повседневности на переломных этапах российской истории, вне всякого сомнения, поможет лучше узнать и понять ее.

Были задействованы следующие методы исторического исследования: сравнительный, проблемно-хронологический, метод социального проектирования.

Вторую часть монографии предполагается посвятить рассмотрению повседневности советского социального проекта (1917–1953) в оценке консерваторов.

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Вторая половина XIX в. стала важным этапом в развитии российского общества. После неудачной Крымской войны 1853–1856 гг. политическая элита страны во главе с Александром II пришла к выводу о необходимости проведения серьезных социально-экономических преобразований. Николаевская система полностью изжила себя. Цели новых реформ предполагали недопущение новой пугачевщины и сокращение технического отставания от стран Западной Европы: «Стало очевидным, что сохранение могущества и политического влияния России невозможно без укрепления финансов, развития промышленности и усиленного железнодорожного строительства (в 1855 г. в стране насчитывалось лишь 900 верст железных дорог» [129, с. 132]. Большое значение имела и нравственная ущербность крепостного права. В период с 1861 по 1874 гг. была проведена целая серия реформ: крестьянская, судебная, земская, в области среднего и высшего образования, цензурная, военная: «Речь шла о коренном изменении системы... Отмена крепостного права привела к подлинному разрыву с прошлым – с традиционной системой полиции, управления, судебной практикой...» [129, с. 436].

В книге «Россия перед голгофой. Эпоха Великих реформ» историк и писатель С. А. Экштут отметил последствия этих глобальных изменений: нарастание отчуждения между властью и обществом, упадок нравственных устоев и семейных ценностей, конфликт поколений. Он старался объяснить, почему такое стало возможным. Конечно, время правления Николая I было временем проведения жесткой консервативной политики, в основе которой лежали такие идеи, как незыблемость самодержавия и сословного строя, борьба с революционным движением. Презрительно относясь к общественной самостоятельности, Николай I был убежден, что инициатива в проведении реформ могла исходить только от верховной власти. Кроме того, он полагал, что такие серьезные вопросы, как, например, крестьянский, можно было решить путем частичных реформ. Николаевская

эпоха запомнилась современникам появлением первых железных дорог: «Дотоле невиданная скорость, с которой «пароход», так первоначально называли паровоз, преодолевал расстояние и сокращал время в пути, высокая степень комфорта, неслыханный демократизм (вагоны были трех классов, в вагоне одного класса вместе ехали, во время пути общаясь, люди разных сословий, но одного достатка), – все это давало новый, мощный импульс мыслям о будущем и способствовало формированию новейшей картины мироздания» [163, с. 4]. С. А. Экштут, характеризуя общественное настроение периода «оттепели», выражал его одним словом – «нетерпение». Отдельные радикалы, например М. А. Бакунин, Н. Г. Чернышевский призывали к крестьянскому бунту, звали к топору. Немецкий ученый Х.-Д. Леве отмечал следующую противоречивость реформ Александра II: проводя либеральные преобразования, царь пытался сохранить неограниченную монархию и сословный строй. Его политика сочетала уступки и репрессии, а это только усиливало общественное недовольство, разочарование, глубокую неуверенность и социальный страх.

Для понимания всей сложной в своем многообразии эпохи Великих реформ нужно обратиться к воспоминаниям Б. Н. Чичерина: «Сороковые – пятидесятые годы XIX в. были для России годами, когда она готовилась вступить на капиталистический путь развития. Это были последние годы правления Николая I и начало царствования Александра II, при котором уже давно зреющие в обществе перемены, нашедшие свое выражение в движении сороковых годов, вылились в отмену крепостного права и дальнейшие реформы шестидесятых годов. Б. Н. Чичерин был свидетелем и участником этих событий... В Московском университете, куда Чичерин поступил в возрасте шестнадцати лет, он проникся духом свободомыслия и некоторое время даже сочувствовал социалистическим идеям, что усиливалось его симпатиями к Западу» [155, с. 3]. Во время учебы Б. Н. Чичерин слушал лекции преподавателей, придерживающихся различных политических взглядов: либерала Т. Н. Грановского и консерватора, славянофила К. С. Аксакова. Его симпатии были всецело на стороне Т. Н. Грановского, призывающего бороться за реализацию в России лозунга Великой французской революции «Свобода, равенство, братство». Взгляды славянофила К. С. Аксакова Б. Н. Чичерин считал уродливой фантазией: «...он везде видел только согласие и любовь. Точно также

и Московское государство представляло для него совершеннейший из всех образов правления – самодержавие, совещающееся с народом. Тут не было взаимного недоверия и взаимных ограничений, порожденных внутренней враждой. Между царем и народом установился полный любви союз: народ оставил за собой свободу мысли, а царю предоставил полноту воли... Что в Московском государстве под этими совещательными формами господствовало чисто татарское холопство сверху донизу, от первого боярина до последнего крестьянина, этого Аксаков также не хотел видеть... Как древняя Россия представлялась ему идеалом человеческого общежития, так и русский мужик был для него высшим идеалом человека. Он украшал его всеми добродетелями: мирская сходка была для него живым воплощением любви и согласия; общинное землевладение признавалось чистейшим продуктом любви, призванным примирить все противоречия, которыми терзаются западные народы» [155, с. 271–272]. Таким образом, общественная жизнь, несмотря на цензурные запреты, бурлила в вузовских дискуссиях и салонных беседах. Б. Н. Чичерин говорил о литературном движении как о духовной силе, подготовившей Великие реформы: «...мы должны признать, что русская мысль стояла на высоте своего призвания. Вопросы были поставлены верно, цели указаны правильно, сами способы действия были разработаны обдуманно и со знанием дела» [155, с. 331–332].

Не столь оптимистичен в оценке общественных умонастроений был В. П. Мещерский (1839–1914). Внук историка Н. М. Карамзина, выпускник училища правоведения, друг наследника престола, а затем императора Александра III, описывая настроения образованных кругов общества после смерти Николая I, утверждал, что сначала у представителей образованного общества не было неприязни к умершему императору и требований отмены старого политического режима: «Как я писал раньше, все до единого новые веяния исходили из мысли кончить войну и начать что-то новое... вернее было бы допустить, что эти веяния относились к тому внутренне-административному миру, коего язвы обнажились войною и имели связь с военным миром. Бездорожье, интендантские и другие злоупотребления, полная отсталость от Европы относительно вооружения – все это, вместе взятое, соединяясь с нашею неудачею на войне, – в тысячах рассказов, толков, легенд, принимало характер неопределенных, но, тем не менее, отчетли-

вых стремлений к чему-то новому» [60 с. 35–36]. В. П. Мещерский полагал, что при реформировании обветшалых учреждений и в решении крестьянского вопроса требовалось сохранить здоровые и крепкие основы русского государства. Нужна была разумная постепенность в проведении реформ. Однако такого четкого плана разработано не было. Он интересно пишет об изменении общественных умонастроений в конце 1856 г. после коронации Александра II. Появился новый властитель дум: «К концу 1856 года... небо стало хмуриться и воздух стал грязниться... Началась совсем новая политическая жизнь. Забыт был Николай I, забыты святые страды Севастополя, все стали жить и сосредотачиваться около чего-то нового. Это новое, смешно вспомнить, был Герцен... Явился новый страх – Герцен; явилась новая служебная совесть – Герцен; явился новый идеал – Герцен» [60, с. 39]. Публикации А. И. Герцена стали примером возросшей роли газетной печати в умственной жизни России: «...умы постепенно выходили из опеки старых преданий и переходили в новую область какого-то стремления к чему-то новому и каких-то претензий к настоящему» [60, с. 77]. Особенно сильно изменение мыслей проявлялось в среде учащейся молодежи и интеллигенции.

В. П. Мещерский отмечал, что Герцен основал эпоху обличения, в основе которой лежала мелочная, антипатриотическая, личная ненависть к Николаю I. В роли обличителей власти выступала университетская интеллигенция. В. П. Мещерский приводит в качестве примера Иосафата Огрицко, у которого он познакомился с нигилистами: «...нужно было, по его мнению, радикальное изменение строя жизни, и именно государственной жизни, в смысле прекращения всего того, что он называл деспотизмом и произволом. По его мнению тогдашнему, если правительство не примет на себя инициативу либерального, самого решительного переформирования государственного строя, начнется внутренняя или подпольная работа всех элементов, забытых, униженных и недовольных, против правительства, и неизбежно, путем революционным, действия достигнут того, что теперь, пока еще есть время, правительство могло бы установить путем спокойным... Зайдя однажды на квартиру Огрицки, я... попал к нему в то время, когда у него в сборе была его команда. Признаюсь откровенно, никогда не представлял в своем воображении тип нигилиста или анархиста в натуре. У Огрицки впервые увидел разнообразные экземпляры этого типа

и ужаснулся. Слова «нигилист» тогда еще не существовало... Фигуры эти, невымытые, нечесанные, гадкие и выражением и физиономиею, доселе во мне воскресают живыми, и когда, после нескольких минут побывки у Огрицки, я вышел на улицу, то почувствовал, что вышел из какого-то душного смрада» [60, с. 78]. Интересно, что слова И. Огрицки В. П. Мещерскому о том, что у революционеров и либералов много союзников не только в университетах, но и в министерствах, департаментах нашли свое подтверждение через несколько месяцев. В мае 1862 г. И. Огрицко был причислен на службу в министерство финансов и даже был назначен вице-директором департамента неокладных сборов тогдашним директором К. К. Гротом [60, с. 113]. Этот пример свидетельствует о том, что люди нигилистических взглядов имели поддержку в определенных правительственных кругах: «По этому вопросу был у меня разговор с П. А. Валуевым, которому я высказал свое наивное убеждение, что таких людей, как Огрицко, не только не боятся, но дают им возможность осуществлять свои, явно враждебные правительству, замыслы» [60, с. 114]. К тому же многие из министров были людьми престарелыми, добрыми, снисходительными и неспособными понимать опасность, исходившую от таких людей, как И. Огрицко. В другой раз В. П. Мещерский встретился с Огрицко в 1862 г. при обсуждении вопроса питейной реформы: «...им руководила мысль сделать именно то, чего опасались серьезные и порядочные люди: подставить крестьянину на первых порах его освобождения дешевый кабак. Именно эту перспективу – соблазнить мужика дешевою водкою и затем сподить его – сподить в смысле разорения материального, сподить в смысле нравственного растления, Огрицко лелеял как дорогую и сладкую для его ненавидевшей Россию души» [60, с. 122]. В. П. Мещерский негодовал: совместили крестьянскую реформу с питейной, воспользовавшись фактическим отсутствием полиции в России. У него создавалось впечатление, что какая-то таинственная сила старалась создать для народа роковое искушение, а для правительства – угрожающее положение.

Следует также отметить, что свою негативную роль в расшатывании основ империи сыграли представители национальных окраин, в частности, поляки. Тот же Огрицко не скрывал от В. П. Мещерского, что работал для польского восстания в ближайшем будущем. Либералы создали атмосферу уступчивости, распушенности и попустительства, при которой и стало возможным проведение польского мятежа 1863 г.

Князь В. П. Мещерский полагал, что нужно было свято оберегать здоровые и крепкие основы русского государства и заниматься только реформированием обветшалых учреждений и крестьянским вопросом. Его поражало, с каким легкомыслием общество отнеслось к сложной задаче реформирования. Для В. П. Мещерского было очевидно, что контроль над молодежью был отдан в руки некомпетентным чиновникам. Так, после смерти графа Уварова, министром народного просвещения стал А. С. Норов – доверчивый, мягкий человек, совершенно неподходящий для своей миссии укрепления дисциплины в условиях борьбы с революционными веяниями. Его сменил граф Е. В. Путятин, при попустительстве которого студенческая молодежь стала чувствовать, что можно и на голове ходить. В. П. Мещерский назвал чиновников от образования главными виновниками нравственного растления молодежи: «Они принимаются за ней ухаживать, ища у нее популярности, вместо того, чтобы держать ее в строгом повиновении, и, играя в фрондеров и обличителей, когда можно безопасно, в мягком кресле гостинной, бранить и осмеивать правительство, они перед молодежью делаются холопами» [60, с. 79]. В. П. Мещерский полагал, что правительство, в целях борьбы со студенческими беспорядками 1862 г., в ходе которых возникли пожары в Гостином дворе и здании архива Министерства внутренних дел, проявит строгость, покажет свою твердую власть: «Поступи правительство тогда с подобавшею событию строгостью, порази оно строгостью наказания, может быть, действие репрессий было бы настолько сильно, что остановило бы сразу пропаганду подпольной крамолы и многих удержало бы страхом» [60, с. 115].

Будущие идеологи консерватизма приняли активное участие в подготовке Великих реформ Александра II. Мировоззрение К. П. Победоносцева (1827–1907) сформировалось во второй половине XIX в. в атмосфере николаевского царствования. А. Ю. Полунов связал формирование его консервативного мировоззрения с патриархальным бытом Первопрестольной: «Патриархальная тишина и уют окружающих порядков, сословные традиции семейного быта, искренняя религиозность в сочетании с глубоким патриотизмом – все эти особенности среды, в которой рос и воспитывался Победоносцев, во многом определили его тяготение к консервативной идеологии» [108, с. 47]. Угроза крестьянского бунта, нравственная и экономическая ущербность крепост-

ного права, поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. заставили его пересмотреть многие, кажущиеся ранее незыблемыми, стереотипы. Среди отрицательных черт николаевской эпохи К. П. Победоносцев выделял: безответственность власти, отсутствие самостоятельности, свободы мнений, подчинение всякой умственной деятельности военной дисциплине. Он восторженно встретил новое царствование Александра II: «...вообразили мы, что настанет новый век благоденствия и благодетельных перемен во всем нашем общественном быте» [104, с. 30]. По мнению К. П. Победоносцева, для проведения реформ необходимы были новые люди, способные трезво оценить ситуацию и не боящиеся проводить коренные преобразования. Интеллектуальная жизнь Москвы отличалась большой активностью. Именно здесь сформировались основные направления общественно-политической мысли – западники и славянофилы, революционные демократы. А. Ю. Полунов отмечал: «Победоносцев, безусловно, был хорошо осведомлен о дискуссиях, которые велись между представителями различных идейных направлений, и лично знал многих участников этих дискуссий. Так, И. С. Аксаков был его товарищем по училищу правоведения, Б. Н. Чичерин – коллегой по преподаванию в Московском университете и в царской семье» [108, с. 49].

Ушедшее в прошлое николаевское правление подвергалось критике не только со стороны либералов. В 1859 г. А. И. Герценом в Лондоне была опубликована работа К. П. Победоносцева «Граф В. П. Панин. Министр юстиции», в которой рассматривались пороки николаевского правления в сфере судопроизводства: «Объектом острой критики со стороны Победоносцева был и сам глава ведомства юстиции, министр В. Н. Панин. Для правоведа в нем воплотились худшие качества временщика – склонность к произволу, упоение властью, самовольное распоряжение судьбами подчиненных. Мелочная регламентация...способствовала лишь дальнейшему развитию злоупотреблений» [108, с. 57]. Дряблость, распыленность государственной власти тревожили К. П. Победоносцева: «То состояние, в котором находится у нас управление в настоящую минуту, приличнее назвать организованной анархией. Власть щедрой рукой рассыпана у нас повсюду; от министра до будочника – на каждом шагу встречается лицо, облеченное всею неприкосновенностью власти» [104, с. 31]. Не находя в действиях власти единства и последовательности, К. П. Победоносцев

критикует сначала министерские чины и министров, нарушающих закон. Он делает вывод, что министры наделены практически безграничной властью и это плохо сказывается на работе государственного аппарата: «...каждый видит в себе полнейшее отражение самодержавной власти и считает себя безответственным ее представителем, если закон стесняет его, он не стесняется законом и, когда нужно высказаться, без всякого зазрения совести прикрывает себя авторитетом «Высочайшего повеления», которое от него же зависит, потому что Высочайшая власть с ним только имеет дело непосредственно» [105, с. 31].

К. П. Победоносцев подверг резкой критике деятельность министра юстиции В. П. Панина: «...в графе Панине явилось перед нами само начало разрушения, представилась целая система, тяготеющая над Россией, система насилия сознательного, личного произвола, официальной лжи, лицемерия, возведенного в догмат, система тем более губительная, что она применяется к самой важной и существенной части государственного управления – к правосудию» [105, с. 41]. Злоупотребление властью министра юстиции К. П. Победоносцев связывал с отсутствием в России гласности и общественного мнения: «Публичного мнения у нас нет, о гласности мы смеем только мечтать и бог весть когда ее дождемся...» [105, с. 39]. Он выступил за гласность и открытость в деятельности правительства: насилия и беззакония чиновников, по мнению политика, не должны скрываться правительством, которое больше теряет в народном мнении от того, что скрывает действия своего правосудия.

Безответственность чиновников особенно негативно сказывалась в такой важной для общества сфере, как судопроизводство. Будучи правоведом, К. П. Победоносцев не мог не видеть неприглядных сторон николаевского суда. Он критикует систему судопроизводства за волокиту, взятки, бюрократизм, насилие над невиновными гражданами. Причину беззакония в судебной сфере он видит в отсутствии ответственности: «...всегда главной причиной беззакония, не перестающего повторяться, будет именно то, что нарушители закона почти никогда не подвергаются ответственности и потому почти никогда ее не опасаются [105, с. 37]. К. П. Победоносцев имел свой план по исправлению злоупотреблений в судебной сфере, в котором в полной мере раскрывался консерватизм мыслителя. Он считал, что не нужно ломать все до основания: «В ожидании учреждений совершеннейших

постараемся дать свободный ход тем учреждениям, которые у нас есть: это несравненно легче сделать, чем заменить новым прежнее, уже испытанное в деле» [105, с. 39]. Законность и ответственность являются главными требованиями К. П. Победоносцева к работе государственного аппарата: «Ответственность чиновника тогда служит надежным обузданием его произвола, когда представляется неизбежною, когда ни одно нарушение прав, допущенное им, не останется без взыскания, как скоро доходит до рассмотрения высшей власти, когда никто не может с полной вероятностью рассчитывать на безнаказанность» [105, с. 34]. К. П. Победоносцев был сторонником построения в России гражданского общества и считал необходимыми условиями для его формирования освобождение личности от унижительного крепостного состояния и установление элементарного правопорядка во всех сферах жизни.

Также он высказывался о необходимости создания независимой судебной власти для контроля и надзора над правительственными учреждениями: «Всякая ответственность будет пустым звуком, случайным явлением, если нет в государстве органа, отдельного от прочих частей управления, составленного из лиц вполне от него независимых по своему положению, который имел бы право и обязанность наблюдать за исполнением законов и полную власть немедленно подвергать всех членов управления ответственности за нарушение закона» [105, с. 35]. К. П. Победоносцев предложил систему разделения властей на верховную, исполнительную (правительственную) и судебную ветви. Верховная власть в концепции правоведа была олицетворением государственного единства и территориальной целостности. Он не разделял монархию на абсолютную и самодержавную, подчеркивая ее надклассовый, надпартийный характер: Константин Петрович был сторонником формирования «правовой» монархии. Император был для него также и верховным хранителем правосудия, единственным защитником народа от притеснителей. Исполнительная и судебная власти – производные от власти верховной, но в отношениях между собой совершенно независимы. К. П. Победоносцев предлагал царю взять под строгий контроль деятельность чиновников исполнительной власти, предупреждал, что «...если существующая пагубная система не изменится, придет время, когда по милости деспотов, окружающих престол, народ будет видеть в царе только безличный грозный образ какой-то чужой власти» [105, с. 32].

20 ноября 1864 г. Александром II были утверждены новые судебные уставы, в разработке которых правовед принимал активное участие. В апреле 1865 г. Константин Петрович выступил в «Московских ведомостях» с серией передовых статей о преимуществах новых судебных уставов по сравнению с николаевскими уставами. Он подчеркивал, что целью судебной реформы следует считать введение правового и разумного суда: «Новый суд тем дорог нам, что обещает утвердить и осуществить в нашей публичной жизни понятие о законе, которому негде было приютиться среди всюду господствовавшего благонамеренного и неблагонамеренного произвола» [104, с. 47]. По его мнению, судебная реформа стала коренным масштабным преобразованием российской жизни: «Теперь, с изданием судебных уставов, эта система в первый раз подвергается коренному изменению сверху донизу» [104, с. 39–40]. Преимущество судебной реформы К. П. Победоносцев видел не только в том, что был провозглашен принцип равенства всех граждан перед законом и их право на справедливую защиту, но и в том, что была введена строгая ответственность для судей, нарушающих законы. То унижительное положение, когда власть исполнительная вмешивается в деятельность власти судебной, было исправлено в новых судебных уставах. Вводился принцип несменяемости судей: «Новый судебный устав снимает с судьи это иго и представляет суду свой круг деятельности, в который ни прямо, ни косвенно не может вмешиваться общая администрация» [104, с. 37]. К. П. Победоносцев надеялся, что новые судебные уставы из законной возможности превратятся в законную действительность и закон восторжествует в российской жизни. Будучи консерватором, он выступал за постепенность преобразований судебной сферы, отмечая, что реформаторы должны использовать тот неисчислимый запас опыта, знаний и традиций, который накопил русский народ за свою историю судопроизводства и богатую судебную практику.

В 1859–1865 гг. К. П. Победоносцев был сторонником либерального консерватизма. Он искренне приветствовал отмену крепостного права, создание независимой власти, гласность и свободу общественного мнения, характер, отвечающий желаниям абсолютного большинства граждан России, выступал за равенство всех граждан перед законом и ответственность всех органов управления, начиная с министров.

Конечно, Константин Петрович не предлагал никаких проектов введения представительного правления. Но такой пункт не выдвигали и либеральные консерваторы Ю. Ф. Самарин и Б. Н. Чичерин, которые отвергали все конституционные проекты, так как в те годы любой российский парламент мог быть только дворянским. К созданию представительства и участию в нем малограмотное крестьянство было не готово. К. П. Победоносцев разрабатывал новые судебные уставы, надеясь, что они заложат в России основы правового государства. Его идеи имели прогрессивный характер. В этот период К. П. Победоносцев предстает перед нами мыслителем, в мировоззрении которого были гармонично слиты либеральные и консервативные идеи. Его либерализм был связан с отождествлением верховенства закона с инструментом социального контроля, правом и возможностью жить в соответствии с законом и не быть зависимым от непостоянной, самовластной воли другого человека. Будучи консерватором, он выступал за сильную монархическую власть, способную провести коренные реформы, противостоять анархизму и нигилизму, отдавая предпочтение эволюционному пути развития, постепенным, подготовленным реформам. Однако в середине 1860-х гг. произошло изменение политических взглядов К. П. Победоносцева. Оценив негативные последствия реформ Александра II, он постепенно отходит от своих либеральных убеждений и становится твердым охранителем, идеологом бюрократического консерватизма.

Еще одним примером активного участия консерваторов в разработке плана преобразований Александра II являются письма царю от Михаила Петровича Погодина (1800–1875) – профессора русской истории в Московском университете, сотрудника «Московских ведомостей». В правление Николая I М. П. Погодин придерживался твердых консервативных убеждений и в 1830–1840-е гг. являлся видным представителем теории «официальной народности». Российский историк Вадим Эрлихман предположил, что поражение России в Крымской войне «...заставило Погодина пересмотреть многие взгляды, он всерьез заговорил об отсталости страны, о необходимости реформ и прежде всего отмены крепостного права. Дошло до того, что он призвал нового царя Александра II созвать Земскую думу, нечто вроде старинных Земских соборов, поскольку монарх не может принимать важных решений без совета с представителями общества» [165, с. 63].

В письме о положении России в конце Крымской войны 18 октября 1854 г. М. П. Погодин упрекает Николая I в покровительстве различным злоупотреблениям. Пользуясь отсутствием гласности, различные подхалимы старались в своих публикациях доказать, что Россия благоденствует, процветает: «Невежды славят ее тишину, но эта тишина – кладбища гниющего и смердящего физически и нравственно... Рабы славят ее порядок. Нет! Такой порядок поведет ее не к счастью, не к славе, а в пропасть! Государь, очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недостижимую, он не имеет средств ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мыслей закрыты, нет ни гласности, ни общественного мнения, ни протеста, ни контроля» [44, с. 66]. М. П. Погодин критиковал бюрократическую систему России, построенную на бездарности, посредственности, подлости, круговой поруке. Он называл ее системой тьмы и зла в образе законного порядка.

Не мог обойти Михаил Петрович и как никогда острый для России крестьянский вопрос. Он с большим сочувствием относился к крепостным крестьянам, страдающим от тиранства помещиков, ведь и сам был из таких. Не оправдывая убийства помещиков, он пишет: «...несчастные крестьяне, которые, выведенные из терпения, берут нож в руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работе в сибирских рудниках, неужели не заслуживают лучшей участи? Ведь это те же самые люди, что теперь священнодействуют в Севастополе с таким мужеством, с таким самопожертвованием и спасают не только русскую честь, но даже наше значение, нашу будущность» [44, с. 68].

М. П. Погодин призывал Александра II разрешить политику гласности. Гласность – это лекарство от всех внутренних и внешних болезней: «Посредством гласности будут вразумляться начальники, посредством гласности будет приобретать со всех сторон лучшие и вернейшие сведения правительство, посредством гласности будут делаться известными способнейшие люди, казниться злоупотребление, посредством гласности возродится общественное мнение!» [44, с. 69–70]. Кроме гласности, способной исправить внутренние и внешние настроения, М. П. Погодин придавал большое значение развитию системы образования. Он выступал за основательное, прикладное, равное для всех образование «...без всяких исключений, ограничений, стеснений

по званиям, а по одному святому правилу “душа – мера”, кто, сколько по своим силам и желаниям получить его может» [44, с. 70].

В письме Александру II от 3 января 1856 г. Михаил Петрович предложил царю провести следующие преобразования: предоставить полякам конституцию, провести амнистию всем политическим преступникам, включая поляков, облегчить цензуру и дать свободу книгопечатанию, во внешней политике провозгласить систему невмешательства в дела других стран и народов. Отдельный пункт его программы касался крепостных крестьян. М. П. Погодин предлагал государю объявить о намерении постепенного освобождения крепостных крестьян. Сделать это освобождение можно было путем ассигнования определенной суммы из государственного бюджета «...для выкупа их по жребию или в награду за хорошее поведение...» [44, с. 71]. Важнейшим условием проведения реформы должно быть обоюдное согласие крестьян с помещиками. Предполагалось, что реформа пройдет без малейшего ущерба для дворянства.

В письме от 16 мая 1856 г. М. П. Погодин описывает повседневную жизнь России в этот период и отмечает следующие затруднительные обстоятельства: отсутствие союзников, наступление врагов, истощение припасов в ходе Крымской войны, инфляцию: «Мы все теперь упали духом, ослабели, опошлели, притупели, испортились, отвыкли от участия в общем деле – и лжем без всякого милосердия» [44, с. 72]. Михаил Петрович предложил Александру II обратиться к историческому опыту Смутного времени, когда Кузьма Минин, земский человек, стал организатором создания народного ополчения. Поэтому государю необходимо созвать Земский собор: «...русские люди... подымут приникшую свою голову, разверзнут уста..., посоветуются между собою искренне и любовно и представят царю, по древнему обычаю, откровенные мнения о всех современных вопросах, внешних и внутренних, а царь решай, как Бог ему на сердце положит. Не может быть, чтобы из семидесяти миллионов народа, столько даровитого, не нашлось на всякое дело по несколько умных советников и добросовестных исполнителей» [44, с. 72]. М. П. Погодин отмечал, что Земский собор должен помочь правительству выйти из трудного положения, в котором оказалась Россия. Историк старался донести до Александра II следующую важную мысль: «Прежняя система отжила свой век. Сам Бог, взяв с поприща действий покойного государя, показал нам, что для России теперь нужна другая система» [44, с. 73].

Интересные сведения об умонастроениях, царивших в обществе, о дворянском либерализме в период подготовки к крестьянской реформе, в 1859–1860 гг. приводит В. П. Мещерский. Он отмечал, что на тот момент противоборствовали два лагеря – консервативный и либеральный. Дворянские либералы, под влиянием А. И. Герцена, стремились к освобождению крестьян, введению земских учреждений и народному представительству: «Были гостиные, где тогдашние Мирабо большого света рассуждали так, обращаясь к правительству: вы хотите отнять у нас помещичьи наши права, прекрасно, отнимайте, но взамен мы хотим политического влияния как дворянское сословие, мы хотим права голоса в политических делах... Идея либерального кружка дворян в Петербурге продать свои помещичьи права за политическое влияние – встречена была не только не сочувственно не столько правительственной сферой, в то же время добродушною, сколько средой эмансипаторов, имевшей тогда два центра: один у великой княгини Елены Павловны, а другой – у графа Якова Ивановича Ростовцева» [60, с. 71–72] (Мирабо – деятель Великой французской революции, знаменитый оратор и масон – *Прим. ред.*). Славянофилы же в лице Ю. Ф. Самарина выступали против приобретения дворянством особой политической роли. Острыми вопросами при подготовке крестьянской реформы были вопросы об освобождении крестьян с землей или без земли, о роли дворянского сословия в этой важнейшей для страны реформе.

У дворянства складывались различные мнения о крепостном праве. Несмотря на критику недостатков николаевского правления, славянофилы не спешили отпустить своих крепостных на волю. Консерватор князь В. П. Мещерский вообще называл сообщения о зверствах помещиков сказками. В своих воспоминаниях о детстве в деревне он писал, что его отец в каждом мужике уважал человека. Имена многих крепостных маленький Владимир хорошо знал, как и их печали, радости и проблемы: «...у моего отца было до 2000 душ, и не только ни разу мой отец не увеличивал 6 рублей оброка, но прощал недоимки, всякому помогал лесом, сердечно входил в положение всякого нуждающегося; а так как при этих условиях большая часть крестьян была сравнительно богата и отдельные крестьяне торговали с купцами второй гильдии и ворочали десятками тысяч, то легко понять, какое нравственное значение имел во славу моего отца тот факт, что он, не смотря на безбедное состояние своих крестьян, никогда не подумал

возвышать в течении 30 лет взимавшийся с них пустяшный оброк» [60, с. 80–81]. В. П. Мещерский с иронией писал о том, как же отблагодарили его отца освобожденные крестьяне: «Издавна был у крестьян моего отца обычай в Новый год и на Пасху присылать депутации с поздравлениями и приношениями конфет, сладких пирогов и фруктов. Последнее приношение ими было сделано в январе 1861 г. После ни одного разу они не приходили поздравлять моего отца! Черта эта комментарий не требует» [60, с. 81].

Владимир Петрович полагал, что подготовленная либералами крестьянская реформа 1861 г., по масштабам последствий сравнимая с Великой французской революцией 1789 г., была поспешной и непродуманной, в общем, плохо подготовленной. Он даже называл ее либеральной комедией. Во-первых, по его мнению, не было людей, способных ее проводить. Во-вторых, при проведении реформы игнорировалась историческая роль дворянства. Правительство не сделало его соучастником своей деятельности, чем в какой-то степени унизило его. Консервативный журналист отмечал, что государю Александру II следовало перед подписанием Высочайшего манифеста об отмене крепостного права «...созвать всех губернаторов, чтобы преподать им одну общую инструкцию и дать им тон, по которому они могли бы действовать, и всех губернских предводителей дворянства, с целью: а) в их лице поблагодарить все дворянство за патриотическое дело, ими совершенное, и б) призвать их к духовному, так сказать, содействию правительству в предстоящем великом труде введения Положения об отмене крепостного права 19 февраля 1861 г. Такой созыв губернских предводителей дворянства имел бы историческое значение торжественного исповедания Государем перед лицом своего народа той громадной исторической заслуги, которая с такой любовью, с таким глубоким верноподданническим чувством, с таким беспредельным самоотвержением была принесена на алтарь Отечества» [60, с. 81]. В-третьих, не был продуман вопрос о том, кто будет представлять власть в деревне после отмены крепостного права, выполнять полицейские функции. Следствием этого стали безвластие и беспорядок: «...только через 2 месяца после 19 февраля в 1861 г. догадались и спохватились в Петербурге, что в провинции, в деревнях никакой власти для введения Положения не имеется, и что мировых посредников еще нет, и весь государственный переворот лег... на полицию того времени,... то есть на знаменитых исправ-

ников по выбору дворян» [60]. Крайне враждебное отношение сложилось у В. П. Мещерского к инициаторам проведения крестьянской реформы – С. С. Ланскому и другим, старающимся, по его мнению, ущемить интересы дворянства. Это показывает следующая цитата из его воспоминаний: «Вот так легкомысленно тогда было пущено дело; воротили его все свое внимание сосредоточили над земельным вопросом, то есть над заботою как можно больше поразить дворянство...» [60, с. 82]. Владимир Петрович противопоставлял искреннюю, чистую радость императора Александра II от манифеста 19 февраля 1861 г. лицемерной позиции его сотрудников: «...радость его сотрудников была испорчена вопросами и сомнениями вроде следующих: достаточно ли они отняли у дворян земли, достаточно ли пошатнуто дворянство земельное в своих устоях и своих основах, достаточно ли создано для него критическое и трудное положение» [60, с. 83].

В период либеральных реформ Александра II отечественные философы много внимания уделяли проблемам, связанным с формированием демократии и гражданского общества. Эти размышления о свободе, власти и демократии являются очень актуальными в настоящее время. Б. Н. Чичерин (1828–1904) – крупный русский философ, правовед, идеолог либерального консерватизма полагал, что уровень развития свободы в обществе напрямую зависит от того, как развиты другие начала общественной жизни – собственность, право, нравственность, насколько сильны законодательные ограничения произвола власти. Непомерно раздутая роль верховной государственной власти, ее склонность к авторитаризму и фактическая бесконтрольность являются главными угрозами для демократии. Так, оценивая последние годы правления Николая I, Борис Николаевич писал: «В последние годы царствования деспотизм достиг самых крайних пределов... Всякий независимый голос умолк, университеты были скручены; печать была подавлена, о просвещении никто уже не думал. В официальных структурах водворилось безграничное раболепство, а внизу накопала затаенная злоба... Администрация оказалась никуда не годной, казнокрадство было повсеместное. Положиться было не на кого; везде царствовала неспособность» [154, с. 180–181]. Такая ситуация стала возможной потому, что Николай I не доверял образованному обществу. Это в полной мере проявилось в неудачных попытках решения крестьянского вопроса. В правление Николая I работало девять Секретных комитетов по

крестьянскому вопросу. Своей главной цели – освобождения крепостных крестьян, – они не достигли. Руководитель ГАРФ С. В. Мироненко в своем исследовании сделал следующий вывод о причинах этого: «В Секретном комитете были собраны лучшие из высших бюрократов, какими располагала в то время государственная власть, но как бледны и неконструктивны были все их предложения!... Неограниченная верховная власть и служащий ей бюрократический аппарат в силу своей сущности исключали гласность. Тайна, замкнутость любых государственных решений в узком круге доверенных лиц органически присущи такой системе. И именно это не позволило ей осуществить реальные перемены» [68, с. 219–220].

Что же препятствовало формированию в России творческой демократии, правового государства и гражданского общества? Во-первых, коррупция. К сожалению, Россия, как и прежде, во многом принадлежит к категории государств, которые американский ученый Р. Пайпс именовал «вотчинными»: «В таких государствах политическая мысль мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства, и его собственником» [93, с. 11]. Во-вторых, формированию творческой демократии препятствует низкий уровень образования и правосознания граждан. В-третьих, демократия невозможна без определенного имущественного достатка, без собственности.

Борис Николаевич Чичерин являлся духовным вождем, идеологом либерального консерватизма, сущность которого состояла в примирении свободы с властью и законом. Он выступал за постепенный путь преобразований, полагая, что в эпоху реформ как никогда важны общественное согласие и совместная единая работа всех слоев населения. Уважение к личности и ее права на свободу являлось основой учения Б. Н. Чичерина. Труд по философии права, разработанный им, интерпретирует свободу человека как источник его прав, которые должны быть признаны обществом: «Все достоинство человека основано на свободе; на ней зиждутся права человеческой личности... Человек – не средство для чужих целей, он сам абсолютная цель» [156, с. 463]. Права личности рассматривались мыслителем в единстве с обязанностями человека перед другими людьми и государством. Свободный человек, вступая в общество, ограничивает свою волю совместно с волей других, подчиняется гражданским обязанностям, повинуется власти, представляющей идею общественного единства и высшего порядка. Но

и здесь он сохраняет свое человеческое достоинство. Б. Н. Чичерин отрицал безграничную свободу: «Повиновение закону – вот главное требование правды, первый признак гражданственности, первое условие свободы. Свобода анархическая – преддверие деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, одна может установить прочный порядок» [156, с. 379]. Высоко оценивая свободу, он в то же время писал, что слишком часто насилие прикрывается идеей свободы, и тот, «...кому дорога истинная свобода, с ужасом и отвращением отступает от тех уродливых явлений, которые выдвигаются под ее знаменем» [156, с. 463].

Анализируя российский либерализм, Б. Н. Чичерин выделял в нем три главных направления: уличный, оппозиционный и охранительный. Мыслитель был идеологом охранительного либерализма, объединяющего основные ценности либерализма и консерватизма: «В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть, либеральные меры, ...обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, и сильная власть – блюстительница государственного единства, связывающая и сдерживающая общество, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение...» [156, с. 471]. Либерализм Б. Н. Чичерина был связан с учением об абсолютной ценности человеческой личности. Консервативные же идеи выражались в том, что лишь сильное государство и сильная власть могут быть гарантом свободы, достоинства граждан, дальнейшего развития реформ. Либеральные реформы должны воспитывать в народе личную самостоятельность.

Б. Н. Чичерин связывал форму правления со степенью развития народов и полагал, что существуют общие закономерности, характерные для всех народов при переходе от рабского общества к гражданскому. Политическим абсурдом он называл мысль о том, что один и тот же образ правления характерен для народа, находящегося в крепостном состоянии, и для гражданского быта, основанного на свободе. Неограниченная монархия в конце XIX в. исчерпала свои возможности и могла уступить свое место представительному правлению: «... народ должен быть призван к новой жизни утверждением среди него начал свободы и права. Неограниченная власть, составляющая источник всякого произвола, должна уступить место конституционному порядку, основанному на законе» [156, с. 614]. Таким образом, Борис Николаевич был идеологом конституционной монархии.

Идея гражданского общества является одной из центральных проблем политических изысканий Б. Н. Чичерина. Понимая, что путь к построению основ гражданского общества труден, мыслитель считал элементами гражданского общества различные институты самоуправления граждан, свободное, демократическое, гласное и независимое судопроизводство, свободу совести, общественного мнения, печати, публичность правительственных действий, следование принципу разделения властей. Б. Н. Чичерин правильно считал, что развитие гражданского самоуправления невозможно в обществе, где нет уважения к закону и власти: «Мне казалось, что настала потребность указать на забытые литературой элементы власти и закона, столь же необходимые обществу, как и сама свобода. Разумная гражданская жизнь возможна только при соединении свободы с этими началами» [156, с. 366].

Каковы же были основные тенденции социального развития во второй половине XIX в.: «...эпоха, следовавшая за отменой крепостного права в России, характеризовалась глубокими изменениями в социальной структуре общества. В повседневной жизни населения, в представлениях людей о мире. К концу XIX в. население страны значительно увеличилось. Его численность достигла 126 млн человек... К концу XIX в. Россия оставалась преимущественно аграрной страной. 71 % ее населения принадлежал к крестьянскому сословию. Городские сословия мещан и купцов составляли соответственно 11 % и 0,5 % населения. Привилегированными сословиями считались дворянство и духовенство, которых насчитывалось соответственно 1,5 % и 5 %» [126, с. 8–9]. Городское население, составлявшее при Екатерине II всего 4,1 %, увеличилось при Александре II до 7,8 %. Медленное развитие буржуазных отношений было связано с несколькими причинами.

Во-первых, государственная власть не спешила торопиться с решением крестьянского вопроса, затрагивающего интересы всех сословий. С. А. Экштут отмечал, что власть и «...благомыслящие подданные прекрасно понимали, что поспешное решение этого вопроса вместо достижения всеобщего блага приведет к большей беде: разгулу своеволия и распаду государства. Именно сознательное стремление правительства избежать кровавых крестьянских волнений и новой пугачевщины, а также хорошо осознанное желание любой ценой сохранить общественное спокойствие – все это десятилетиями обуславливало неспешность действий верховной власти» [163, с. 44–45]. Во-вторых,

государственная власть не понимала сущности происходивших в экономике изменений, не стимулировала дворянство к переходу на капиталистические методы ведения сельского хозяйства. Тогда как в России дворянство копило долги и разорялось, в Пруссии второй половины XIX в. данная прослойка общества активно включилась в процесс капиталистического развития страны. Юнкеры (помещики) модернизировали свои хозяйства, покупали паровые плуги, молотилки, применяли минеральные удобрения, заводили племенной скот, но при этом число работающих крестьян на селе сокращалось. Бывшие крестьяне уходили в города, где активно строились промышленные предприятия. Немецкое дворянство, чувствуя свою выгоду, старалось вложить свободные средства в развитие индустриального производства. В России, как писал С. А. Экштут, все было иначе по сравнению с Германией. Исторически сложилось такое представление, что дворянство должно было служить престолу «пером и шпагой»: «И хотя Россия была страной аграрной, сельским хозяйством в своих родовых имениях занимались исключительно неудачники и маргиналы. Верховная власть понимала ненормальность ситуации, чреватой грядущим обнищанием дворянства, но не решалась покуситься на освященную веками имперскую систему ценностей. Экономическая целесообразность никогда не была определяющей в этой системе. Успешное управление собственным имением трактовалось как частное дело помещика, но не как дело государственное. Социальный престиж не находящегося на государственной службе владельца обустроенного и доходного имения не шел ни в какое сравнение с престижем офицера или помещика. Дворянин не мыслил своего существования без обретения чинов и орденов, а между тем даже самая успешная хозяйственная деятельность не могла способствовать обретению ни того ни другого. Дворянство беднело и вырождалось, хозяйство страны приходило в упадок. Россия шла к неизбежной катастрофе» [163, с. 45]. Три четверти помещичьих земель были заложены в ломбардах, банках и частных руках. Крепостные крестьяне подвергались унижительным поборам со стороны алчных управителей, обманывающих также своих господ. Экштут приводит многочисленные примеры, позволяющие увидеть, как разорялось дворянство. При Николае I российские дворяне могли закладывать свои родовые имения в банке сроком на 20 лет под

8 % годовых. Так А. С. Пушкин, планируя свою свадьбу в 1830 г., заложил 200 душ мужского пола в Опекунский совет за 38 тысяч рублей ассигнациями. Как же он ими распорядился? Одиннадцать тысяч он отдал будущей теще, десять тысяч – другу П. В. Нащокину. На годичное житье он оставил себе семнадцать тысяч рублей. Отложенных денег хватило лишь на три месяца. Выходит, прав был Б. Н. Чичерин, когда утверждал, что ни крестьяне, ни дворяне не умели распорядиться деньгами, которые утекали у них как вода между пальцами.

Интересные оценки особенностей крепостной экономики дал историк Б. Н. Миронов. Он полагал, что к середине XIX в. его «...резервы еще не были исчерпаны. Если бы крепостное право сохранилось, помещики по-прежнему получали бы прибыль, но возможности для развития были бы ограничены. А чтобы сделать сельское хозяйство более доходным и эффективным, надо было менять агротехнику, использовать новые орудия труда, повышать грамотность работников и т. д. Поэтому при сохранении крепостничества даже в среднесрочной перспективе не было надежды на успешное развитие экономики» [69, с. 11].

Б. Н. Миронов привел интересные факты о крепостном праве:

- 1) барщинные крестьяне приносили своему помещику вдвое больше дохода, чем оброчные;
- 2) крепостные крестьяне работали в среднем сто дней в году;
- 3) потребности крестьян были скромными: богатство, успех рассматривались ими как смертный грех и искушение, соответственно, у них отсутствовал стимул для развития производства;
- 4) неграмотность крестьян мешала эффективному ведению хозяйства после отмены крепостного права: «В середине XIX в. среди крестьян было лишь 25 % грамотных (17 % мужчин и 8 % женщин).

Неудивительно, что после реформы вести хозяйство по-новому оказались способны вести немногие. Для эффективного хозяйствования необходимо быть грамотным, иметь возможность знакомиться со специальной литературой, чтобы совершенствовать агротехнику, а также читать газеты и журналы, чтобы следить за конъюнктурой, ценами и т. д. Неграмотный и малограмотный человек во многом традиционен: он ничего этого не может, да и не хочет. Он делает только то, что делали его отцы и деды, что он постиг на личном опыте. И хотя грамотных людей в деревне постепенно становилось больше, преобразование деревни протекало медленно, долго и болезненно» [69, с. 13]. В другом исследо-

вании также отмечается низкий уровень образования: «Грамотность среди мужчин старше 9 лет в конце XVIII в. составляла лишь 6 %, у женщин – 4 %. В 1840 г. на тысячу человек населения приходилось лишь 5 учащихся» [121, с. 129]. Б. Н. Миронов также сделал вывод, что во второй половине XIX в. крепостническая Россия отставала от западных стран, где активно развивался капиталистический уклад по таким показателям, как: «...валовой национальный продукт на душу населения, урожайность зерна, продолжительность жизни, процент грамотных среди населения, число учащихся на 1000 человек, процент городского населения, число врачей на 10000 населения, число экземпляров газет на 1000 человек, длина грунтовых, шоссеиных и железных дорог на 1000 кв. км. территории, число почтовых отправлений на душу населения больше, чем на сто лет» [69, с. 11]. Развитию буржуазных отношений препятствовало, по мнению историка Б. Н. Миронова, наличие больших незаселенных пространств. Из-за плохих дорог и неразвитой инфраструктуры рыночная экономика и урбанизация развиваются медленно: «В середине XIX века в Европейской России и Сибири насчитывалось 691 городское поселение, среднее расстояние между ними в Европейской России составляло 87 км, в Сибири – 516 км. А страны Западной и Центральной Европы уже в XV веке были покрыты густой сетью городов, находящихся друг от друга в среднем на расстоянии 20–30 км. Это означает, что любой крестьянин там мог за один день добраться до города и вернуться домой даже пешком. В России же, учитывая плохое состояние дорог, поездка на лошади из большинства сельских поселений в ближайший город требовала несколько дней» [69, с. 9].

Несмотря на все трудности модернизации новые явления в жизни общества пробивали себе путь. В ходе реализации либеральных реформ появились и утверждались новые социальные общности – буржуазия, пролетариат, интеллигенция. Сотни тысяч молодых людей, ставших рабочими, приносили с собой в города свои привычки, воззрения, унаследованные от традиционных сословий – крестьян, мещан. При этом они утрачивали связь с общиной и православным приходом, становясь легкой добычей для революционных агитаторов. Картина художника В. Е. Маковского «На бульваре» написана в 1877 г. и посвящена одной из самых острых проблем России в тот период – вынужденному отъезду крестьян в город на заработки, что в конечном итоге привело к распаду традиционного уклада жизни русских дере-

вень: кормилец семьи отрывался от престарелых родителей (корней), жены и детей (семьи), терялась или ослабевала тонкая связь между ними, и все это приводило к гибели патриархального мира. Герои полотно – молодой муж, находящийся на заработках в городе, и приехавшая к нему из села жена с ребенком. Они сидят на улице, на бульваре, но супруг, кажется, вовсе и не интересуется своей благоверной. Он беспечно наигрывает на гармошке. Фатоватый, подвыпивший, ставший «городским» муж развалился на скамейке, лихо заломив картуз, словно его ничего, кроме собственной персоны, не интересует, внимания молодой жене он не уделяет. Бедная девушка сидит, потупившись в землю, на лице застыли отчаяние и безысходность. Многие уехавшие в город рабочие, особенно на Урале, не порывали связь с деревней. С XVIII в. существует традиция предоставления горнозаводским рабочим нескольких недель в году для сельскохозяйственных работ.

По оценке историков, к концу XIX в. «...около 17 % населения России составляли пролетарии (наемные рабочие), 26 % – полупролетарии, а на долю крупной буржуазии и помещиков приходилось 2,4 %» [126, с. 9].

Важной тенденцией социального развития России была урбанизация: «...население городов увеличилось за 1893–1913 гг. на 70 %, численность индустриального пролетариата – в 2,5 раза (с 1,5 до 4,2 млн чел.). Население двух столиц перевалило за миллион, две трети от числа всех жителей здесь составлял пришлый люд, выходцы из деревни» [126, с. 11]. В своей книге советский и российский историк Л. В. Беловинский показывает рост населения Москвы, связывая его с процессами индустриализации и урбанизации: «...Москва была одним из крупнейших и быстро растущих городов России: в 1805 г. ее население составляли 215 953 человека, по переписи 1871 г. – 601 969 жителей, в 1882 г. – 753 469, а в 1897 г. – 1 035 664 человека; крупнее Москвы был только Петербург с его 1 267 023 жителями» [9, с. 14].

Наряду с крупной промышленностью в России большое значение сохраняли кустарные промыслы и ремесло. Из числа разбогатевших крестьян вышли такие яркие предприниматели, как Морозовы, Гучковы, Рябушинские.

Л. В. Беловинский, размышляя о категориях городского населения России второй половины XIX в., отмечает, что, несмотря на Великие реформы, отчасти разрушившие сословный строй, значительную

массу городского населения составляли старые феодальные сословия: «Так, в Москве в 1882 г. они составляли 28, 3 % и даже в чиновном Петербурге их в 1881 г. было около 15 %... В провинции, в более ранний период они занимали более видное место. ...в 60-х гг. в Саратове купцы, мещане и цеховые вместе взятые составляли около 62 %, в Самаре – даже более 72 %, а Рязани – более 1/3 населения» [11, с. 8]. Среди других категорий городского населения можно было выделить чиновников и военных: «...в Москве в 1882 г. они составляли 10 % населения, а в Петербурге, с его гвардией и гарнизонными частями – даже около 20 %... В пределах от десятой доли процента до 2,5 % занимало духовенство, и только в некоторых городах с обилием храмов и монастырей духовных было больше: например, в Суздале на рубеже XIX–XX вв. духовенство составляло 6 % населения, а в Рязани в 1866 г. – 8,4 %» [11, с. 9]. Велика была также доля крестьянства. Крестьяне приезжали на заработки в города – работали строителями, сторожами, дворниками, трактирными. В 1881 г. их насчитывалось в Петербурге 117, 5 тысяч человек. Л. В. Беловинский фиксирует небольшой удельный вес дворянства в составе городского населения: «Даже в таком чиновном городе, как Санкт-Петербург, дворянство до 1801 г. составляло 6,5 % населения (13,2 тыс. человек), в 1881 г. – относительный удельный рост (до 42,9 тыс.), к 1881 г. относительный удельный вес его так и не достиг 10 %. В Москве дворян в 1882 г. было 7,4 %» [11, с. 9].

Характерной особенностью социальной структуры второй половины XIX в. была важная роль чиновничества. Аппарат управления постепенно вырос в XIX в. в семь раз, достигнув 385 тысяч человек. В чиновничество начинали проникать люди из разных сословий. Они придерживались различных политических взглядов, от консерватизма до либерализма.

Этноконфессиональный состав империи отличался большим разнообразием. Русское население к концу XIX в. составляло примерно 47–49 %, украинцев – 19 %, по 6 % насчитывалось белорусов, финнов и поляков, по 3,5 % – литовцев и евреев. Татары, башкиры и мордва составляли примерно по 1,5 % населения. В монографии о региональных аспектах модернизации выделяются главные по населенности районы страны: «По переписи 1897 г. ее население оставило 128,2 млн чел, в том числе, в европейской России – 93,4 млн, Царстве Польском –

9,5 млн, Великом княжестве Финляндском – 2,6 млн, Кавказском крае – 9,3 млн, Сибири – 5,8 млн, Среднеазиатских областях – 7,6 млн чел. На территории России проживало более 100 народов, доля русских в населении страны уменьшилась до 44,3 %. Таким образом, если в середине XVII в. на долю русских приходилось 95 % всего населения страны, то к концу XIX в. основная имперообразующая нация, русские, превратилась в непривилегированное меньшинство» [121, с. 93–94].

Традиционно, важную роль в социальной структуре XIX в. играло дворянство. Его численность составляла около одного миллиона человек. В энциклопедическом словаре «Гранат» за 1899 г. отмечалось, что 85 % населения страны составляли крестьяне, и только 0,9 % населения приходилось на дворянство. Дворянство господствовало в армии, государственном аппарате, органах местного самоуправления. Из них назначались земские начальники. Следует отметить, что сословная структура не отражала социальных реалий. Дворянство постепенно утрачивало свое политическое и экономическое влияние, не могло выполнить отведенную ему законом роль в местной администрации и органах местного самоуправления. Одной из острейших проблем дворян стала проблема экономического разорения, утрата поместий. На две трети дворянство было безземельным. Дошло до того, что к началу XX в. от 30 до 45 % высших должностных лиц (сенаторов, членов Государственной думы) не имели поместий. А среди крупных земельных собственников около одной трети составляли лица недворянского происхождения – купцы, разбогатевшие крестьяне.

Историк Л. В. Беловинский отмечает следующий интересный процесс социальной нивелировки общества во второй половине XIX в., связанный с экономическими факторами: «Многочисленное мелкопоместное дворянство, разоренное реформой 1861 г., превращается в низших служащих и даже отчасти в рабочую верхушку, а из уцелевшей части среднепоместных рекрутируются некогда презируемые ими “приказные” – государственные чиновники или служащие земских и городских учреждений, врачи, адвокаты, журналисты и “прочая сволочь”, как еще недавно эти среднепоместные именовали всех этих лекарей и стряпчих. И даже гордая древностью рода, высокими чинами и обширными владениями аристократия сильно линяет, и из Трубецких, Оболенских, Набоковых и прочих выходят все те же профессора, юристы, или дельцы-предприниматели высшей марки» [9, с. 448].

Во второй половине XIX в. заметно изменяется городская жизнь. Появляются многоэтажные доходные дома с электричеством, водопроводом и канализацией. С улиц исчезают старые кареты, коляски. Их заменяют новые виды общественного транспорта – конки и трамваи. Быстрорастущее количество грамотных людей порождает массовое книгоиздательство и массовую печать: «Динамичному расширению социального пространства, воспринимающего идеи рациональной организации общества, способствовало появление новых информационных источников. Если в последнее десятилетие николаевской эпохи (1844–1855 гг.) выходили в свет 6 газет и 19 журналов, то в первые 10 лет царствования Александра II в стране издавались уже 66 газет и 150 журналов» [121, с 131]. В широких слоях населения была сформирована устойчивая привычка к регулярному чтению прессы. Изменяются и городские развлечения. Если в середине XIX в. люди любили смотреть балаганы, качаться на качелях, то в конце XIX в. – с интересом смотрели театральные спектакли. В целом город приобретает космополитические черты: «Русская и французская кухня в чистом виде постепенно прекращают раздельное существование, смешиваясь и вбирая в себя элементы кухни других народов. Нивелируется костюм, и толпа становится на улицах все менее пестрой и разнообразной. Все реже звучит на улице и в домах французская речь, и все чище становится русский язык в устах и аристократов, и простолюдинья» [9, с. 448].

Постепенно изменяется и крестьянство. Из его среды выделяют профессионально квалифицированные рабочие, тяготеющие к образованию и городскому образу жизни. Однако этот процесс проходил очень медленно: «Деревня до конца сохраняла старый феодальный характер с его жестким сословным делением и ее специфической традиционной крестьянской культурой» [9, с. 449]. В недавно опубликованной книге В. Б. Безгина «Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи» показана всесторонняя жизнь крестьянки на переломе эпох: «При всей значимости роли мужчины в сельской повседневности – это в большей мере мир женщины. Именно особое положение крестьянки в семейном быту, самобытность мировосприятия, значение в воспроизводстве традиций послужили основанием для того, чтобы рассмотреть ее судьбу отдельно» [8, с. 8]. Настоящим главой семьи, властным и бесконтрольным хозяином являлся всегда

мужчина – большак. Он самостоятельно и единолично принимал решения, руководил хозяйством и представлял семью на общинном сходе. Домочадцев он мог выбрать за лень или какие-нибудь упущения: «Нравы в крестьянской семье были просты, а порой грубы» [8, с. 9]. Патриархальная семья представляла собой уменьшенную копию крестьянской общины. Роль женщины в ней рассматривалась как подчиненная, второстепенная. Все деревенские мужики считали женщину ниже себя как по уму, так и по силе. Даже деревенские мальчишки в детских играх занимали по отношению к девочкам позицию покровителя и распорядителя. Поэтому на женщину смотрели свысока, снисходительно: «Подчинение мужу, зависимое от него положение крестьянки обуславливали патриархальные основы крестьянской семьи. Традиционно именно мужик нес «государево тягло», выступал объектом фискальной политики... Сельская община осуществляла распределение земельных наделов по «ревизским» или наличным, но непременно мужским душам, игнорируя право на пользование землей женской части земли» [8, с. 9]. Жена боялась быть побитой и выполняла приказы мужа беспрекословно. Муж называл свою жену по имени, например, Марьей, а жена должна была обращаться к нему по имени-отчеству.

Судьба женщины в русской деревне была изначально иной, чем мужская. Появление девочки в семье воспринималось как несчастье, так как не сулило прибавки земли. Все семейное воспитание девочки было подчинено одной цели – сделать из нее хорошую жену и мать. Девочек грамоте не обучали, говорили – «не в солдаты им идти – прясть надо». Безгин приводит следующие цифры об уровне грамотности крестьянок: «Так, в Белгородском уезде, в 1885 г. грамотность крестьянского населения не превышала 5,5 %... В возрасте с 10 до 19 лет почти каждый второй крестьянский юноша был грамотным, а у девушек – каждая десятая» [8, с. 49]. Характерными особенностями деревенской жизни были антисанитария, грязь. Например, в 1892 г., «в селе “Кобельки” Богоявленской волости Тамбовской губернии из 533 дворов 442 отапливались «по-черному» и только 97 «по-белому» [8, с. 56]. Изба служила крестьянам и кухней, и спальней, и скотным двором. Большой бедой русской деревни была громадная младенческая смертность: «По данным расследования 1887–1896 годов, в возрасте до пяти лет в среднем по России умирало 43,2 % детей, а в ряде губерний – свыше 50 %» [8, с. 21].

В. Б. Безгин выразил мнение о том, что в конце XIX в. происходит постепенное разрушение деревенского уклада: «Нравственная эрозия затронула и сферу внутрисемейных отношений» [8, с. 33]. Молодежь перестает почитать старших или желает им голодной смерти. Усиливаются пьянство и разврат, появляется много неверующих, атеистов.

Глава 2. КОНСЕРВАТОРЫ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II

Либеральные реформы Александра II очень скоро разочаровали русских консерваторов. Для них это была эпоха систематического подрыва веры, монархии и вообще исторических основ. По мнению многих консерваторов, именно с эпохи либеральных реформ Александра II начинается период разрушения российской империи. Под угрозой оказались основы существующего строя: монархии, сохранения сословного строя и привилегий дворянства, монополии власти над средствами массовой информации. В середине 1860-х гг. произошло изменение политических взглядов К. П. Победоносцева. Он постепенно отходит от своих ранних либеральных убеждений и становится охранителем. По мнению историка Н. А. Рабкиной: «После 1861 года, когда в России происходила поляризация политической мысли и формировалось крыло идеологов консервативного толка, Победоносцев одним из первых оказался в этом лагере, к чему он был подготовлен изначально: и происхождением, и воспитанием, и духом, и устоями родительского очага. К консерватизму склонял и весь психологический настрой его личности» [112, с. 60–61]. Эту эволюцию взглядов можно объяснить не только особенностями его личности, образования и воспитания, психологическим настроением, но и разочарованием от итогов реформ, которые не привели к умиротворению общества. К. П. Победоносцев отмечал, что результатами Великих реформ 1860-х гг. и возможностями представившейся свободы воспользовались, в первую очередь, революционные народники, нигилисты, а также либералы, стремящиеся к введению в России конституционного строя. Главный упрек консерваторов к Александру II состоял в том, что свободы (слова, университетов, деятельность земских «говорилен») привели к легализации деструктивных политических сил, деятельность которых правительство не могло или не хотело контролировать, фактически попустительствовало им. Общество, по мнению К. П. Победоносцева, В. П. Мещерского, М. Н. Каткова, Л. А. Тихомирова, было еще не подготовлено к восприятию этих либеральных реформ. Л. А. Тихомиров так оценивал значение 1870-х гг. в жизни России: «За исключением Смутного времени, у нас не было испытания более тяжкого. Это...

явление внутреннего, собственного нашего духовного разложения... «передовое» культурное «движение» в немного лет было ободрено настолько, что вышло в открытое поле» [142, с. 70]. Князь В. П. Мещерский, консервативный журналист, вспоминал, что в 1879–1880 гг. анархисты беспрепятственно собирались на свои съезды, на которых обсуждались будущие теракты, причем, «...следует вспомнить, что за все то время не было сделано ни одного крупного ареста и не было принято ни одной меры к воспрепятствованию ряду задуманных против Государевой жизни покушений... Это бессилие, эта умственная немощь охранительных органов власти давила всех нас своим мучительным бременем» [60, с. 430–432].

Наиболее яростными противниками монархии и существующего строя были политические радикалы и либералы. С их идеологией консерваторы вели непримиримую борьбу. Политический радикализм включал революционных народников, революционных демократов, анархистов, социал-демократов. Каждое из этих течений предлагало свой образ будущей России. Для консерваторов он был неприемлем по причине уничтожения традиционного сословного деления общества, частной собственности, монархического строя, применения методов революционного насилия, отвержения Бога (атеизм). Либералы подвергались критике за их стремление к насаждению в России буржуазно-парламентского строя, копирование западных институтов и моделей демократии, приверженность к светскому государству, т. е. идее отделения церкви от государства и системы образования.

Радикализм в России. Свои варианты коренного переустройства России в XIX в. предлагали идеологи радикализма. Политический радикализм можно определить как психологическую и практическую ориентацию социальных субъектов на коренное и решительное преобразование общественной жизни. В духовно-психологическом плане политический радикализм представляет собой образ мыслей особого рода, для которого характерны: импульсивность, догматизм, фанатизм, нетерпимость, желание ускорить ход времени, непредсказуемость политических действий, ориентация на крестьянские или пролетарские революции, атеизм. Высшей фазой политического радикализма является политический экстремизм. Политический экстремизм имеет следующие важные черты: правовой нигилизм, неспособность к компромиссу, действие по принципу «цель оправдывает средства»,

применение крайних методов физического насилия, террора. Для России в большей мере был характерен тотальный радикализм: «Тотальный радикализм нацелен на решительную трансформацию всей общественной системы – от экономической и политической сфер до социокультурного жизнеустройства... Его время приходится на... моменты, когда общество оказывается в глубоком системном кризисе, а общественная мысль бьется над решением судьбоносного вопроса о выборе пути дальнейшего цивилизационного развития» [127, с. 17]. Среди форм левого радикализма следует выделить революционный демократизм, народничество, социал-демократию, анархизм.

Революционный демократизм. В России яркими идеологами революционной демократии были А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский. Социальную базу революционной демократии составляли интеллигенция, разночинцы, студенчество. Самостоятельным течением общественной мысли революционный демократизм оформился в 30–40-е гг. XIX в. Его появление было связано с проникновением в Россию западных социалистических идей и возникновением интеллектуальной потребности приспособить их к русской феодальной действительности. Революционным демократам хорошо были известны взгляды таких западных социалистов, как Р. Оуэн, А. Сен-Симон, Ш. Фурье. Для революционных демократов важно было соединить принципы демократии с социализмом в условиях отсталой России. Другой проблемой был вопрос о соотношении революционных и мирных методов при осуществлении социального переворота. Известным революционным демократом был Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), который считал, что социалистические идеи можно реализовать на практике только через революцию. Отношение к традиционным устоям общественной жизни – самодержавию, православию, патриархальным обычаям – у В. Г. Белинского было резко отрицательным. Он выступал за коренную перестройку всех общественных институтов, отмечал необходимость утверждения свободы и независимости человеческой личности. В своих статьях Белинский отрицает сословный строй, хочет, чтобы все люди имели равные права, стали братьями. По политическим взглядам В. Г. Белинский был республиканцем. По его мнению, все монархии в мире, даже конституционные, должны быть уничтожены, революция должна произойти во всемирном масштабе. Неслучайно В. Г. Белинский называл себя гражданином вселенной.

Надежду на осуществление революции он связывал с деятельностью революционного меньшинства и полагал, что людей нужно насильственно вести к счастью, ведь большинство живет по патриархальным традициям и поэтому неспособно осознать свои реальные интересы. В письме к Н. В. Гоголю от 15 июля 1847 г. В. Г. Белинский выдвигает целую программу революционно-демократических преобразований, где выступает за полное освобождение крестьян от крепостной зависимости, ликвидацию бюрократического и полицейского гнета, отмену телесных наказаний. Острой критике он подвергает внутреннюю политику Николая I. В. Г. Белинский пишет, что в стране нет никаких гарантий для обеспечения прав личности, чести и собственности, процветает коррупция, постоянно нарушаются законы, помещики продают своих крепостных как животных. Держать крестьянство в повиновении власти и помещикам помогает православная церковь, которую В. Г. Белинский считает опорой кнута и угодницей деспотизма. Для революционных демократов было характерно отрицательное отношение к капитализму. Капиталистическое общество обрекает пролетариат на страдания, нищету, невежество, а нищета и безысходность толкают их на преступления. Это общество, где существует лишь формальное равенство перед законом для капиталиста и пролетария: «...но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб... Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках как плантатор на негра»[150, с. 359].

Другой революционер, Александр Иванович Герцен (1812–1870), глубоко проникся идеей особого пути развития России. Изучая революционный опыт стран Западной Европы, А. И. Герцен сделал вывод, что Европа не может служить для России примером решения таких проблем, как государство и личность, коммунизм и индивидуализм, власть и свобода. Альтернативу «мещанской» цивилизации Запада он видел в русском социализме. Сопоставляя исторические судьбы России и Запада, А. И. Герцен сделал вывод, что социализм как строй, где отсутствуют частная собственность, эксплуатация человека человеком, сначала пусть утвердится в России, а его ячейкой станет крестьянская поземельная община. По мнению Александра Ивановича, идея крестьянского социализма должна состоять из трех начал: права каждого на землю, общинного владения землей, мирского управления. Рево-

люционер сформулировал цели крестьянского социализма: освобождение крестьян с землей безо всякого выкупа, ликвидация помещичьего землевладения, введение крестьянского общинного самоуправления, в том числе и в городах, сохранение неделимости земли: «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от общинного владения и общинного управления, и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» [150, с. 414]. Вместе с тем революционер не идеализировал русский народ, сознавая, что многолетняя привычка к рабству представляет собой одно из главных препятствий на пути к социализму. Следует отметить, что он также в разное время допускал, что крепостное право может быть уничтожено, как крестьянским стихийным бунтом, так и царским манифестом. Таким образом, у А. И. Герцена были либеральные иллюзии, связанные с деятельностью царя-реформатора Александра II. Он пытался убедить царя в необходимости освобождения крестьян: «Торопитесь! Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить!» [102, с. 102]. При создании нового общества на основе крестьянской общины для Александра Ивановича было очень важно, чтобы отдельная личность сохранила свою свободу: «Задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица» [150, с. 407].

Во взглядах другого революционного демократа Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889) мы видим дух революционного сектанства и нетерпимости к противникам революции. В романе-утопии «Что делать?» Н. Г. Чернышевский подробно изобразил примеры «новых людей», готовых ради высшей общественной цели на любые жертвы. Роман содержит описание будущего социалистического общества, в котором труд организован по принципу фаланстеров Ш. Фурье. Фаланстер представляет собой крупное социалистическое хозяйство, состоящее из промышленных и сельскохозяйственных товариществ, обеспечивающих друг друга продуктами своего труда на плановых началах. Крестьянская община также рассматривалась Н. Г. Чернышевским как ячейка будущего общества. Переход к социализму для него был немислим без крестьянского бунта. Так он писал своей не-

весте: «...у нас будет бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня»[150, с. 431]. Революционные демократы переоценили возможности крестьянской общины, ее способность устоять в условиях наступления капитализма. Их программа была утопична, так как не учитывала процессы имущественной дифференциации, идущие в деревне.

В пореформенной России одним из главных оппонентов консерваторов становится **народничество**. Главными идеологами его являлись М. А. Бакунин (1814–1876), П. Л. Лавров (1823–1900), П. Н. Ткачев (1844–1885). Под термином «народничество» в XIX в. понимали стремление к изучению народного быта и желание облегчить тяготы крестьянства. Народничество представляло собой широкий спектр различных течений – от революционно-демократических до умеренно-либеральных. В 70-х гг. преобладающее влияние имело революционное народничество. Его идеология основывалась на системе взглядов об особом пути движения России к социализму. Народники делали ставку на крестьянство как на революционный класс, рассматривали крестьянскую общину как готовую ячейку социалистического общества. Для идеологии народников было характерно отрицательное отношение к капитализму. Они считали, что развитие капитализма приводит к нищете, голоду, политическому бесправью пролетариев.

Русский мыслитель М. А. Бакунин представлял бунтарское течение в революционном народничестве. Он и его приверженцы-бакунисты утверждали, что народ готов к революции, и активно призывали ко всеобщему бунту. М. А. Бакунин также являлся крупным теоретиком анархизма. **Анархизм** – это направление общественно-политической мысли, ставящее своей целью уничтожение государства и замену любых форм принудительной власти свободной и добровольной коммуной или общиной. М. А. Бакунин видел в религии главное препятствие на пути воплощения своих анархических идеалов. В работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867) он писал: «Существование Бога обязательно предполагает отречение от человеческого разума и человеческой справедливости, оно является отрицанием человеческой свободы и неизбежно приводит не только к теоретическому, но и к практическому рабству» [6, с. 44]. М. А. Бакунин утверждал, что если Бог существует, то человек – раб, а если человек свободен – значит, Бога нет. Всех служителей религии он объявил союзни-

ками тиранов. Для него важно было поднять бунт, а сделать это трудно, пока народ сохраняет свой религиозный идеал. М. А. Бакунин в работе «Государственность и анархия» (1873) выделил четыре черты жизни русского народа, затемняющие, по его мнению, народный идеал: патриархальность, поглощение лица миром, вера в царя, христианская вера. Он называл церковь небесным кабаком для народа и призывал своих сторонников объявить беспощадную борьбу господу Богу, отвергать религию во всех ее проявлениях: «Мы обязаны высказать ему во всей полноте наше безверие, скажу больше, наше враждебное отношение к религии» [6, с. 515].

Последователи П. Л. Лаврова – лавристы – ограничивали свою деятельность пропагандой социалистических идей в народе с целью постепенной подготовки его к социальной революции.

Сторонники П. Н. Ткачева видели свою задачу в захвате власти путем организации строжайше законспирированного заговора. После чего они хотели установить диктатуру революционного меньшинства. Являясь последователем французского революционера Л. О. Бланки, П. Н. Ткачев был сторонником доктрины прямого действия. Он не ждал помощи от народа, считая, что народ не слишком образован и погряз в рутине. Поэтому был убежден, что настоящий революционер должен сам выбирать момент восстания и объект для нападения. Одним из главных методов борьбы с представителями власти считался революционный террор.

Другой известный народник, С. Г. Нечаев (1847–1882), близкий по взглядам к М. А. Бакунину, в «Катехизисе революционера» призывал своих сторонников стремиться к уничтожению старого мира и выступить «...против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против торгового мира и против кулака-миroeда. Мы соединимся с лихим разбойничьим миром: этим истинным и единственным революционером в России» [54, с. 105]. С. Г. Нечаев проповедовал новую революционную мораль, сущность которой состояла в высказывании: *нравственно то, что способствует революции, безнравственно то, что ей противоречит*. Для захвата власти годятся все средства – ложь, шантаж, вымогательство. По его мнению, революционер должен проникнуть всюду – в барский дом, в царский дворец, в купеческую лавку с целью уничтожения, как он писал, «этого поганого мира». Даже в отношении помощи своим революционным товарищам, попавшим

в царскую тюрьму, С. Г. Нечаев придерживался следующего мнения: с одной стороны, нужно взвесить пользу, приносимую товарищем для революционного дела, а с другой – затраты сил, необходимые для его освобождения. Если революционер приносит мало пользы, то тратить силы на его освобождение не нужно. Таким образом, С. Г. Нечаев представлял собой пример человека циничного, жестокого, решительного, обладающего даром убеждения.

Революционные народники стремились разрушить монархическую государственность, патриархальный быт, уничтожить религию, искоренить традиции русского народа. Ненавидя и отрицая общественную нравственность во всех ее проявлениях, народники стремились разбудить звериные, разбойничьи инстинкты в человеке. С целью пропаганды своих планов народники в 1874 г. предприняли хождение в народ: «Здесь их ожидало разочарование. Мужик, знакомый им в основном по художественной литературе и полемическим трактатам, не желал иметь дела с явившимися его спасать студентами-идеалистами... Он стремился разжиться собственностью и не отличался особой разборчивостью в методах ее приобретения. По его представлениям, новый общественный строй должен был быть устроен так, чтобы он мог занять место помещика-эксплуататора» [93, с. 358]. Хождение в народ окончилось неудачей, и среди народников произошел раскол. Созданная в 1876 г. организация «Земля и Воля» спустя три года разделилась на две новых организации: «Народную волю» и «Черный передел». Народовольцы сделали ставку на использование в своей борьбе террора. Первого марта 1881 г. они убили императора Александра II. Новый император Александр III разгромил «Народную Волю», и с ее разгромом завершился период действенного народничества.

В 1880–1890-х гг. значительное распространение получили идеи либерального или легального народничества. Его представители (Н. К. Михайловский (1842–1904), В. П. Воронцов (1847–1918) и др.) выступали за социально-экономические реформы, пропагандировали теорию «малых дел» – кропотливую и повседневную работу на ниве просвещения, здравоохранения, статистики. Они хотели путем постепенных реформ улучшить материальное положение крестьян.

После знакомства с идеологией революционного народничества отдельные люди переосмысливали свои взгляды. Ярким примером такой эволюции взглядов был Л. А. Тихомиров (1852–1923), занимав-

ший особое место в истории отечественной социально-политической мысли. Он представлял собой крайне редкий тип национального мыслителя, прошедшего непростой путь эволюции от левого радикализма к консерватизму. Его рассуждения о причинах распространения радикальных идей в обществе, власти, государстве и пределах его вмешательства в жизнь граждан, неэффективном бюрократическом управлении, демократии, религии, деятельности революционных и либеральных сил не потеряли актуальности и в настоящее время.

Уже на склоне лет Л. А. Тихомиров начал писать воспоминания, объединенные общим названием «Тени прошлого». Эти воспоминания, написанные в 1918 г., имели целью создание своего рода документального среза эпохи, ее духовных настроений. В них Лев Александрович подробно описал свое детство, родителей, обучение в гимназии и университете. Воспоминания содержат подробную информацию о народнической деятельности, повседневной жизни в эмиграции и после нее.

Путь Л. А. Тихомирова в революционный кружок народников был типичным для молодежи второй половины XIX в. Он родился в религиозной семье. На всю жизнь в памяти будущего народовольца остались впечатления о том, как готовились к Рождеству, Пасхе, Троице и другим религиозным праздникам. В 1864 г., в самый разгар правления Александра II, Л. А. Тихомиров поступил в Керченскую гимназию и расстался с семьей. Это был очень важный период формирования его личности. Как он признается в воспоминаниях, гимназия научила его лгать и браниться. Религиозное и патриотическое воспитание в гимназии было чисто формальным. В этом в первую очередь были виновны учителя и наставники, равнодушные к православной вере и защите традиционных устоев общественной жизни. Причину появления разрушителей-революционеров Л. А. Тихомиров связывал с угасанием религиозного чувства. Дети приходили в гимназию верующими. «Но в гимназии вера у всех быстро тускнела и исчезала. Нужно помнить, что это были знаменитые 60-е годы, эпоха систематического подрыва веры, монархии и вообще исторических основ» [145, с. 162–163]. Как и других юношей, его убедили, что времена монархии – это годы «реакции», а период республики – «эпоха прогресса», что «мир развивается революциями». Для молодежи слово «консерватизм» являлось синонимом мракобесия. В литературе развивался

нигилизм – отрицание всего, чем жило общество. Властителями душ молодежи, ее учителями и пророками были революционные демократы Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев.

В 1870 г. Л. А. Тихомиров поступил на юридический факультет Московского университета и, примкнув к революционерам-народникам, стал автором антиправительственных статей и брошюр. На молодые, неокрепшие студенческие души негативное влияние оказывала печать, не спорящая серьезно с консерваторами, а избравшая тактику высмеивания. В 1870-х гг. кумирами молодежи стали революционные народники М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. Отличительной чертой мировоззрения народников было стремление к полному разрушению общественного и государственного быта. Советский и российский историк Е. Л. Рудницкая в книге «Русский бланкизм: Петр Ткачев» подробно описала суть его доктрины прямого революционного действия. П. Н. Ткачев сравнивал революцию с сокрушающим все водяным потоком, уносящим обломки храмов и дворцов, покрытых вековой плесенью. Модель его революции – государственный переворот посредством заговора и установление революционной диктатуры. Признавая необходимость террора, П. Н. Ткачев говорил, что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет. Верхом циничного отношения к обществу следует назвать «Катехизис революционера» С. Г. Нечаева.

Таким образом, в России 60–80-х гг. XIX в. одна часть молодых людей встала на путь революции, а другая, не имея мудрых наставников, плыла по течению и безучастно, холодно смотрела на разрушение авторитетов: Бога, веры, церкви и монархии. Л. А. Тихомиров отмечал, что в массе своей молодежь отличалась невысоким уровнем развития, страдала огромной душевной пустотой, у них не было веры в Бога. Также не было какой-либо сознательной связи со своей страной, каких-либо политических целей – жили неизвестно для чего. Но страшным было и равнодушие власти, которая сквозь пальцы смотрела на это состояние душевной пустоты молодежи. Спустя годы мыслитель так отвечал на вопрос, почему часть молодежи пошла за отрицателями и ниспровергателями: «Потому что за отрицателей был целый всемирно-исторический процесс. Читают и устраивают не то, что умно и сильно аргументируется, а то, что нравится, к чему стремится душа человека. Стремится же она к свободе, к отрешению авторитета,

к тому, чтобы жить, как самому хочется, а не так как велят. И мы выбирали своими учителями и пророками тех, кто манил к этой соблазнительной мечте, отбрасывали с пренебрежением тех, которые доказывали ее невозможность и иллюзорность. Вот причина победы разрушителей» [145, с. 163–164].

В университете Л. А. Тихомиров примкнул к кружку революционеров-народников и в 1873 г. был осужден по делу «193-х». Провел четыре года в Петропавловской крепости и в январе 1879 г. был отправлен домой под административный надзор. Однако тюремный срок не повлиял на его политические взгляды. Уже в октябре того же года он тайно покинул родительский дом и перешел на нелегальное положение. Являясь членом «Земли и Воли» и «Народной воли», Л. А. Тихомиров редактировал прокламации и партийные газеты. В Липецке в 1879 г. он поддержал решение съезда «Народной воли» о царубийстве, однако в следующем году вышел из состава исполнительного комитета «Народной воли» и окончательного решения о покушении на убийство Александра II не принимал.

В 1882 г. Л. А. Тихомиров, опасаясь ареста, нелегально уезжает за границу. Живет в Швейцарии и Франции. В Париже он знакомится с такими известными представителями эмиграции, как Г. В. Плеханов и П. Л. Лавров. Находясь в Париже, Л. А. Тихомиров начинает по-новому оценивать свою жизнь народника-террориста, переосмысливает и пересматривает собственные убеждения. Зарубежная жизнь стимулировала его внутреннее развитие и духовно-религиозный поиск. Он понял бесплодность работы эмигрантов-народников.

Лев Александрович признавал в воспоминаниях, что стал отходить от народничества в 1884–1885 гг.: «Моя жизнь в революционном процессе совершенно утратила характер какого-нибудь дела и не осмысливалась ожиданиями революционных процессов в России... Я с каждым днем сильнее убеждался... что революция ошибочна, не нужна, вредна. Это мое внутреннее отпадение от революционного мирозерцания совершалось в процессе крайне мучительно. Размышление и анализ пережитого и переживаемого отрывали у меня день за днем, словно куски живого мяса, у меня буквально заходил ум за разум, и я иногда боялся, что сойду с ума» [145, с. 461]. Большое духовное напряжение Л. А. Тихомиров перенес во время болезни маленького сына, выздоровление которого произошло благодаря молитве.

Л. А. Тихомиров писал, что «...искал Бога, но не как грозного повелителя и судью, а как любящего отца. Психологический момент моего религиозного настроения был таков, что я не столько каялся в грехах, сколько искал милости, любви, благостной поддержки. По моему настроению мне нужна была русская православная молитва» [145, с. 487].

Л. А. Тихомиров отмечал, что сначала он отверг анархизм и терроризм. В 1886 г. он отмечал, что окончательно убедился в том, что революционная Россия как созидательная сила не существует. Недолгое время он был даже либералом. Вспоминая отца, заслуженного военного врача, и мать, верующую домохозяйку, Л. А. Тихомиров испытывал стыд за бесцельно отданные революции годы. В воспоминаниях он признавал, что, строго говоря, никогда не был вполне безбожником. Даже в эмиграции постоянно носил с собой образок святого Митрофана. Таким образом, революция не сумела полностью поработить его душу и совесть, в ней остались живы и вера в Бога, и чувство Родины, священные в сознании подлинно русского человека. Таким образом, во время эмиграции к Л. А. Тихомирову пришло «...ясное сознание, что... старые интересы, идеалы, а стало быть и вся жизнь вертелись вокруг чего-то фантастического, выдуманного, вздорного. Моя личная практика заговорщика, мое мало-помалу увеличивающееся наглядное знакомство с действительностью французской политики, мое, наконец, теоретическое, тоже все накапливающееся знание социальных явлений – все меня убеждало, что наши идеалы, либеральные, радикальные и социалистические – есть величайшее умопомрачение, страшная ложь, и притом ложь глупая» [145, с. 542]. Позднее, он так написал о роли революционного терроризма: «...в смысле политических изменений значение террора равно приблизительно нулю. Но зато он отражается самым вредным образом на самих революционерах. Он воспитывает полное презрение к обществу, к народу, к стране...» [146, с. 171].

В сентябре 1888 г. Л. А. Тихомиров обращается к императору Александру III с просьбой о помиловании. В тексте его покаянного письма были следующие слова: «Чрезвычайную пользу я извлек из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством для тех, кто более искушен в одурачивании

толпы... Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза. Все это осветило для меня мое прошлое, мой горький опыт и мои размышления и придало смелости подвергнуть строгому пересмотру пресловутые идеи Французской революции. Одну за другой я их судил и осуждал. И понял, наконец, что развитие народов, как всего живущего, совершается лишь органически, на тех основах, на которых они исторически сложились и выросли, и что поэтому здоровое развитие может быть только мирным и национальным» [145, с. 89].

В ноябре 1888 г. Лев Александрович получил помилование и 20 января 1889 г. возвратился в Петербург. Произошла удивительная метаморфоза: один из лидеров народничества по кличке Тигрыч становится крупнейшим идеологом монархического движения, убежденным и последовательным защитником самодержавия. В 1895 г. в нескольких номерах газеты «Московские ведомости» он опубликовал свою работу «Почему я перестал быть революционером». В ней Л. А. Тихомиров так объяснил заблуждения юности: «Как и все, я воспринял эти взгляды еще тогда, когда не имел самостоятельных наблюдений жизни, никакой самостоятельной критики, да не имел еще и достаточно созревшего для работы ума...много лет оставался компилятором чужих мыслей, воспринятых на веру... Как и все зараженные этим «прогрессивным» мирозерцанием, я узнал жизнь сначала по книгам» [142, с. 24].

Судьба Л. А. Тихомирова удивительно похожа на судьбу русского писателя Ф. М. Достоевского. Федор Михайлович принадлежал к кругам крайней социалистической интеллигенции. По политическому делу М. В. Буташевича-Петрашевского он был приговорен к смертной казни, замененной каторгой. После возвращения с каторги Ф. М. Достоевский отказался от революционных взглядов и стал сторонником формулы «Православие. Самодержавие. Народность».

Ф. М. Достоевский умер 28 января 1881 г., и проводить его пришли совершенно различные люди – от консерваторов до революционеров. Тихомиров старался ответить на вопрос: почему революционеры воздали дань уважения человеку, который неутомимо и страстно боролся со всеми проявлениями нигилизма и революционного террора? Революционеров привлекало к Ф. М. Достоевскому то, что он был представителем российской интеллигенции, которая, по мнению Л. А. Ти-

хомирова, имела двойственный характер: «Историческая трагедия нашей интеллигенции именно состоит в том, что она по рассудку, по книжным идеалам своим оторвана от отечества, а по внутренней психологии, неистребимо говорящей душе человека, все-таки связана с тысячелетней историей его. От этого противоречия стала не только бесплодна, но и разрушительна ее работа, которая ей теоретически кажется «освободительной», практически же не освобождает, а только подрывает, разрушает, деморализует народ. Отсюда постепенно растущая неврастеничность самой интеллигенции, отсюда ее вечное недовольство жизнью, ее мания самоубийства, ее легкая решимость на самые страшные преступления» [146, с. 171]. Ф. М. Достоевский в своих произведениях запечатлел эволюцию человеческой души. В романе «Бесы» он рассказал о таких страшных явлениях своего времени, как падение чести, совести, нравственности, непостижимой жестокости, неслыханных проявлений трусости и подлости. Писатель призывал интеллигенцию совершить великий нравственный переворот души, отказаться от террора и начать положительную работу в соответствии с традициями и народными идеалами.

Лев Александрович Тихомиров испытал на себе влияние разрушительных революционных идей, но сумел найти в себе силы не только отказаться от них, но и разъяснить их губительную суть. Он был консерватором-практиком, стремившимся воплотить в жизнь план спасения монархической государственности, призывал интеллигенцию своими произведениями совершить великий нравственный переворот души, отказаться от террора и начать положительную работу в соответствии с традициями и народными идеалами. Причину поддержки революционного движения Л. А. Тихомиров объяснял полуобразованием интеллигенции, разночинцев, их неспособностью жить собственной мыслью: «Зло это, как я уже сказал, ... – недостаток серьезно выработанных умов в образованном классе» [142, с. 51].

Л. А. Тихомиров был не только политическим, но и религиозным публицистом. Российский историк С. М. Сергеев писал: «Христианство и политика – две главные ипостаси личности Льва Александровича. И если в юности вторая ипостась явно главенствовала в мировоззрении одного из лидеров «Народной воли», то с конца 80-х гг. поступки Тихомирова все более определяет вновь обретенная после душевного кризиса христианская вера. Более того, именно она предо-

пределила и политический переворот в сознании мыслителя – вернувшись к Православию, он делается монархистом. С годами, после целого ряда тяжелых переживаний, Тихомиров почти полностью отходит от политики и сосредотачивается в своих писаниях на религиозных проблемах» [146, с. 171].

Традиционалистский консерватизм был выстрадан Л. А. Тихомировым в ходе мучительной душевной работы. Традиция понимается «...как укорененность в культуре, имеет ряд важнейших функций в жизни социума. В первую очередь она служит аккумулятором социального опыта. Жизнь человека слишком коротка, чтобы меняться как угодно. Человек должен сохранить и принять традицию, чтобы его социальное поведение соответствовало как его собственным интересам, так и интересам общества. Формы социального поведения, выработанные в прошлом, могут быть и неадекватны современной ситуации, но их модификация на базе основополагающих ценностей обеспечивает стабильность» [1, с. 19–20].

Знакомство с народничеством, с политической жизнью западных либеральных государств, привело Л. А. Тихомирова к выводу, что только православно оправданная, государственно-содержательная, национально ориентированная русская идея может служить основой здорового развития России. Он утверждал, что либеральное государство с присущим ему господством формального права над этикой, экономических интересов над духовными, партийной борьбы над национальной солидарностью, глумление современников над заветами предков и историческими традициями разрушают объективную ценностную ориентацию в сознании личности. Л. А. Тихомиров в своих статьях и книгах призывал к возрождению исконных национальных традиций, проверенных историческим развитием страны, поэтому его с полным основанием можно назвать консерватором-традиционалистом.

Л. А. Тихомиров был православным мыслителем, сторонником создания сильной православной самодержавной государственности. Традиционная вера в Бога выступает у него основой консерватизма. Таким образом, традиционализм как естественный консерватизм отличается от других типов консерватизма не только более пристальным вниманием к историческому наследию, уважением к нему, но и желанием опереться на Православную веру в деле возрождения России. Традиционалистский консерватизм Л. А. Тихомирова отличался от

других типов консерватизма – черносотенного, охранительного и либерального. Он критиковал узкий племенной эгоизм черносотенного консерватизма, неумение понять сущность принципов самодержавия и Православия, которые нужно защищать, презрительное отношение к закону и склонность к самосуду. Подчеркивал, что черносотенцы, выдвигая совершенно неправильный для многонациональной страны лозунг «Россия для русских», не только замыкаются в границах племенного эгоизма, но, разнуздывая страсти и первобытные инстинкты, дискредитируют здоровое патриотическое движение.

Такое же непростое отношение сложилось у Л. А. Тихомирова и к охранительному консерватизму, представителями которого в основном были чиновники. Наиболее известным консерватором-охранителем был К. П. Победоносцев. Охранительный консерватизм, по мнению Льва Александровича, стремился подчинить всякую человеческую деятельность, все проявления человеческого духа государственному аппарату, формально защитить традиционные основы общественной жизни. Представители этого политического течения не умели или не хотели организовать действенную контрпропаганду в отношении либеральных и социалистических идей. К. П. Победоносцев одобрял синодальную реформу Петра I, рассматривал церковь как один из государственных институтов, был против самостоятельности церковной деятельности и восстановления патриаршества. В результате таких действий искажалась сама идея божественного происхождения верховной власти, размывались ее религиозные, вероисповедальные основы. Не устраивало Л. А. Тихомирова и то, что охранители часто переходили в своей деятельности к реакционной политике. Во многом благодаря деятельности консерваторов-охранителей были искажены основы самодержавной монархии. И самодержавная монархия, издавна одухотворявшаяся христианскими идеалами служения и долга, мало-помалу превратилась в абсолютную монархию по западному образцу.

К либеральному консерватизму у Л. А. Тихомирова также было отрицательное отношение. Либеральный консерватизм пытался совместить либеральную идею свободы и консервативную идею сильного государства. Этот синтетический консерватизм вызывал у него большое недоверие из-за его важной составляющей – либерализма. Он полагал, что за всей умеренностью и утонченностью либерализма кроется та же неприязнь к твердым устоям веры, религии, культуры,

считал, что либерализм стремится к ограничению монархии и введению парламентаризма.

Традиционалистский консерватизм отличают следующие принципы:

- глубокая религиозность;
- православный взгляд на самодержавие и развитие гражданской свободы;
- самобытный путь развития страны, основанный на национальных традициях;
- союзнические, равноправные отношения между государством и церковью;
- патриотизм;
- приверженность к эволюционному пути развития;
- развитие страны на основе принципа жизнедеятельности, включающего как идею революции, так и реакции;
- развитый сословный, корпоративный строй;
- народное представительство, имеющее совещательный характер;
- национализм;
- элитизм;
- неверие в доброту человеческой природы.

Тема революции была одной из главных в публицистике Л.А Тихомирова. В отношении к революции и православной церкви наиболее ярко проявляются его консервативные взгляды. Причины надвигающейся революции Л. А. Тихомиров связывал, прежде всего, с утратой православной духовности, с малой политической сознательностью и преклонением перед всем иностранным. Он старался предупредить народ, в том числе интеллигенцию, что революция означает радикальную ломку общественной жизни. Рассматривая силы, способные сдержать натиск революционных идей, Л. А. Тихомиров обращался, прежде всего, к Православной церкви. Лишь она одна представлялась ему бастионом, не только способным сдержать натиск анархических, либеральных, социалистических идей, но и путем Православной проповеди восстановить духовное здоровье общества, разоблачить революцию как самообман.

Л. А. Тихомиров сделал вывод, что для духовно-нравственного подъема просто необходимо усилить христианское влияние на политику, и при этом отметил, что часть духовенства придерживается по-

зиции невмешательства в политические дела. Действительно, нельзя делать Церковь служительницей политических партий, вмешивать политику в узком смысле слова. С другой стороны, дело Церкви – вечное, небесное, нацеленное на спасение человеческих душ: «Достаточно посмотреть теперь на нашу несчастную Россию с ее поразительным нравственным падением, убийствами, грабежами, воровствами, изменами, малодушным трепетом пред торжествующим злом и т. д. Все это нравственное падение в значительной мере создано политическими условиями» [146, с. 8]. Л. А. Тихомиров считал, что человек как существо, склонное к падению, в котором вечно борются добро и зло, деморализован политическими условиями. В период революционных потрясений все нравственные основы человека расшатываются, а все соблазны низости, корысти, злобы, эгоизма усиливаются в сотни раз: «Нечто подобное представляет собой наша Россия... наши сограждане... совершенно растерялись. В ужасе они не знают, где искать спасения... вся страна вообще, все ее жители, в частности, не знают, что будет сегодня: не ограбят ли? Не сожгут ли? Не застрелят ли или взорвут революционеры...» [146, с. 9]. Позиция Тихомирова состояла в том, что Церковь должна «...сделать все для успокоения и вразумления людей...» [146, с. 10].

Христианство представляло для Л. А. Тихомирова целое, наиболее всеобъемлющее мировоззрение, показывающее народу истинные, здоровые основы социальной жизни. Именно Православная церковь должна внести свой вклад в преодоление революции. Сравнивая Россию периода революции с терпящим бедствие государственным кораблем, Л. А. Тихомиров писал: «...дать приют нравственно тонущему она обязана, как давала его в эпоху первых веков. Точно также она обязана научить потерпевшего кораблекрушение, как ему снова воссоздать свой корабль. Или же Церковь не в состоянии нам сказать, на чем держится мирное и благоденственное житие?» [146, с. 10].

Революция для Л. А. Тихомирова означала безумие, охватившее народ. Одной из причин этого безумия был недостаток политических знаний: «Наше политическое кораблекрушение, с развившейся из него анархией и с проистекающим отсюда всеобщим развращением, имеет своим источником недостаток политических знаний в самой правящей элите... Если бы возможно было быстро распространить в массе населения политико-социальные знания, этого было бы достаточно

для того, чтобы умы пришли к успокоению и повсюду началась здоровая работа возрождения России» [146, с.11]. Не доверяя интеллигенции, он сделал вывод, что роль просветителя народа должна сыграть Православная церковь: «...уроки христианства живее, понятнее и ближе сердцу народа, чем неведомая ему наука, притом же уродливо искажаемая пропагандой интеллигенции» [146, с. 14]. Христианское учение может и должно указать людям способ для возрождения государства, что особенно важно во время анархии: «Внутреннее сплочение на основах здорового воспитания личности, своей и чужой, на основах мелких общественных организаций... Внутренне сплоченное общество спасет народ даже при расстроеном государстве. Сверх того, когда имеется общество, сплоченное в крепкие организации, оно воссоздает государство, даже вполне разрушившееся» [146, с. 14].

Уроки христианства являлись для Л. А. Тихомирова примером того, как русские люди должны усовершенствовать свою общественную жизнь. Кроме того, его привлекало то, что христианская идея «... по существу эволюционна и потому несовместима с идеей революции» [146, с. 15]. По мнению Л. А. Тихомирова, христианство в такие перемены не верит, точнее, отрицает их самой идеей Божества, создавшего законы человеческого существования: «Будучи по существу несовместимо с революцией, оно открывает все пути эволюции, т. е. развитию всех заложенных в обществе сил и форм его» [146, с. 16]. Революционеры испытывают ненависть ко всякой духовной сдержке, стараются, чтобы человек не имел внутри себя твердого нравственного стержня: «Именно эта распущенная личность, выступившая с революционной подделкой свободы, и создала борьбу революций против Бога и Царей, и на первом месте, конечно, против Бога как источника внутренней дисциплины, которая для распущенной личности еще более ненавистна, чем внешняя. Ненависть нашего освободительного движения к христианству, кощунственность этого движения, его неудержимое стремление к богохульству и унижению святыни – сказывается у нас едва ли не сильнее, чем во Франции первой революции» [146, с. 85]. Л. А. Тихомиров противопоставляет поддельной революционной свободе (псевдосвободе) истинную свободу, идущую от Бога: «Она лишь смягчает внешние принудительные сдержки гражданской власти, – развивая внутренние сдержки, самостоятельное самоуправление личности... Эта истинная свобода составляет идеал личности и есть соз-

дание христианства. Развитие ее не только не угрожает обществу, но, наоборот, способствует крепости его...» [146, с. 85].

Л. А. Тихомиров правильно оценил преступные цели революционеров: «Рассказывают, что один мужик, распропагандированный нашими революционерами, был чрезвычайно доволен, потеряв веру в Бога. “Легче стало, – говорил он, – прежде, что не вздумай сделать – ничего нельзя, все грех, а теперь легко, свободно, делай, что пожелаешь...”. При такой легкости, при таком “освобождении” этот питомец бунта против Бога, конечно, пойдет на всякое разрушение. Первым предметом, требующим ниспровержения, для него явится Царь как представитель сдержки государственной, властной» [146, с. 85]. Эта цитата ясно показывает еще один элемент консерватизма Л. А. Тихомирова – глубокое неверие в сущность человеческой природы, представляющей собой борьбу злых и добрых сил. Человек по своей природе груб и порочен. И хотя он имеет Божественное подобие, в некоторых людях оно заслонено злыми страстями. Поэтому для сдерживания дурных склонностей человеческой природы необходимы сдержки внутренние и внешние. Сдержка внешняя представляет собой силу принуждения государственной власти. Внутренняя сдержка дается человеческой личности Богом: «Бог же есть источник устройства, гармонии, самоуправления нравственного элемента» [146, с. 85]. Л. А. Тихомиров также писал, что внутренне распущенная личность, бунтующая и злодействующая, будет неспособна охранять и свою внешнюю свободу. Его прогноз полностью оправдался в период деятельности большевиков.

Неотъемлемой основой консерватизма, в отличие от космополитического либерализма, является патриотизм. Л. А. Тихомиров правильно отметил отличие отечественных либералов от западных. Западные либералы, при всем их экономическом и политическом либерализме, любили свою Родину – Англию или Францию. Российские же либералы, имея в качестве идеала вышеперечисленные страны, критически относились, а некоторые и ненавидели свое Отечество. Однако ослабление религиозного чувства дает опустошение души. Во время революции это привело к негативным последствиям и вместо патриотизма в среде интеллигенции получили распространение космополитизма и пролетарского интернационализма. Л. А. Тихомиров считал, что только в том обществе, где существует уважение к традиционным устоям общест-

венной жизни, будут сильны идеи патриотизма: «Единство жизни человека и общества, единство жизни преемственных поколений – та тесная связь людей между собой, которая дает людям нравственное единение и составляет сферу развития нашего нравственного чувства, – все это реально проявляется и совершается только в Отечестве» [146, с. 144]. Мыслитель так объясняет значение слова «Отечество»: «Уже в самом понятии своем отечество дает идею общности происхождения, то есть общности и одинаковости природы людей. Слово “отечество” происходит от слова “отец”. Оно равнозначно слову “родина” – от слова “рожать”, выражает то, откуда мы приходим, чем порождены, отражает понятия связи, любви, взаимного попечения. Что такое поступать “по-отечески”? Это значит поступать с любовью, вниманием и авторитетом. “Отечество” – значит название по отцу. “Отчизна” есть наследие от отца, нечто преемственное, переходящее от отца к отцу, от прадедов к правнукам» [146, с. 162].

Для Л. А. Тихомирова как консерватора-традиционалиста не был характерен узкий национальный эгоизм, идея национальной замкнутости: «У нас, среди правых, иногда проявляется такая узкая идея русского интереса, такой национальный эгоизм... Но это в высочайшей степени антирусская черта. Нет ни единого крупного деятеля русской мысли или государственности, который бы не свидетельствовал и в самом себе, и в своем слове о том, что русская национальность есть мировая национальность, никогда не замыкавшаяся в круге племенных интересов, но всегда несшая идеалы общечеловеческой жизни, всегда умевшая дать место в своем деле и в своей жизни множеству самых разнообразных племен. Именно эта черта и делает русский народ великим мировым народом...» [146, с. 168]. Л. А. Тихомиров считал, что общемировая миссия русского народа – религиозная. Он писал, что русский народ имеет великие заслуги в христианском деле: «...Россия в мире – не иностранка, она деятельная участница всечеловеческой жизни. Не имело бы ни малейшего смысла, если бы она отбросила заботу о распространении своего умственного и нравственного влияния на другие народы и племена. И уж особенно непонятно было бы это в отношении религиозном. Россия – носительница христианской миссии, дела Божия. Как же она откажется от религиозного воздействия на другие народы?» [146, с. 169].

В статье «Нечто о реакции» Л. А. Тихомиров делает вывод о том, что либеральные газеты и политики постоянно связывают этот тер-

мин с русскими национальными идеалами. Лев Александрович был против проведения реакционной политики: «Нет, не радуемся мы проявлениям реакции, когда они замечаются в русской жизни, ни малейше не желаем, чтобы эта реакция усиливалась, и предвидим от нее столь же мало доброго, как и от революции. Не революция и не реакция нужны для блага народа, государства и культуры, и мы могли бы только скорбеть, если бы России грозила опасность застрять в колебаниях между революцией и реакцией. Не реакцией можно победить революцию. Наше современное положение в исторической перспективе само это показывает» [146, с. 326]. Для Л. А. Тихомирова реакция могла быть оправдана лишь на короткое время. Она позволяет только кое-как жить, влачить существование, но в смысле чего-либо прочного, положительного она не имеет решительно никакого значения. Реакция держится только фактом, что революция себя скомпрометировала. Она бессильна создать что-либо новое. Л. А. Тихомиров писал, что врагами духовных основ русской нации являются одинаково и революционеры, и реакционеры. Искажение национальных начал убивает духовные силы народа так же, как убивает их и революция. Для Л. А. Тихомирова революция 1905 г. и последующая за ней реакция была вызвана следующей важной причиной: «Исторические основы России, хотя их сила и жизненность доказаны величием совершенного ими дела, давно уже начали хиреть от того, что люди, им служащие, утратили осознание их сущности и допустили их перерождение в принципы, лишь по названию связанные с этими основами. Это относится и к политическому началу, переделанному в абсолютизм, и к православию, которое мы умертвили формализмом, и к народности, в которой, вместо служения своему идеальному содержанию, выдвинули простой племенной эгоизм и мысль о национальном «самодовлении». Все это, вместе взятое, отнимало у наших исторических основ их жизненную силу и, подорвав их способность созидать в национальной жизни дело действительно великое..., сделало эти основы бессильными против критики со стороны враждебных им начал» [146, с. 326].

Л. А. Тихомиров сделал совершенно правильный вывод, что России нужна вовсе не реакция, а возрождение жизненности национальных исторических основ. Проанализировав его консервативные взгляды, мы можем увидеть, насколько большое значение он придавал многовековому социально-политическому опыту страны, заветам

высокой национальной культуры и их важной роли для русского человека. Он также одним из первых обратил внимание и на появление нового противника самодержавия – российской социал-демократии.

Российская социал-демократия. Зарождение российской социал-демократической партии произошло в 80-х гг. XIX в. Революционные кружки во второй половине XIX в. были еще раздроблены и слабы. Проникновение марксистских идей в Россию шло медленно, так как ни в истории, ни в национальных традициях не было почвы, на которой они бы могли укорениться. Одним из первых социал-демократов в России был политический деятель и философ Г. В. Плеханов (1856–1918). Он родился в 1856 г. в деревне Гудаловка Липецкого уезда Воронежской губернии в семье потомственного дворянина. В 1873 г. поступил в Константиновское артиллерийское училище, но, проучившись четыре месяца, понял, что военная служба не для него. В 1874 г. Г. В. Плеханов поступил в Петербургский горный институт, где сблизился с революционными народниками, стал выполнять их поручения, и вскоре ему доверили вести занятия в рабочих кружках. В 1876–1879 гг. Г. В. Плеханов критически оценивал капитализм, видел в появлении и развитии пролетариата «величайшее зло» для России. К народовольческому террору вначале Г. В. Плеханов относился одобрительно, воспринимая его как месть за полицейский произвол. Но когда выяснилось, что террор не сможет ликвидировать царскую власть, Г. В. Плеханов отходит от тактики террора и в 1879 г. уезжает за границу.

В эмиграции он пересматривает свое мировоззрение и становится убежденным марксистом. Переводя в 1881 г. на русский язык «Манифест коммунистической партии», Г. В. Плеханов пришел к выводу, что для России необходимо пройти стадию развития капитализма. В статье «Кто должен добиваться конституции» Г. В. Плеханов признает, что земледельческие общины с их патриархальным бытом служили основой для деспотизма. Только с разложением этого патриархального быта и развитием городского населения появились силы, способные положить предел неограниченной власти монарха. Россия как часть Европы не составляла исключения из общего правила: « наш старый порядок разложился, деревня утратила свое преобладание над городом, у нас явилась буржуазия и рабочий класс» [101, с. 22]. Таким образом, Г. В. Плеханов сделал вывод, что развитие России имеет общие политические и экономические закономерности с Западной Европой.

В 1883 г. в Женеве была создана первая марксистская группа «Освобождение труда», которая поставила перед собой основную задачу – пропаганду идей социализма. К 1900 г. группа Г. В. Плеханова полностью или в отрывках издала на русском языке 30 наиболее важных трудов теоретиков марксизма. Программа группы «Освобождение труда» содержала следующие положения:

- самый революционный класс – это рабочий класс;
- цель пролетарской революции – переход всех средств и предметов производства в общественную собственность;
- захват рабочим классом политической власти (неизбежное предварительное условие переустройства общественных отношений);
- необходимость создания революционной рабочей партии и международной солидарности пролетариев.

В 1883 г. Г. В. Плеханов опубликовал работу «Социализм и политическая борьба», в которой старался доказать, что борьба за социализм невозможна без политической борьбы. Российский философ четко разграничивал демократический и социалистический этапы революции, подчеркивал, что на этапе буржуазно-демократической революции целью русских революционеров должно быть свержение самодержавия и провозглашение демократической республики. В ходе первого этапа революции должна быть создана рабочая социалистическая партия. Г. В. Плеханов считал промышленных рабочих основной революционной силой. По его мнению, рабочие по сравнению с крестьянством обладали большим развитием, более высокими потребностями, более широким кругозором. В работе «Политические задачи русских социалистов» Г. В. Плеханов подвергает критике взгляды народников, считая, что они неверно оценивали перспективу экономического развития России. Мечтая о крестьянской революции, народники все свои силы направляли на то, чтобы вызвать революционное движение в крестьянстве: «...социальное и политическое положение России совсем не похоже на социальное и политическое положение Запада. Запад характеризуется преобладанием капитализма, Россия – преобладанием крестьянско-общинного хозяйства. Запад идет к социализму через капитализм, Россия через общину. На Западе есть пролетариат, а у нас всего каких-нибудь 800 000 рабочих, да и те остаются крестьянами по всем своим устремлениям. Так говорили народники...» [101, с. 34–35]. Он писал о процессе имущественной диф-

ференциации, идущем в деревне, в результате которого крестьянин превращается в пролетария, с одной стороны, и в кулака – с другой. Тактику народников Г. В. Плеханов охарактеризовал как заговорщическую. Народники хотели путем заговора захватить политическую власть. Социал-демократ сделал вывод, что заговорщические планы «Народной воли», не совпадающие с общим ходом исторического развития были заранее обречены на неудачу: «Исход заговора зависит от ловкости отдельных лиц: торжество социализма подготавливается общим ходом исторического развития. Заговор всегда был и будет делом случайным... Историческое развитие совершается со всей силой необходимости» [101, с. 87]. Народники не понимали прогрессивной сущности капитализма. Их мнения о самобытности России, ее отличии от Европы не соответствовали действительности: «А теперь мы видим, что и в России все более и более развивается капитализм, т. е. возникают такие формы социального быта, которыми характеризуется Западная Европа. В социальном быте России совершается теперь глубокий процесс европеизации» [101, с. 87–88]. Г. В. Плеханов также отмечал, что народничество представляло собой переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать буржуазные политические права. В его работах уделяется большое внимание политической борьбе пролетариата: «Социализм – это та же политика, но только политика рабочего класса, стремящегося к своему экономическому освобождению... Экономическое освобождение рабочего класса может быть достигнуто путем политической борьбы... Пока рабочий класс занимается чисто экономической борьбой, он еще не думает о коренном изменении своего положения» [101, с. 88]. Главным результатом политической борьбы он считал соответствующее воспитание пролетариата. На арене политической жизни рабочий класс быстро растет умственно и нравственно, а его сознание созревает для полной победы над буржуазией. У Г. В. Плеханова было убеждение в неотвратимости победы пролетариата. Касаясь вопроса о взаимодействии пролетариата с буржуазией в борьбе с абсолютизмом, он делает вывод, что история западноевропейских стран свидетельствует о том, что ни в одной стране буржуазии не удалось завоевать политические свободы без помощи пролетариата. Только благодаря поддержке пролетариата буржуазия успевала разрушить старый порядок. Тактика пролетариата, по его мнению, должна состоять в следующем: про-

летариат поддерживает буржуазию, если это совпадает с его интересами: «Видя энергию буржуазии и ее твердую решимость добиться представительного правления, мы пристанем к ней и бьемся в ее рядах вплоть до желанного дня победы» [101, с. 400]. При этом пролетариат должен осознавать, что союз с буржуазией всего лишь временный, и поэтому нужно развивать свое политическое самосознание, ни на минуту не забывая о классовой сущности буржуазии. Политические свободы в рамках демократической республики дадут возможность пролетариату вести в широких объемах социалистическую агитацию.

Будучи идеологом марксизма, Плеханов отмечал, что между первым и вторым этапами революции пройдет немного времени, так как русская буржуазия запоздала в своем развитии, ее господство будет непродолжительным. Он так оценивает политическую борьбу социал-демократии: «Вечная, неустанная, беспощадная борьба с буржуазией – вот краткая формула ее “политики”. В этой борьбе речь идет не о сосуществовании рабочей партии рядом с партиями буржуазными... эта борьба есть борьба политическая: сначала за политические права как за необходимое условие дальнейшего развития рабочего класса, потом – за политическое господство как необходимое условие его экономического освобождения» [101, с. 400].

В работе Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» было четко сформулировано положение о диктатуре пролетариата. Ее задачей является уничтожение политического господства эксплуататорских классов, а также устранение анархии производства. Г. В. Плеханов предупреждал, что диктатура пролетариата не имеет ничего общего с диктатурой небольшой группы революционеров. Он полагал возможным привлечение на первом этапе революции в качестве временных союзников пролетариата либеральной буржуазии и крестьянства. Г. В. Плеханов также рекомендовал марксистам вести систематическую и активную пропаганду в среде крестьянства. Эта работа вызвала живое обсуждение: бывшие его соратники – народники – встретили ее критически, а социал-демократ В. И. Ленин назвал ее «символом веры» русского социал-демократизма. В 1885 г. вышла вторая книга Г. В. Плеханова «Наши разногласия», посвященная вопросу развития капитализма в России. Полемизируя со своими бывшими соратниками – народниками, Г. В. Плеханов подчеркивал, что споры о судьбе капитализма в России уже фактически решены самой жизнью. В под-

тверждение своего вывода он приводил статистику о развитии крупной и мелкой промышленности в России, показывал состояние внутреннего рынка, рост пролетариата и разложение крестьянской общины. Таким образом, Г. В. Плеханов с научной точностью зафиксировал факт быстрого развития страны по капиталистическому пути.

В 1895 г. В. И. Ульяновым (Лениным) в Петербурге была основана подпольная организация «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». К тому времени В. И. Ульянов уже был известен в среде русских социал-демократов своей непримиримой борьбой с народниками и «экономистами». В 1894 г. он опубликовал работу, посвященную критике народничества «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?». В ней, критикуя программу и тактику народников, обосновал историческую миссию рабочего класса как могильщика капитализма, выступил за создание революционной рабочей партии. В. И. Ульянов обвинил народников в том, что они предали революционные идеалы своих отцов и, выступая за экономические реформы (упорядочение аренды земли, дешевый кредит, развитие общинной обработки сырья), фактически отвлекли крестьян от борьбы с эксплуататорами. Он доказывал, что быстрое развитие капитализма в России рушит патриархальные, общинные устои. Капитализм – это новый уклад жизни, который создает мощную общественную силу – пролетариат (класс, лишенный средств производства, ничем не связан с политическим режимом и единственный способен свергнуть самодержавие). В. И. Ульянов призывал объединить разрозненные социал-демократические кружки, организовать борьбу всего рабочего класса против эксплуататоров. Он также активно боролся против «экономистов», которые считали, что на первый план необходимо выдвинуть экономические требования трудящихся, а борьбу с самодержавием оставить либералам.

В 1898 г. в Минске была основана Российская социал-демократическая рабочая партия. Это событие имело скорее символическое значение, так как вскоре из 9 основателей партии 8 было арестовано. Приехав из ссылки, В. И. Ульянов в 1900 г. основывает газету «Искра». Псевдоним В. И. Ульянова, Ленин, появляется с 1901 г.

Ульянов-Ленин предпринял большие усилия по созданию профессиональной, централизованной партии. Фактически такая партия была создана на II съезде РСДРП в 1903 г. в Брюсселе – Лондоне. На

этом съезде произошел раскол на большевиков и меньшевиков. Спор шел между Ю. О. Мартовым и В. И. Лениным по вопросу о том, какой должна быть партия. По В. И. Ленину, ею должна быть организация с железной дисциплиной и строгой субординацией всех членов. Ю. О. Мартов представлял себе партию иначе, на европейский манер, – как союз широких кругов различных взглядов.

Часть российской интеллигенции разделяла идеи анархизма. Эти идеи стали объектом критики консерваторов.

Анархизм. В его основе – идея безгосударственного устройства. Анархизм – направление общественной мысли, провозглашающее своей целью уничтожение государства и замену любых форм власти свободной и добровольной ассоциацией индивидов, коммун и общин. Идеи анархизма содержались уже в работах греческих, римских философов и были развиты британским журналистом, одним из основателей либеральной политической философии и анархизма У. Годвином, который сформулировал понятие «общество без государства».

В 60–90-х гг. XIX в. российский анархизм включал три основных течения: коллективистское, коммунистическое, непротивленческое. Коллективистское направление было представлено русским революционером Михаилом Александровичем Бакуниным (1814–1876). М. А. Бакунин считал государство в любой форме орудием угнетения масс, выступал за его уничтожение революционным путем. Его социальным идеалом было общество, состоящее из рабочих и крестьянских ассоциаций, коллективно владеющих землей и орудиями труда. В таком обществе распределение товаров и продуктов должно проводиться с учетом реального трудового вклада каждого из участников. Видным теоретиком коммунистического анархизма был географ Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921). Он положил в основу своего учения биосоциологический закон взаимной помощи, определяющий якобы естественное стремление людей к сотрудничеству, а не к борьбе друг с другом. Непротивленческий анархизм был характерен для мировоззрения писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910). Он отвергал, в отличие от других анархистов, насильственный путь социальной революции и выступал за неучастие в делах государства, непротивление злу насилием.

М. А. Бакунин ставил своей главной целью освобождение человека от насилия какой бы то ни было власти – политической, эконо-

мической, духовной. Свободное общество, по мысли Михаила Александровича, – это общество, в котором осуществился принцип самоуправления народа. Поэтому он отвергает управление централизованное, сосредоточенное в одних руках, идущее «сверху вниз». Взамен М. А. Бакунин предлагает свободную федеративную организацию – «снизу вверх» – рабочих ассоциаций, групп, общин. М. А. Бакунин выступал не только против современного ему государства: он был известным критиком диктатуры пролетариата К. Маркса и рассматривал свободу одновременно как цель и как средство прогресса. И потому государство (аппарат насилия) и тем более диктатура пролетариата, означающая, что одна часть общества подавляет другую, не могут быть средством достижения свободы. Диктатура пролетариата способна породить в народе лишь рабство. М. А. Бакунин считал, что диктатура пролетариата на практике не может быть осуществима, так как весь рабочий класс одновременно диктатором быть не сможет. Пролетариям придется делегировать власть своим представителям. Это привилегированное меньшинство чиновников будет представлять не народ, а себя и свои притязания на управление народом, власть будет концентрироваться в руках красной бюрократии, а собственность на средства производства станет экономическим фундаментом господства данного класса. Таким образом, М. А. Бакунин пришел к выводу, что попытки осуществить на практике теорию диктатуры пролетариата неизбежно приведут к возрождению социального неравенства и эксплуатации, и изгоем пролетарской диктатуры станет крестьянство.

Имя князя П. А. Кропоткина также ассоциируется в нашем сознании с отечественным анархизмом, который зародился в недрах революционного народничества. В 1876 г. князь стал признанным теоретиком и пропагандистом народничества. Петр Алексеевич был незаурядным человеком, интересовался политикой, историей, социологией, философией, географией и являлся теоретиком коммунистического течения в анархизме. В основу своего учения он положил сформулированный им в работе «Взаимопомощь как фактор эволюции» биосоциологический закон взаимной помощи, определявший, по его мнению, естественное стремление людей к сотрудничеству, а не к борьбе друг с другом. Фактор взаимопомощи помогал человеку и животным выжить в борьбе с неблагоприятными условиями жизни и позволял человеку создавать различные формы общежития: род, общину, цехи,

комму. Закон о взаимопомощи стал основой появления таких зачатков нравственности, как уважение, сострадание, чувство долга. Природа была, по мнению П. А. Кропоткина источником нравственного начала в человеке, важнейшей составной частью которого является справедливость. Суть закона взаимопомощи, согласно теории князя, заключается в том, что человек считает добром то, что полезно обществу, и злом – что вредно ему.

Большое внимание П. А. Кропоткин уделил анализу сущности и исторической роли государства. Государство предстает для него «абсолютным злом», «полной темнотой». Характерными чертами современного государства князь считал: абсолютное противостояние обществу, «почти войну с ним» или репрессивное к нему отношение, постоянное и неуклонное усложнение бюрократического аппарата, полное искажение высших социальных ценностей. П. А. Кропоткин выделяет следующие негативные моменты в развитии государства:

- усиление бюрократического централизма;
- отчуждение административного аппарата от гражданского общества;
- отрицательные последствия огосударствления науки и культуры.

Представления о государстве как источнике всех несчастий привели князя Кропоткина к мысли, будто переход к федерации свободных коммун возможен через уничтожение государственной власти и частной собственности. В 1892 г. он опубликовал работу «Хлеб и Воля», в которой рассмотрел причины голода, нищеты и бесправия простого народа. В главе «Наши богатства» автор отмечает, что за последние 1000 лет человек стал другим: он овладел тайнами природы, осушил болота, создал множество орудий труда. Мыслитель задает вопрос: «Бесспорно, наши образованные общества очень богаты. Почему же вокруг нас столько нищеты?» [50, с. 28]. П. А. Кропоткин считал, что виной всему частная собственность. В течение долгой истории земля, природные ископаемые, дома были захвачены небольшой горсткой людей. Олигархи «...присваивают себе по крайней мере две трети продуктов человеческого труда, а затем расточают их самым бессмысленным, самым возмутительным образом...» [50, с. 28]. Петр Алексеевич выступал за экспроприацию орудий производства в общую собственность, которую он понимал как возврат обществу того, что ему принадлежит по праву. Общество, покончившее с частной

собственностью, должно быть организовано на началах анархического коммунизма, т. е. на свободе и раскрепощении человеческой личности.

Идеологом непротивленческого анархизма являлся Л. Н. Толстой, который отрицал государственность вообще, считая ее орудием порабощения и насилия. Лев Николаевич выделял три способа порабощения людей: личным насилием, отнятием у них земли и пищи, данью и податью. Именно на почве порабощения возникает собственность, порождающая социальное неравенство. Собственность есть зло, ибо она позволяет одним пользоваться трудом других, в то время как труд не может быть чьей-либо принадлежностью. Л. Н. Толстой высказывался о русской государственной власти отрицательно. Он писал о разложении, деградации монархии. По его мнению, в России правили то шальной Иван Грозный, то безграмотная Екатерина, то слабый, невежественный Николай II. Для Л. Н. Толстого условием деланья добра выступало отчуждение от государства, самоизоляция всех «честных людей» в ненасильственные сообщества, основанные на любви к ближнему. Л. Н. Толстой призывал людей не служить в армии и не платить налоги. В соответствии с заветом истинного христианства государство необходимо уничтожить, потому что государство с его насилием и казнями несовместимо с истинным христианством – учением смирения и любви.

Другими политическими оппонентами консерваторов были **российские либералы**.

В России либеральная традиция рельефно проявилась во второй половине XIX в. Либерально-буржуазные реформы Александра II означали первый серьезный шаг в модернизации традиционного общества в России, для которого была характерна социально-экономическая и политическая отсталость. Следует подчеркнуть, что либерализм в России имел значительное своеобразие. На Западе либерализм защищал в первую очередь права личности от государства, которому отводилась роль только «ночного сторожа» – охранника политических и имущественных прав граждан. В России же либерализм не стремился к противопоставлению себя самодержавной власти. Либералы были убеждены в творческой созидательной силе государства и стремились лишь к видоизменению государственного строя. Они полагали, что государство – творец и основной двигатель истории, мощное орудие прогресса. Противопоставление реформистского и революционного пу-

тей развития общества разводило либералов с социалистами. Либералы считали, что благосостояние народа зависит, прежде всего, от хороших государственных учреждений без бюрократизации и коррупции, от постепенных политических и экономических преобразований. Но в отличие от Запада, где либерализм являлся идеологией буржуазии, в России он имел всесословный характер. В либеральное движение входили представители различных классов и слоев населения. Еще одной особенностью либерального движения было стремление к объединению под его руководством всех политических сил, оппозиционных царскому режиму, борющихся за демократические свободы и создание правового государства. Главной общественной опорой либералов за продолжение реформ в России постепенно становились земские учреждения, в которых важную роль стала играть земская интеллигенция. В эпоху модернизации Александра II либерализм отходит от сугубо теоретического направления к деятельности, связанной с насущными потребностями государства, экономики и общественного движения. Стала проявляться многогранность течений либерализма: одни либералы являлись сторонниками парламентаризма, а другие выступали за сохранение монархии.

Один из столпов либерализма в России – правовед, историк и педагог Б. Н. Чичерин (1828–1904) – разработал теорию, представляющую собой самое яркое выражение гармоничного сочетания идейных мотивов либерализма и консерватизма. Б. Н. Чичерин являлся духовным вождем и идеологом либерального консерватизма, сущность которого состояла в примирении начала свободы с началами власти и закона. Мировоззрение Б. Н. Чичерина сформировалось в конце 40-х – середине 50-х гг. XIX в. Огромное влияние на формирование его личности оказал видный историк Т. Н. Грановский. Именно в доме Т. Н. Грановского, духовного лидера западников, формировалась та внутренняя свобода духа, независимость мысли, которые стали доминантами личности Б. Н. Чичерина. В эти годы он научился соединять «...с пламенной любовью к Отечеству... столь же пламенную любовь к свободе» [156, с. 178].

Борис Николаевич акцентировал внимание на необходимости присутствия нравственности в политике. Для политика должны быть важны не только вопросы о цели, но и о средствах реализации этой цели. Либеральный консерватизм Б. Н. Чичерина проявлялся не толь-

ко в сочетании порядка и свободы, но и в важности мирных и продуманных путей преобразований. Он был убежден, что в эпоху реформ как никогда необходимы общественное согласие и совместная единая работа всех слоев общества. Б. Н. Чичерин неоднократно повторял важную мысль о том, что при проведении реформ правительству необходимо не только заручиться поддержкой здоровых элементов общества, но и способствовать формированию в стране независимого общественного мнения. «Общественное мнение умеренное, стойкое, с серьезным взглядом на вещи... могло бы служить правительству и опорой в благих начинаниях, и благоразумной задержкой на ложном направлении» [156, с. 371].

Уважение к личности и право на свободу – основа учения Б. Н. Чичерина. Философия права, разработанная им, трактовала свободу человека как источник его прав, которые должны быть признаны обществом: «Все достоинство человека основано на свободе; на ней зиждутся права человеческой личности... Человек – не средство для чужих целей, а сама абсолютная цель» [156, с. 463]. Права человека рассматриваются Б. Н. Чичериным в единстве человека перед другими людьми и государством. Свободная личность, вступая в общество, ограничивает свою волю совместно с волей других, подчиняется гражданским обязанностям, повинуется власти, представляющей идею общественного единства и высшего порядка. Б. Н. Чичерин отрицал безграничную свободу: «Повиновение закону – вот первое требование правды, первый признак гражданственности, первое условие свободы. Свобода анархическая – преддверие деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, одна может установить прочный порядок» [156, с. 379]. Истинная свобода утверждается только там, где люди умеют ценить «...ее дары, где в обществе утвердилась терпимость, уважение к человеку» [156, с. 471].

Б. Н. Чичерина с полным основанием можно назвать одним из первых историков либерализма в России. В статье «Россия накануне XX столетия» он называет XIX в. либеральным веком, поворотной точкой в русской истории. В течение столетий Российское государство складывалось под руководством самодержавной власти. Общество проявляло мало самостоятельности, либеральные реформы Екатерины II и Александра I спускались сверху и плохо укоренялись в обществе. Но идеи либерализма в России не погибли – они нашли пита-

тельную почву в русской образованной молодежи. Во время заграничных походов русской армии против Наполеона офицеры увидели в Европе «...воочию порядок вещей, в котором свобода и право получали должное ограждение...» [156, с. 471]. Распространение идей либерализма скоро привело к восстанию 1825 г. Декабристы хотели утвердить в стране законность и уважение к человеку, но, действуя без поддержки народа, они были обречены на гибель. Даже тридцатилетнее царствование Николая I с его неограниченным деспотизмом власти, подавляющим с помощью репрессий всякое свободное выражение мысли, не искоренило в русском обществе либеральных стремлений к свободе. Либерализм Б. Н. Чичерина был связан с учением об абсолютной ценности человеческой личности. Консервативные же идеи выражались в том, что лишь сильное государство и сильная власть могут быть гарантом свободы, достоинства граждан, осуществления дальнейшего развития реформ и защиты страны от революционных потрясений. Политическим идеалом Б. Н. Чичерина было сильное правовое государство, способное сдерживать противоборствующие интересы в обществе. Мыслитель выступал за постепенную эволюцию самодержавия в сторону конституционной монархии по западному образцу.

Идея построения гражданского общества являлась одной из центральных проблем его политической мысли. Гражданское общество – это общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями, свободное от государства и конструктивно взаимодействующее с ним. Граждане, составляющие гражданское общество, не скованы дисциплиной страха, обладают свободами и правами, наделены собственностью. Чрезвычайно важным моментом в создании гражданского общества является правовое воспитание, требующее соблюдения закона всеми гражданами. Одной из основных особенностей гражданского общества, согласно теории Б. Н. Чичерина, являлась зависимость власти от закона и подконтрольность ему. Он критиковал тех людей, которые под словом «власть» понимали вседозволенность: «...несовместимо с разумным понятием об обществе представлять себе всякую власть сверху донизу безграничной и безусловной. Между тем у нас всякий начальник склонен считать свою власть таковой. На самый законный отпор подчиненных он смотрит как на своеволие и бунт» [156, с. 402]. Власть – это в первую

очередь долг, ответственность за судьбы людей. Он полагал, что демократическое общество может быть создано лишь согласованной и объединенной работой всех составляющих его граждан. Б. Н. Чичерин отмечал, что у людей всегда есть личные интересы в экономической области, однако для гражданского общества нетерпим человеческий произвол и хищнический индивидуализм, отрешенный от общего блага. Понимая, что путь к построению основ гражданского общества в России труден, Б. Н. Чичерин считал кирпичиками, элементами гражданского общества различные институты самоуправления граждан (уездные, губернские, городские земства), свободное, демократическое, гласное и независимое судопроизводство. Для создания гражданского общества также необходимы свобода совести, печати, прозрачность правительственных решений, независимое общественное мнение, принцип разделения властей. Борис Николаевич был идеологом политического центризма и старался придать политической борьбе цивилизованный характер. Программа мыслителя была ориентирована на поиски консенсуса, согласование интересов различных слоев общества, создание широкого блока реформистских сил. Он стремился к гармоничному сочетанию свободы и закона, выборного народного представительства и самодержавной монархии. Но его идеи, опередившие свое время, не были востребованы властью и не смогли укорениться в политически расколотом обществе.

На рубеже XIX–XX вв. либеральный лагерь состоял из двух течений – умеренного и радикального. Умеренное славянофильское течение, возглавляемое русским политическим деятелем Д. Н. Шиповым (1851–1920), сформировалось во время голода 1891 г. как реакция против бездеятельности и всесилья царской бюрократии. Умеренные либералы выступали за равенство в гражданских правах, развитие всеобщего образования, расширение прав земств, свободу печати. Д. Н. Шипов критиковал политику правительства, недоверяющего общественной самодеятельности и ставившего целью ограничение самостоятельности и стеснение земской деятельности. Дмитрий Николаевич отрицательно оценивал внутреннюю политику Александра III: «Александр III не признавал допустимым активное участие общественных элементов в государственной жизни и последовательно проводил принцип административной централизации. Человек сильного характера и крепкой воли, он хотел сам всем управлять и во всех

членах государственного управления видел только исполнителей своей воли... В основе политического правления Александра III лежала роковая, глубокая, принципиальная ошибка – отождествление самодержавия с самовластием» [161, с. 157–158].

Д. Н. Шипов считал, что в основу государства должны были быть положены два принципа – права и власти. Правовые нормы соответствуют росту общественного сознания. Отрицая божественное происхождение власти монарха, он главной государственной задачей считал защиту безопасности и личных прав граждан. Не выступая за ограничение монархии, Д. Н. Шипов хотел создания чисто консультативного органа: «Власть монарха должна быть сильной, но она может быть таковой только в случае, когда пользуется доверием народа. Монарх должен всегда и прежде всего смотреть на свою власть как на обязанность, возложенную на него народом, и осуществлять свою власть согласно требованиям народного сознания. Следуя этим путем, власть должна стремиться к созданию и развитию тесного единения с населением, быть всегда осведомленной о его нуждах и всеми силами способствовать развитию личной и общественной самодеятельности» [161, с. 169]. Народное представительство должно стать выразителем «...соборной совести народа...» [161, с. 170]. Дмитрий Николаевич отвергал конституционные теории, настаивающие на необходимости соперничества и борьбы между различными ветвями государственной власти: «Я держусь убеждения, что плодотворное взаимодействие власти и народного представительства возможно лишь при моральной их солидарности, при сознании и выполнении обеими сторонами лежащего на них нравственного долга, т. е. при условии, что в основе взаимодействия власти и народа будет лежать не столько идея правовая, сколько идея этико-социальная. Организация народного представительства и отношений между ним и государем должна быть создана не во имя разделения их прав, а во имя сознания необходимости разделения и наилучшего выполнения лежащих на них обязанностей пред государством в целях постепенного осуществления в жизни идеалов добра и правды. Истинная свобода должна быть обеспечена не противопоставлением власти и народа, а их совокупной деятельностью...» [161, с. 157–158].

В качестве органа будущего народного представительства Д. Н. Шипов видел Земский собор. Приводя примеры из русской истории со

ссылками на С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, Д. Н. Шипов писал: «Взаимное доверие и живое единение русских самодержцев и народа получили свое наглядное подтверждение на Земских соборах... Русские цари хорошо понимали, что только сближение с народом может дать им надлежащую опору и укрепит авторитет их власти. Земские соборы созывались для обновления законодательства, для изыскания денежных средств, для совета по возникшим государственным вопросам, для восстановления расстроенного государственного порядка и для избрания государей. Представители всего народа, призывавшиеся на Земские соборы... видели в этом не осуществление своего политического права, а выполнение своего нравственного долга. На Земских соборах никогда не возникал вопрос об ограничении царской власти, как и не слышалось указаний на нежелание самодержцев считаться с голосом народных представителей. Объяснение этого нужно видеть в том, что в основе самодержавия и Земских соборов лежали идеи не правовые, а морально-политические» [161, с. 171–172]. Таким образом, Д. Н. Шипов признавал восстановление Земских соборов желательным. В правление Александра II он поддерживал предложение графа М. Т. Лорис-Меликова о введении в состав комиссий при Государственном совете выборных представителей общественных учреждений.

Л. А. Тихомиров в работе «Начала и концы. Либералы и террористы» обвинил прогрессивное либеральное общество в отсутствии патриотизма, безбожии, финансовой и моральной поддержке террористов. Либералы через систему образования и печать воспитывали молодежь в наиболее пригодном для революции духе: «К тому времени, когда мое поколение сдалось на руки обществу, у нас была создана целая либеральная культура, отрицательные, по преимуществу антирусские стремления которой дошли в 60-х гг. до апогея. Это было время, когда молодой блестящий подполковник генерального штаба Соколов, впоследствии эмигрант, перед судом публично заявил: “Я нигилист и отщепенец”. Военная молодежь шла в польские банды, чтоб убивать своих соотечественников для дела восстановления Польши, как будто выбирая девизом: “Где бунт – там отечество”. Русская либеральная печать одобрила это безобразие, и М. Н. Катков, со всей страстью русского чувства выступивший против изменнического опьянения, с тех пор навсегда остался для либеральной души изменником

и врагом» [142, с. 78]. Л. А. Тихомиров сделал вывод, что либералы, как и революционеры, были фанатиками своей идеи: «...они не останавливаются ни пред каким насильственным действием, ни пред какой узурпацией, ни пред каким преступлением. От них не жди никаких уступок ни здравому смыслу, ни человеческому чувству, ни истории» [142, с. 108].

Радикальные либералы сформировались в начале XX в., в 1902 г., группируясь вокруг нелегального журнала «Освобождение». Лидером их нелегальной организации «Союз Освобождения» являлся П. Н. Миллюков. Радикальные либералы выступали за избрание путем всеобщих выборов конституционной ассамблеи. Их идеалом была конституционная монархия английского типа. Будучи противниками насилия, либералы стремились к организации в России конституционного движения.

Характеризуя развитие консервативной мысли в эпоху Александра II, можно выделить три важных этапа.

Первый этап охватывает период с 1855 по 1860 гг. После поражения в Крымской войне консерватизм в России находился в обороне, и популярными стали либеральные идеи.

Второй этап развития консерватизма начался в 1862 г. и завершился в 1866 г. На данном этапе консерваторы проводили перегруппировку сил. Они желали реванша, восстановления утраченных позиций в обществе.

Третий этап в истории развития консерватизма продолжался с 1866 по 1881 гг. Это был период своеобразной балансировки Александра II между либерализмом и консерватизмом.

В шестидесятых годах XIX в. теория консерватизма получила дальнейшее развитие в работах идеологов консерватизма Н. Я. Данилевского (1822–1885), К. Н. Леонтьева (1831–1891), К. П. Победоносцева (1827–1907). В 1869 г. Н. Я. Данилевский опубликовал книгу «Россия и Европа», которая вызвала в обществе острые споры. Он «...делает важный вывод, который в то время был совершенно новым словом в исторической науке, явился великим открытием для ее будущего развития: в истории человечества нет однолинейного, однонаправленного восходящего эволюционного процесса – это искусственная схема; народы, как и отдельные личности, имеют свое рождение и рост, цветение и увядание...» [28, с. 62]. В работе был выполнен сравни-

тельный анализ исторического и культурного развития России и Европы, показано своеобразие славянского культурно-исторического типа.

Н. Я. Данилевский разработал теорию культурно-исторических типов, которые, по его мнению, являются носителями исторического процесса. Под термином «культурно-исторические типы» понимаются народы или племена, объединенные общностью языка и культуры, со своей самобытной цивилизацией, не подлежащей передаче другому типу или заимствованию у него. В каждом культурно-историческом типе (египетском, китайском, ассиро-вавилонском, римском, греческом, еврейском, романо-германском, славянском, мексиканском, перуанском) Н. Я. Данилевский выделял религиозную, политическую и общественно-экономическую виды деятельности. Уникальность и неповторимость каждого культурно-исторического типа определяется в первую очередь родством языков, религий, общностью исторических судеб и воспитания, единством психологического строя. Так, главными психологическими чертами представителя романо-германского типа он считал агрессивность и чрезвычайно развитое чувство личности. Тогда как отличительными психологическими чертами русского народа являются, по мнению Н. Я. Данилевского, бескорыстие, религиозность, терпимость. Он был не согласен с утверждениями западных историков и политиков о России как об империи зла, варварском и азиатском деспотическом государстве.

Сравнивая Россию с Европой, Н. Я. Данилевский утверждает, что славянство в силу этнографических, религиозных и исторических особенностей составляет, в противоположность господствующему в Европе романо-германскому типу, новый, особый культурно-исторический тип. Культурно-исторические типы как живые организмы проходят стадии детства, юности, зрелости, смерти, и Н. Я. Данилевский считал, что западный тип изжил свое историческое существование, а славянский культурно-исторический тип только вступает в стадию зрелости и ему еще предстоят великие свершения в религии, культуре, политической, научной и экономической областях. Каждому культурно-историческому типу присущи характерные, специфические формы политического устройства: один культурно-исторический тип производит на свет французский республиканский строй, а другой – российское самодержавие. Тысячелетнее развитие России в изоляции от остальной Европы и морских путей сообщения, татаро-монгольское иго, обширность ее территории и многонациональный состав населе-

ния исключали благоприятный исход перестройки России по образцу зарубежных держав. Поэтому, по мнению Н. Я. Данилевского, переносить конституционные или революционные идеи в Россию бесполезно, так как ввиду ее особого исторического, культурного, экономического развития предпосылок для воплощения этих идей в жизнь нет. Н. Я. Данилевский отмечает, что вся мировая история насквозь европоцентрична, в ней судьба Европы неправильно отождествлялась с судьбами всего человечества, и русская жизнь, политическое устройство России оценивались западниками-европейцами только с предвзятой точки зрения. Анализируя факты антипатии Европы к России, мыслитель отмечал, что Запад всегда выражал «...сочувствие и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала по окраинам России...» [28, с. 64]. Запад, по его мнению, желает разрушить политический организм России своей культурой, европеизмом. Н. Я. Данилевский не считал Россию частью Европы и был убежден, что единственно возможной формой правления для России является самодержавная монархия. Только она одна в силах сохранить единое Российское государство и защитить славянский культурно-исторический тип.

Монархия – это данность всей русской истории, традиция, обусловленная коренным народным политическим воззрением: «...русский народ есть цельный организм, естественным образом, ...по глубоко вкорененному народному пониманию, сосредоточенный в его государе, который вследствие этого есть живое осуществление политического самосознания и воли народной...» [28, с. 458–459].

Цивилизационный метод исследования исторического процесса Н. Я. Данилевского дает возможность охватить более широкую во времени и более устойчивую категорию в историческом процессе, чем социально-экономическая формация. Категория культурно-исторического типа наделена Н. Я. Данилевским следующими чертами:

- язык;
- территория, на которой проживает данный народ;
- природные условия;
- религия;
- нравы и обычаи;
- традиционные институты;
- ментальность общества;
- государственность.

Духовно-нравственные ценности, входящие в этот перечень, несравненно выше любых классовых интересов и партийных пристрастий. Ценность цивилизационного подхода состоит в том, что при его использовании именно человек выдвигается на центральное место в историческом исследовании. Критика Н. Я. Данилевским европоцентризма, высказанные им суждения об опасности насильственного насаждения единой западноевропейской культуры по всему миру, звучат сегодня еще более злободневно, чем в его время.

К. Н. Леонтьев (1831–1891) являлся одним из наиболее ярких представителей консервативной мысли. В работе «Византизм и славянство» он изложил свою концепцию культурно-исторических типов. Будучи врачом по образованию, при разработке теории формирования человеческого общества К. Н. Леонтьев использовал аналогию с развитием живых организмов. Он считал, что формы существования общества являются реализацией деспотизма внутренней идеи, т. е. некоего «гена развития». Но история развития локальных цивилизаций включает в себя 3 периода [52, с. 75]:

- 1) первичной простоты;
- 2) цветущей сложности;
- 3) вторичного смесительного упрощения.

Всего государственный организм, с точки зрения мыслителя, живет в истории не более 1200 лет, затем начинается его разрушение.

Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев считали, что не существует единого исторического процесса, а история слагается из неповторимых культурно-исторических типов. К. Н. Леонтьев предлагал усовершенствовать классификацию культурно-исторических типов за счет введения христианско-византийского типа. Им были сформулированы основные черты византизма. Прогресс в развитии общества, расцвет его культуры и государственности связывается К. Н. Леонтьевым, прежде всего, с процессами социальной дифференциации и неравенства: «Стержневым для К. Н. Леонтьева было убеждение об изначальном, природном или внутреннем неравенстве людей и вера в то, что вытекающая отсюда субординация в любом обществе, государстве, коллективе чрезвычайно благотворна...» [52, с. 34]. Русское государство, по мнению мыслителя, включает в себе идею византизма, т. е. сильной монархической власти, тесно связанной с православием. Монархия и православие – вот для К. Н. Леонтьева главные корни жизни:

«Сильны, могучи у нас только три вещи: византийское православие, родное и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир...» [52, с. 29]. Монархическое начало являлось в России единственным организационным началом, главным орудием дисциплины. К. Н. Леонтьев был убежден, что разрушение монархии и православия приведет Россию к гибели. Демократизацию общества в европейских странах он оценивал как распад. Бездуховный, обезбоженный индивидуализм, проповедующий стяжательство и наживу, ведет, по мнению мыслителя, европейскую культуру и государственность к краху.

К. Н. Леонтьев и Л. А. Тихомиров в правление Александра III часто обсуждали вопрос о будущем российской монархии. Л. А. Тихомиров необычайно высоко оценивал Константина Николаевича как самобытного мыслителя: «Среди наших выдающихся публицистов нет ни одного, которого бы при жизни так упорно замалчивали, как Константина Николаевича Леонтьева... Он при жизни представлял собой очень своеобразное зрелище человека редкого таланта, пользующегося огромным уважением в весьма значительном слое писателей, имеющего сильное влияние на их мысль, и в то же время для большой публики, благодаря фатальному общему молчанию, почти неизвестного» [142, с. 505]. Л. А. Тихомиров вспоминал, что с К. Н. Леонтьевым они вели острые споры по вопросу будущего российской монархической государственности, оценивали прошедшую эпоху Александра II как либеральную, связанную с разрушением исторических основ страны. Период правления Александра III вызывал у К. Н. Леонтьева полосу светлого оптимизма. В это время в стране вспыхнуло национальное чувство и шло наступление против антинациональных, либеральных и социалистических идей. Однако Л. А. Тихомиров понимал всю мощь разрушительных антироссийских сил и считал, что этот период национального возрождения будет недолговечен: «Я говорил, что антинациональное революционное движение у нас непременно скоро возобновится. Леонтьев же полагал, что национальная “реакция” продолжится еще много времени и успеет развить большие силы для противодействия антинациональному. “Сколько времени, по Вашему мнению, может длиться эта реакция?” – спрашивал он. Я отвечал: “Лет пять-шесть”... Он только плечами вздернул: “Что Вы! Уж по крайней мере лет 25”. Мой глазомер оказался вернее, и вспышка прежнего анти-

национально-революционного настроения произошла у нас немедленно с началом нового царствования Николая II» [38, с. 358–359].

К. Н. Леонтьев хорошо знал политическую и общественную жизнь Запада. Он правильно предвидел тенденцию мирового развития – глобализацию, т. е. слияние в единое общемировое государство при отказе от местных отличий. Для К. Н. Леонтьева настоящий прогресс был связан с развитием русского национального идеала: «Православие и его усиление; самодержавие и его незыблемость; сообразный с настоятельными потребностями жизни сословный строй: сохранение неотчуждаемых крестьянских земель..., сохранение в быте больше русского..., независимость в области мышления и художественного творчества» [52, с. 55]. Больше всего К. Н. Леонтьев опасался заражения России либерализмом. Российский ученый В. Ю. Катасонов так охарактеризовал отношение К. Н. Леонтьева к либерализму: «Теме либерализма у Леонтьева уделяется особое внимание (чуть ли не половина всего им написанного). Либерализм Леонтьев рассматривает в самом широком смысле этого слова. Это – многоголовая гидра, причем отдельные ее головы не имеют видимой связи с самой гидрой. Либерализм проникает во все поры и клетки общественного организма, используя для этого такие институты, как школа, культура, наука, средства массовой информации и даже официальная религия... Делается все возможное для того, чтобы средний европеец воспринимал догматы либерализма не как религию, а как продукт “позитивного знания”. Важнейшими догматами либерализма являются положения: а) о бесконечности земной истории, о возможности построения рая на земле, о первенстве науки над религией; б) о гуманизме (человек становится на место Бога и делается объектом поклонения; в) о демократии (как высшей форме политической организации общества по отношению к монархии и другими формам); г) о первенстве права над моралью и религиозными нормами (“правовое государство” и т. д.)» [39, с. 75].

По мнению Константина Николаевича, либерализм на Западе уже полностью подчинил себе человека. Поэтому он предостерегал соотечественников об опасности увлечения западным путем развития. Этот путь приводит к ликвидации национальной самобытности, своеобразия, насаждает европейски усредненного человека. Таким образом, прогресс у К. Н. Леонтьева был связан с ярким и глубоким развитием государства. Размышляя о российской действительности, он правиль-

но сделал вывод, что дух охранения в обществе довольно слаб, и значительная часть его склонна идти по течению, т. е. следовать по европейскому пути развития: «Вижу нерешительную и слабую реакцию против слишком уже одолевшей нас за последнюю четверть века прогрессивной европеизации... Много ли у нас настоящих, твердых единомышленников в образованном классе? Сознаюсь, что мои надежды на культурное будущее России за последнее время стали все более и более колебаться» [52, с. 114–115]. К. Н. Леонтьев писал о причинах укорененности либерального умонастроения в России: пассивная любовь к Родине, тысячи по-европейски воспитанных умов, сердец, их легкомыслие, угасание религиозного чувства, вольномыслие в земских школах. Размышляя об официальной опоре самодержавия – дворянстве – К. Н. Леонтьев задолго до революции делает вывод о его неспособности быть охранителем: «Дворяне – это прежде всего русские европейцы, выросшие на общеевропейских понятиях XIX в., т. е. на понятиях смутных, на основах расшатанных, на чтении таких книг и газет, в которых все критикуется и многое отвергается, а непреложными аксиомами считаются только принципы либерально-эгалитарного прогресса» [52, с. 175].

Другим источником беспокойства для К. Н. Леонтьева была российская интеллигенция. Главная опасность заката русской монархической государственности исходила именно от нее. Он считал, что российская интеллигенция занимается духовным и умственным развращением народа. В. Ю. Катасонов приводит следующую оценку интеллигенции, данную К. Н. Леонтьевым: «Интеллигенция русская стала слишком либеральна, т. е. пуста, отрицательна, беспринципна. Сверх того, она малонациональна именно там, где следует быть национальной. Творчества своего у нее нет: своей мысли, своего стиля, своего быта и окраски» [39, с. 99]. В статье «Православие в Польше» он сравнил российскую интеллигенцию с всеядным, неразборчивым страусом, заглатывающим без критической работы мозга любые западные идеи. Интересно, что Константин Николаевич отмечал стойкость национальных окраин с исламом и буддизмом перед либеральным разложением. Для К. Н. Леонтьева православная религия представляла собой самую существенную черту культурной обособленности. Он писал, что национальной религией нужно гордиться как национальным знаменем. Каждая уважающая себя нация должна стремиться

к сохранению своей культуры, религии, бытовых и обрядовых традиций. Сильную государственность К. Н. Леонтьев связывал с развитым сословным строем: «Для того же, чтобы эта Царская власть была долго сильна, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легко развратимые; но – напротив того – необходимо, чтобы между этими толпами и престолом царским возвышались прочные сословные ступени, ...необходимые для здания долговечного монархизма» [52, с. 288]. Таким образом, К. Н. Леонтьев сделал вывод, что для функционирования монархического государства очень важна неравноправность людей и классов. Демократия ведет к утрате самобытности. Он пессимистически был настроен в отношении будущего развития России, так как считал, что либерально-эгалитарный прогресс принесет новые виды страданий и стеснений человеческих: «Прочны ли будут плоды теперешней исправительной реакции нашей; окажется ли дворянство русское на высоте своего не только национального, но... и мирового призвания, – мы этого не знаем. Европейизм и либеральность сильно расшатали основы наши за истекший период уравнительных реформ... В умах наших до сих пор царит смута; в чувствах наших – усталость и растерянность. Воля наша слаба; идеалы слишком неясны» [52, с. 290].

По мнению В. Ю. Катасонова, К. Н. Леонтьев прекрасно понимал, что процесс либерального разложения идет полным ходом: «Русско-византийская цивилизация вошла в стадию “сложного цветения” во времена Петра I. Первые признаки перехода в стадию разложения, считал он, появились во времена Александра I. Николай I сумел затормозить этот период, однако с приходом на царский престол Александра II процесс энтропии в русском обществе возобновился» [39, с. 70].

В конце XIX в. в России сложились социально-политические условия для утверждения консервативных традиций в политической и правовой мысли. Это было связано в первую очередь с политическим курсом императора Александра III (1881–1894). Его политические взгляды были цельными; самодержавие являлось для него незыблемым догматом. На формирование личности и политических взглядов Александра III большое влияние оказал его воспитатель, известный консерватор К. П. Победоносцев. Внутренняя политика самодержавия 80-х – на-

чала 90-х гг. XIX в. была направлена на укрепление государственной власти, пересмотр либеральных реформ 60-х гг. как не оправдавших себя, на защиту интересов дворянства. Политика Александра III получила в научной литературе советского периода название «политики контрреформ». В настоящее время в научной литературе для обозначения этой политики утвердился термин «консервативная модернизация». Как же можно оценить влияние характера и консервативного мировоззрения Александра III на развитие России во второй половине XIX в.?

Личность и семья Александра III. Личность императора Александра III и его мировоззрение всегда интересовали историков. Советские историки оценивали его правление, скорее, отрицательно. К примеру, В. Г. Чернуха в предисловии к сборнику материалов об императоре Александре III писала: «...предпоследний самодержец – трагическая фигура русской истории. Трагичны и последствия его тринадцатилетнего царствования... Будто злой рок тяготел над Россией: в XIX веке она занималась тем, что теряла время, отпущенное для преобразований» [5, с. 6].

В последние годы появились новые исследования, посвященные личности и правлению Александра III. Можно упомянуть вышедшие в 2016–2019 гг. книги С. В. Ильина и А. Л. Мясникова. К настоящему времени опубликовано несколько книг с воспоминаниями современников [5, с. 624; 153, с. 240]. Положительно оценивал правление Александра III обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. Хотелось бы привести его слова о личности Александра III, произнесенные 6 апреля 1895 г. на заседании Русского императорского общества: «Все знали, что не уступит Он русского, историей завещанного интереса, ... что глубоко хранит Он в душе своей одну с народом веру и любовь к Церкви Православной, понимая все ее воспитательное значение для народа, – наконец, что заодно с народом верует Он в непоколебимое значение власти Самодержавной в России и не допустит для нее, в призраке свободы, гибельного смешения языков и мнений» [104, с. 167–168].

С. Ю. Витте видел главную заслугу царя «...в том, что он процарствовал 13 лет мирно, не имея ни одной войны» [153, с. 146]. Этого государь достиг не уступками, а непоколебимой твердостью в отстаивании национальных интересов. Неприятие войны сформировалось у императора во время русско-турецкого противостояния 1877–1878 гг. Как отмечал историк М. К. Соколовский, за храбрость на поле боя ве-

ликий князь Александр Александрович был награжден орденами Святого Владимира первой степени с мечами и Святого Георгия 2 степени. В 1878 г.: «...26 февраля... ему была пожалована золотая, бриллиантами украшенная сабля с надписью: «За отличное командование Рущукским отрядом» [5, с. 213]. Для министра финансов С. Ю. Витте государь был настоящим патриархом династии Романовых – его боялись и уважали. Среди особенностей его правления отмечали бережливое расходование финансов. Размышляя о том, как бы все сложилось, если Александру III удалось процарствовать дольше, Витте сделал вывод, что он, скорее всего, перешел бы от консервативной политики к политике «спокойного либерализма», и тогда, возможно, сумел избежать войны с Японией и втягивания в дальневосточную авантюру. Этому высказыванию не следует удивляться. В современных исследованиях отмечается, что для российского консерватизма было характерно «...совмещение либеральных и консервативных подходов – иногда в виде конструктивного синтеза...» [46, с. 245].

Интересные воспоминания оставил знаменитый художник и критик Александр Николаевич Бенуа: «Главной для самодержца чертой Александр III обладал в полной мере. Он был крепок, умел держать и сдерживать, он имел на вещи свое мнение... Без кровопролитных войн, даже без особенных угроз, он... являл в семье прочих государей... некую твердыню – надежную для друзей и грозную для врагов» [153, с. 162]. Бенуа подметил различия в поведении Александра III: во время официальных приемов царь своей колоссальной фигурой, голосом, особым взглядом пронизывающих глаз внушал страх и трепет, а в неформальной обстановке, во время встреч с художниками, например, он становился внимательным, любезным, общительным человеком. Бенуа писал, что Александру III была свойственна абсолютная непосредственность в общении, художника поражали чрезвычайная простота монарха и отсутствие позы властелина.

Консервативные взгляды императора Александра III, сформированные под влиянием наставника К. П. Победоносцева, включали несколько важных положений:

1) необходимость самобытного развития России, сохранение самодержавия – незыблемые политические и моральные ценности. Он был убежден, что западные конституционные идеи неприменимы к России;

2) укрепление влияния Православной церкви в обществе, особенно в контексте воспитания и образования юношества;

3) признание необходимости сохранения в обществе социальной иерархии, опора на дворянство и крестьянство;

4) необходимость всемерного укрепления крестьянской общины: «...Александр III надеялся, что община сумеет остановить пролетариацию, благодаря чему удастся избежать разрушения патриархальных социальных основ» [24];

5) поддержка традиционной русской культуры. Царь был глубоко религиозным человеком.

Советский и российский историк В. А. Твардовская признавала этот факт: «Александр III был одним из самых набожных монархов. Его вера – искренняя, неформальная – была выражением естественной тяги к опоре, которая казалась единственно твердой» [153, с. 261]. Современный историк Александр Леонидович Мясников писал о том, какое огромное значение имели Православная вера и церковь в жизни императора: «Посещение святых мест Александр III считал важным и необходимым. Как глубоко верующий человек, он и сам любил посещать святые места, ему нравились религиозные праздники, он долго и с удовольствием мог говорить на религиозные темы... Нередко из собственных средств император отпускал на монастыри значительные суммы... Рождество и Пасха особо отмечались в семье императора и были самыми памятными днями в году, «это были самые счастливые торжества» [76, с. 371]. Дочь Александра III, великая княгиня Ольга Александровна, оставила интересные воспоминания о семейных традициях празднования Рождества: «Все дети обожают Рождество... Мои родители никогда не упускали возможности напомнить нам, детям, что значит Рождество в жизни каждого из нас. Я до сих пор помню то чувство благоговения, с которым мы шли вместе с родителями... в Сочельник на ежегодную рождественскую службу в дворцовую церковь... На третий день Рождества мы устраивали рождественский вечер для солдат. Это был восхитительный день. По этому случаю казаки, солдаты и моряки, служившие во дворце, собирались на большую рождественскую елку... Я обожала смешанный запах хвои и армейских сапог – для меня в нем воплощалось настоящее Рождество!» [89, с. 46–47]. Император старался поддерживать строительство Православных храмов и за пределами нашей родины. Так, в столице Дании – Копенгагене – был построен храм Святого Благоверного Александра Невского. Иконы и картины в церкви были созданы известными русскими

живописцами: Ф. А. Бронниковым, А. П. Боголюбовым, И. Н. Крамским. Крамской написал картины, посвященные житию Александра Невского. К заслуге императора можно отнести решение вопроса об учреждении в России в 1882 г. православного палестинского общества. Александру III очень нравились пасхальные службы. Христосование продолжалось несколько часов. В царской семье особо почиталась Феодоровская икона Божией матери, так как с ней было связано избрание на царство Михаила Федоровича Романова, первого русского царя из династии Романовых.

Но для многих современных ученых он и сейчас представляется сильным, волевым человеком, способным держать в руках не только страну, императорскую фамилию, но и беспокойных внешних соседей России. Однако сложившуюся оценку личности этого правителя во многом изменила вышедшая в 2001 г. личная переписка Александра III и его супруги Марии Федоровны (1884–1894 гг.), приоткрывшая нам, как велика была роль семьи и Православной веры в жизни этих людей: «Перед нами не только и не столько повелитель огромной империи, наделенный правом казнить и миловать, но в первую очередь – любящий мужчина и чадолюбивый отец» [16, с. 9]. В простых, лишенных прикрас письмах, Александр III рассказывал, что его по-человечески волновало. Эти письма служат прекрасным примером, объясняющим особенности повседневной жизни той эпохи.

Семейная переписка царя и царицы отразила не только их личные переживания, семейные заботы, но и другие важные события повседневной жизни. Семейная жизнь царской семьи была в целом счастливой. За 16 лет в семье родилось шестеро детей: Николай (Николай II) (1868), Александр (1869), Георгий (1871), Ксения (1875), Михаил (1878), Ольга (1882). Первое семейное несчастье постигло семью цесаревича в 1870 г., когда неожиданно в годовалом возрасте умер второй сын Александр.

Историк Ю. В. Кудрина отмечала следующую особенность воспитательного процесса в семье Романовых: «В семейных делах, в вопросах воспитания детей решающее слово оставалось не за отцом семейства, а за матерью. Расшалившись в присутствии отца, дети тут же стихали при появлении матери... Обстановка в семье была на редкость спокойной, дружелюбной и добропорядочной. Во всем чувствовался размеренный порядок, олицетворением которого была, прежде

всего, Мария Федоровна. Дети воспитывались в строгости, уважении к старшим, любви ко всему русскому, русским основам, традициям и идеалам, вере в Бога» [51, с. 35]. Мать и отец всегда уделяли своим детям много внимания. У каждого из сыновей были прозвища: Николая называли Ники, Георгия – Жоржи, Михаила – Мишкиным. Младшую дочь Ольгу царь называл Беби. Письма супругов друг другу были наполнены родительской любовью и к младшим, и к старшим сыновьям и дочерям. Так цесаревича беспокоило то, какое впечатление произведут дети на родителей жены в Копенгагене: «Ты ничего не говоришь в письмах, как нашли твои родители наших детей и как они с ними? Я уверен, что Ксения сначала была очень дика и, наверное, боялась их. Пожалуйста, напиши мне об этом всем и подробнее, меня это все интересует» (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 708. Л. 63. Вел. кн. Александр Александрович – вел. кн. Марии Федоровне. Красное Село. 24 июня 1879 г.).

Когда же из-за отъезда Марии Федоровны в Данию дети оставались с отцом, царь в письмах подробно рассказывал жене об их поведении, сообщал о разных курьезных случаях: «...В 3½ пошли гулять с Ники, Жоржи и Мишкиным. Отправились мы, наконец, ловить ослов. Мишкин был в таком восторге, что, наконец, придет домой с ослом, что всю прогулку только об этом говорил и приготавливался, но когда мы пришли к ослам и они начали все разом орать, Мишкин струсил и остолбенел от удивления. Мы выбрали двух небольших ослов, старых, они большие друзья и постоянно и в конюшне, и на прогулке бывают вместе, как объяснил нам сторож-чухонец. Обратное шествие домой с ослами было довольно затруднительно, и порядочно мы с ними возились: то они совсем не идут, то побегут так шибко, что нет силы остановить. Жоржи совсем не мог удержать своего осла, и я должен был вести его почти всю дорогу» (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 709. Л. 4. Александр III – Марии Федоровне. Гатчина. 13 мая 1884 г.).

Изучая письма Александра Александровича и Марии Федоровны, можно увидеть, как постепенно развивались лично-семейные отношения. В письмах обсуждалась не только семейная жизнь, но и военные, династические и политические проблемы. Будучи великим князем, Александр Александрович участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Именно в эти годы сформировалось мировоззрение будущего императора, понимание необходимости для России мирного

эволюционного развития. Поэтому неслучайно, что его во время правления называли Царем-миротворцем. В письмах к жене он упоминал о некомпетентности главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, плохой организации военного снабжения, воровстве и мошенничестве интендантов, бесполезной гибели тысяч русских солдат. Так, в письме от 6 сентября 1877 г. он замечает: «...До сих пор брали все прямо на штурм; от этого и была у нас эта страшная потеря, дошедшая за последнее время до ужасной цифры 16 000 человек убитыми и ранеными, а одних офицеров выбыло под Плевной до 300 человек» (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 707. Л. 70–72. Вел. кн. Александр Александрович – вел. кн. Марии Федоровне. Бивак у Дольного монастыря. 5, 6 сентября 1877 г.).

11 сентября 1877 г. Александр Александрович просит Марию Федоровну не посещать театров и других увеселительных заведений во время кровопролитной войны: «Если ты хочешь мне сделать огромное удовольствие и если тебе не слишком тяжело, не езди в театры, пока эта тяжелая кампания благополучно не кончится... Прости меня, что это пишу тебе, потому что уверен, что ты и без того этого не делала бы и что тебе и самой казалось это неприличным. Так ли это или я ошибаюсь?» (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 707. Л. 189–190. Вел. кн. Александр Александрович – вел. кн. Марии Федоровне. Село Брестовец, Болгария. 11 сентября 1877 г.). Мария Федоровна посылала на войну солдатам и офицерам одеяла, чулки, махорку, папиросы. За попечение о раненых и больных воинах она была награждена 24 апреля 1878 г. указом императора Александра II знаком отличия Красного Креста I степени.

После кровавой русско-турецкой войны предметом постоянных тревог великокняжеской четы стал терроризм. Годы с 1879 по 1881 стали временем «охоты на царя». Для Александра Александровича они стали самыми ужасными и отвратительными в жизни. В семейной переписке и дневниках упоминаются покушения на царя Александра II 2 апреля 1879 г., 5 февраля 1880 г., 1 марта 1881 г. Во время покушения 5 февраля 1880 г. террорист Степан Халтурин, устроившийся плотником, взорвал столовую Зимнего дворца, где намечался дипломатический обед. Царь Александр II чудом не пострадал, однако было убито и ранено несколько десятков солдат финляндского полка, стоящих в карауле. В своем дневнике наследник престола написал: «В карауле

стояли несчастные финляндцы, и когда успели привести все в известность, оказалось 10 человек убитых и 47 раненых... Описать нельзя и слов не найдешь выразить весь ужас этого вечера и этого гнуснейшего и неслыханного преступления. Взрыв был устроен в комнатах под караульной в подвальном этаже, где жили столяры. Что происходило в Зимнем дворце, это себе представить нельзя... В 1/2 12 вернулись с Минни домой и долго не могли заснуть, так как нагружены были все нервы и такое страшное чувство овладело всеми нами. Господи, благодарим Тебя за Твою новую милость и чудо, но дай нам средства и вразуми нас, как действовать! Что нам делать?» (ГАРФ. Ф. 677. ОП. 1. Д. 307. Дневник вел. кн. Александра Александровича 1880 г.).

В более поздний период своей жизни Александр III предстает несчастным, одиноким человеком, глубоко переживающим отчуждение своих взрослых детей. Царь трудно переживал разлуку со своей женой и часто ей писал. Так в письме от 16 апреля 1892 г., отправленного из Гатчины, он писал Марии Федоровне в Абастумани (поселок в Грузии – *прим. ред.*), где она навещала сына Георгия: «Здесь мы живем тихо, скромно, но невесело... Ники все еще в Петербурге, что он делает, не знаю, он ничего не телеграфирует, не пишет, и не спрашивал у меня какие-либо известия от тебя. Я должен сознаться, что для меня лично это приятно, так как здесь он скучает, не знает, что делать, а зная, что он остается здесь только по обязанности, и видеть скучающую фигуру для меня невесело, и с маленькими детьми гораздо лучше, и они, и я довольны, и нам отлично вместе» [16, с. 127]. Конечно, сетования на отчуждение и холодность детей характерны для всех родителей. Жалуясь на свое одиночество, Александр III отмечал: «Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать – дома невесело родителям, да что делать? Так оно в натуре человеческой. Да и Ксения теперь меня вполне игнорирует, я для нее совершенно лишний; разговоров никаких, ничего не попросит, а я так рад был бы сделать ей удовольствие хоть в чем-нибудь... я ей не нужен, со мною ей скучно, и ничего общего между нами нет; только утром поздороваемся, а вечером – спокойной ночи и все!» [16, с. 127–128]. Огорчало отца и то, что сын Георгий за зиму написал только одно письмо. Александр III обвиняет себя в том, что не внушил детям чувство любви к родителям: «Если этого чувства ко мне у нее нет, это значит я виноват: не сумел внушить ей доверия и любви ко мне» [16, с. 128]. Мария Федоровна ответила ему

в письме из Абастумани 24 апреля: «Весь день я думала о тебе с грустью и настоящей тоской. Мне тебя страшно не хватает. А мысль о том, что ты сейчас так одинок и печален в Гатчине, буквально всю меня переворачивает. Я не могу тебе этого описать... Однако должна тебе сказать, что все, что ты пишешь в отношении детей, несправедливо. Как ты только можешь допустить мысль, что ты для них ничто! И что они тебя не любят! Это почти сумасшествие, мой дорогой. Я так огорчилась из-за тебя, что даже плакала и не могла заснуть вчера вечером, так меня это взволновало» [16, с. 217].

В письмах к жене Александр III очень часто вспоминает о совместных днях счастливой жизни. Так в письме от 18 апреля 1892 г. можно прочитать следующие слова: «Наш милый Александровский дворец был так весел и светел, прелесть, и так опять напомнило мне то счастливое, хорошее, чудное время, когда мы жили в нем тихо, спокойно, не имея еще больших забот и обязанностей. Мне всякий раз делается так невыразимо грустно, и так переносишься в то давно и безвозвратно прошедшее время, но вместе с тем какое-то особенное чувство испытываешь, приятное и успокоительное» [16, с. 129–130]. Свои письма к жене он подписывал «на всю жизнь твой от души Саша», «навсегда твой верный друг Саша» или «твой верный друг Саша». Александр III был не только любящим мужем, но и внимательным отцом. Он очень переживал за болезнь Георгия. В письме к Марии Федоровне от 30 апреля 1892 г. писал: «Бедный Жоржи, много думал о нем сегодня, какой грустный для него день разлуки... Что за горе и испытание послал нам Господь, быть столько времени в разлуке с дорогим сыном и именно теперь, в его лучшие годы жизни, молодости, веселости, свободы! Как мне его недостает, выразить не могу, да и говорить об этом слишком тяжело, поэтому я и молчу, а в душе ноет постоянно, неутешно! Тяжело, слишком тяжело!» [16, с. 137].

Будучи религиозным человеком, император Александр III объяснял все произошедшие события волей Божьей. В письме от 28 апреля 1892 г. он так пишет о наступающей годовщине неудавшегося покушения на Николая II в японском городе Оцу: «С нетерпением жду твоего возвращения, так грустно, скучно и пусто без тебя, моя милая душка Минни, а теперь в особенности. Завтра знаменательный день – в Оцу год назад! Не знаешь, как благодарить достаточно Господа за

Его великое дело, чудо и милость к нам, молитвы наши, конечно, будут завтра общими с тобой» [16, с. 136].

Можно сделать вывод о том, что изучение семейной переписки Александра III и Марии Федоровны позволяет глубже понять жизнь этих людей, их личные переживания. В письмах также нашли отражение традиционные русские семейные ценности и духовные приоритеты.

Для понимания консервативного мировоззрения Александра III интересно письмо от 16 мая 1884 г., посвященное годовщине коронации в Москве. Отношения власти и народа он рассматривал в патриархальном духе: «Вчерашний день 15 мая, счастливейший день по воспоминаниям о том, что было в Москве год тому назад, и вечное благодарение Господу, благословившему этот священный день для нас и всей России, которая с таким трогательным участием и вниманием ждала и встретила это великое событие для нас и доказала всей изумленной и испорченной нравственно Европе, что Россия та же самая святая, православная Россия, каковой она была и при Царях Московских и каковой, дай Бог, ей остаться вечно!» [16, с. 95].

Большое значение Александр III придавал образованию русского народа на основе традиционных ценностей. Отрицательным результатом реформ Александра II стала беспочвенность образования. По воспоминаниям бывшего народника Л. А. Тихомирова, прощенного Александром III, молодежь 1860–1870 гг. отличалась невысоким уровнем развития, страдала огромной душевной пустотой: «Религия у всех была подорвана, монархический принцип – также, все были проникнуты идеями свободы и демократизма, бродили у нас даже идеи смутного социализма» [145, с. 207]. По мнению Л. А. Тихомирова, в разрушении и систематическом подрыве веры, монархии и вообще всех исторических основ русской цивилизации виновны гимназические и университетские преподаватели. Известный консерватор К. П. Победоносцев выступал за тесную связь Православной церкви и школы: «И вера, и нравственность воспитываются в душе цельным воздействием, школьной жизнью. Лишь бы эта школьная жизнь не была разделена на две отдельные части – религиозного и светского обучения, но составляла в гармонии одно органическое целое. Семья должна посеять и воспитать в душе чувство благоговения и веры: школа должна не только поддержать это чувство, но и осветить в душе идею, без которой это чувство смутно и неустойчиво... Итак, школе прямое место

при церкви, и в тесной связи с церковью» [104, с. 460]. Константин Петрович критиковал светскую школу, отрывающую детей от веры и традиций. Им была предложена идея создания церковно-приходских школ. Правила о церковно-приходских школах были высочайше утверждены 13 июня 1884 г. Историк А. Л. Мясников писал: «Император видел в приходской школе одну из форм сотрудничества государства и церкви. Православная церковь, по его убеждению, искони была воспитательницей и учительницей народа. Столетиями школы при церквях были первыми и единственными школами в России» [76, с. 374–375]. Перед школами ставилась задача утвердить в народе учение Православной веры и нравственности христианской. Кроме общеобразовательных предметов преподавались и следующие дисциплины: Закон Божий, церковное пение, церковнославянский язык. Российский историк А. Ю. Полунов отмечал энергию и настойчивость обер-прокурора в этом вопросе: «К 1903 году, времени максимального развития церковных школ для народа, их насчитывалось 44421 с 1909684 учащимися. Опираясь на свой вес в правительстве, К. П. Победоносцев добился наращивания бюджетных ассигнований на церковные школы, доведя их к 1903 году до огромной суммы в 10 341 916 рублей (для сравнения: в 1881 году на церковно-приходские школы было ассигновано 18 290 рублей)» [108, с. 214]. Следует заметить, что среди обучавшихся в церковно-приходских школах были такие известные люди, как Г. К. Жуков и Ф. И. Толбухин, С. Я. Лемешев, А. С. Новиков-Прибой.

Большое внимание Александр III уделял сохранению и преумножению русской культуры. Ю. В. Кудрина отмечала, что в коллекции картин Марии Федоровны и Александра III, собранной к 1894 г., насчитывалось около 900 полотен, из них – около 580 – произведения русских художников. Император ценил творчество П. И. Чайковского, поддерживал ученого Н. Н. Миклухо-Маклая. Российский писатель А. А. Замостьянов сделал вывод, что Александр III оставил после себя в архитектуре яркий художественный стиль, основанный на возрождении русских традиций: «Символом эпохи Александра III стал храм Воскресения Христова, в народе названный Спасом-на-Крови, поскольку был возведен на месте рокового покушения на императора Александра II в 1881 году... Царь выбрал проект, который напомнил ему облик собора Василия Блаженного» [33, с. 23]. В русском традиционном стиле были построены и здание Московской городской думы, и Верхние торговые ряды в Кремле.

При оценке правления императора возникает вопрос о том, какую же роль консерваторы сыграли в подготовке контрреформ Александра III?

Личность консерватора, обер-прокурора Святейшего синода Константина Петровича Победоносцева, всегда привлекала внимание различных историков и публицистов. Для одних он был спасителем самодержавия, а для других – вдохновителем правительственной реакции. В современных монографиях и университетских учебниках нет единой точки зрения на вопрос о том, как оценивать российский консерватизм второй половины XIX в. и его интеллектуального лидера К. П. Победоносцева. Был ли он на самом деле реакционером или его взгляды действительно отражали общественные настроения, сформировавшиеся после убийства Александра II?

Наиболее полно мировоззрение К. П. Победоносцева изложено в «Московском сборнике». Вопрос о власти является центральным для любого государственного деятеля: власть требует от человека, находящегося на вершине, сознательного понимания ее природы и назначения. Божественное происхождение этой силы не подвергалось К. П. Победоносцевым сомнению, ведь власть для него была прежде всего силой нравственной. Константин Петрович отмечал: «Итак, по правде основана на идее своей всякая власть, и поелику правда имеет своим источником и основанием Всевышнего Бога...» [104, с. 427]. Власть должна являться мерилom правды: отличать правду от неправды людей.

Много внимания К. П. Победоносцев уделяет рассмотрению духовных основ государственности. Он подчеркивает религиозно-нравственную основу государственной жизни: «Государство не может быть представителем одних материальных интересов общества; в таком случае оно само себя лишило бы духовной силы и отрешилось от духовного единения с народом» [104, с. 271–272].

Государственная власть признавалась К. П. Победоносцевым особого рода служением: «...власть не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек. Отсюда и безграничная, страшная сила власти и безграничная, страшная тягота ее» [104, с. 264]. Такая верховная власть – единая и неделимая, мощная, независимая от капризов толпы, связанная с народом живым повседневным опытом соборного единения – только она может обеспечить высшую цель, ради которой существует: управлять подданными в соответствии с духовными христианскими идеалами.

В «Московском сборнике» К. П. Победоносцев доказывает, что вера православная составляет прочную духовную основу державной формы традиционной русской государственности. Здоровые основы государства немислимы без его религиозно-нравственной опоры. Константин Петрович предупреждал общество о губельных последствиях «расцерковления» русского самосознания и отделения церкви от государства под лозунгом свободы совести. Человеческая природа несовершенна, и поэтому человеческое общество еще не готово к воплощению в жизнь принципа свободы совести: «Оказывается, что провозглашаемая безусловная свобода совести обращается на деле в свободу насилия и преследования и служит не к водворению мира, но к распространению злобы и ненависти между гражданами» [104, с. 177]. К. П. Победоносцев отстаивал сохранение системы государственной церкви в России: «Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинных и одну церковь исключительно поддерживает и покровительствует» [104, с. 271].

При выборе форм государственной власти, по мнению К. П. Победоносцева, необходимо учитывать историю и традиции общественного быта народов. Каждый народ имеет свои традиции общественной жизни, которые сложились в течение столетий. Например, английский народ отличается крепким развитием самостоятельной личности: «Существенное отличие этого быта состоит в отношении каждого гражданина к государству. Каждый привыкает к юности сам собою держаться, сам устраивает судьбу свою и добывает свой хлеб насущный... Местное управление держится личным, сознательным по долгу, участием местных обывателей в общественном деле» [104, с. 294]. Другие народы Европы и особенно Россия выросли на ином основании, на основании общественного быта, при котором человек не столько сам собою держится, сколько солидарностью с общественным союзом, к которому принадлежит.

К. П. Победоносцев придавал большое значение историческим формам власти: «Старые учреждения, старые предания, старые обычаи – великое дело... Старое учреждение тем драгоценно, потому незаменимо, что оно не придумано, а создано жизнью, вышло... из истории и освящено в народном мнении тем авторитетом, который дает история» [104, с. 382]. Единственно возможным политическим строем для России он считал историческую власть – неограниченную монархию: «Единодержавие, возросшее у нас вместе с церковью и в неразрывном

единстве с нею, оно вместе с церковью укрепило, собрало и спасло государственную целостность русской земли и создало государство Российское... Под знаменем единой державы и самодержавия мы выросли, под ним мы стоим, под ним составляем единое тело и сохраняем в нем единую волю и в нем видим на грядущие времена залог правды, порядка и блага земли нашей» [103, с. 130]. Особенностью самодержавия является духовное единение народа с царским Домом.

К. П. Победоносцев называл национализм злом XX в. и выделял следующую тенденцию национальной жизни: стремление каждого племени, принадлежащего к составу разноплеменного государства, к государственной независимости. В такой многонациональной стране, как Россия, по его мнению, только неограниченная монархия могла устранить эти националистические порывы: «Самодержавная власть Государя не только необходима России, она есть залог не только внутреннего спокойствия, но она есть существенное условие национального единства и политического могущества нашего государства... Как только наше правительство делается правительством партий, каким оно является во всей Западной Европе (даже в славянских государствах, к их несчастью), оно стало бы основой и началом угнетения, раздора и гибели, элементом, разлагающим все принципы... Все эгоистические интересы частных лиц, сословий, классов, народов... воспрянули бы с их раскольническими домогательствами... Вспыхнула бы междоусобица и привела бы мало-помалу к всеобщему разложению и распаду государства на его составные части» [104, с. 316].

Предметом пристального внимания К. П. Победоносцева была демократия. Обер-прокурор Святейшего синода отмечал, что в природе нет равенства – она разнообразна, иерархична. Он критиковал политическую основу западной демократии – всеобщее избирательное право. При демократическом образе правления народ служит объектом бесчисленных манипуляций: «Организация партий и подкуп – вот два могучих средства, которые употребляются с таким успехом для орудования массами избирателей, имеющими голос в политической жизни» [104, с. 279].

К. П. Победоносцев называет начало народовластия одним из самых лживых политических начал. По его мнению, власть не может исходить от народа, так как народ несовершенен и легко впадает в заблуждение. Он обращает внимание также на проблему профес-

сиональной подготовки человека к депутатской деятельности. Люди, действующие на ниве государственного управления, должны были быть к нему подготовлены. Воплощение в жизнь демократической идеи означает преимущественную власть количества над качеством, власть невежественной, искусно управляемой из-за кулис толпы.

Обер-прокурор рассматривал вероятным вариантом установление в России парламентского строя при Николае II, зная политические устремления его министров, особенно С. Ю. Витте. В частности, он писал о том, что при этом произойдет: «Начало монархическое пропадает; торжествует либеральная демократия, водворяется беспорядок и насилие в обществе, ...провозглашая свободу, равенство и братство – там, где нет уже места ни свободе, ни равенству. Такое состояние ведет неотразимо к анархии, от которой общество спасается лишь диктатурой, т. е. восстановлением единой воли и единой власти в правлении» [104, с. 51]. Это пророчество, к несчастью, сбылось. Заставив Николая II отречься от престола, либералы не смогли управлять государством, что привело к бессилию власти, фактически – к анархии. Этим положением воспользовались большевики, установив свою диктатуру. Получилось так, как предсказывал К. П. Победоносцев: «Мы бежали от единовластного насилия – и вот пришли к горшему насилию безграничной власти случайного большинства и своекорыстных партий» [104, с. 283].

Либеральный американский историк Р. Пайпс называл его консерватором-бюрократом, реакционером. Под его сильным давлением новый царь Александр III «...29 апреля 1881 года выпустил подготовленный Победоносцевым манифест, в котором объявил о своем решении сохранить полновластное самодержавие... Победоносцев не только сформировал у Александра III абсолютно реакционные принципы, выражавшиеся обычно в категориальных, но часто несистематических суждениях, но и давал ему советы по каждому возможному поводу» [95, с. 183]. Реакционная политика К. П. Победоносцева, по мнению ученого, зиждилась на уверенности в том, что Россия в силу огромных размеров территории, невежества народа, экономической отсталости не готова к либеральным реформам и конституции. Основные политические идеи К. П. Победоносцева, изложенные в «Московском сборнике», состояли в утверждении нераздельности действий государства и церкви и несостоятельности западных политических инсти-

тутов – парламентаризма, свободной прессы и демократии, которую обер-прокурор назвал «великой ложью нашего времени». Р. Пайпс сделал вывод, что К. П. Победоносцев, стремившийся «подморозить Россию», в конечном счете своей неконструктивной политикой привел страну к Первой русской революции 1905–1907 гг. С оценкой Р. Пайпса был согласен автор книги о консерватизме Э. А. Попов: «Термин “бюрократический консерватизм” был введен в научный оборот американским русистом Ричардом Пайпсом для определения отдельного направления охранительного лагеря в России. По мнению Пайпса, ведущими идеологами данного направления являлись М. Н. Катков и К. П. Победоносцев... Ключевые постулаты идеологии государственного консерватизма заключались в неприятии общественной инициативы. Единственной творческой силой признавалось государство» [109, с. 85].

Российский историк и архивист А. В. Репников очень подробно разбирает общественно-политические взгляды К. П. Победоносцева. Для его консерватизма были характерны следующие идеи: обоснование неограниченной верховной власти, понимание самодержавной власти как огромной личной ответственности монарха перед Богом, восхваление склонности к смирению и покорности как лучших качеств русского народа, отстаивание нерушимой связи между государством и Русской православной церковью с целью обуздания «темных» сторон человеческой природы, стремление установления опеки над обществом. А. В. Репников соглашается с теми исследователями взглядов К. П. Победоносцева, которые утверждали, что его мировоззрение устарело к началу XX в.: «Между тем, происходившие в России модернизационные изменения значительно опережали теоретиков консервативной мысли, которые пытались на старом фундаменте выстроить новое здание консервативной философии» [115, с. 128].

Историк В. В. Фортунатов подверг критике политику контрреформ Александра III. Большой вред, по его мнению, был нанесен судебной реформе Александра II, так как была ограничена несменяемость судей, публичность судебных заседаний, сократился круг лиц, допускаемых в ряды присяжных заседателей. Более взвешенную оценку политики контрреформ Александра III дают советские историки А. Н. Боханов, А. Н. Сахаров. Они отмечали, что при Александре III произошла необходимая корректировка некоторых сторон судопроизводства в делах, касающихся тяжких политических преступлений. Авторы учеб-

ника оправдывали ограничение гласности во время судебных заседаний тем, что детям и подросткам, нередко посещающим эти заседания, было вредно слушать разбирательство дел о богохульстве, оскорблении женской чести, прелюбодеяния. Кроме того, публичность судебных заседаний часто использовалась террористами для пропаганды своих взглядов.

Историк А. Ю. Полунов рассмотрел в монографии процесс формирования консервативных воззрений К. П. Победоносцева, его роль в повороте верхов к охранительному курсу после гибели Александра II. Он писал: «К. П. Победоносцев (1827–1907) сыграл в истории России исключительно важную роль. Воспитатель, а затем доверенный советник двух последних императоров, известный ученый, правовед, один из авторов судебной реформы 1864 г., публицист консервативного направления, член Государственного Совета и Комитета министров и, наконец, обер-прокурор Святейшего синода в течение 25 лет – Победоносцев оказал влияние едва ли не на все аспекты жизни пореформенной России... Анализ взглядов и деятельности Победоносцева представляет интерес... для понимания природы российского пореформенного консерватизма, взаимоотношений власти и общества, специфики функционирования государственных институтов в предреволюционный период» [108, с. 3–4].

В 1881 г. Константин Петрович добился срыва дальнейшей реализации либеральных реформ, начатых в 1860-х гг. Как же началось его восхождение во власть? Как и почему ему удалось добиться доверия, уважения со стороны сначала наследника, а затем императора Александра III? С будущим императором Александром III К. П. Победоносцев познакомился в 1861 г. Ему было поручено читать наследнику Николаю Александровичу и его братьям лекции по юридическим дисциплинам. После смерти Николая в 1865 г. наследником был провозглашен Александр. К. П. Победоносцев сумел расположить его к себе своими занятиями. В 1867 г. он писал, что Александр – честный, ясный человек с русским сердцем. Историк Ю. В. Готье считал, что наставника и наследника сблизило повышенное религиозное чувство. Кроме того, в 1870-х гг. они оба симпатизировали славянофильским идеям освобождения южных славян от гнета Османской империи. Как ни странно, объединяло наследника и наставника отношение к личности и правлению Александра II: «В 1864 г. началась связь Александр-

ра II с княжной Е. М. Долгоруковой... Семья и прямой по натуре цесаревич встали безусловно на сторону матери, враждебное чувство к отцу усилилось... Победоносцев не любил Александра II за государственную дряблость, за национальную политику, за недостаток благочестия и за семейную безнравственность» [105, с. 465]. В правлении Александра II Победоносцев видел лишь отсутствие разума, силы и воли: «О самом владыке и говорить нечего. Он жалкий и несчастный человек... ясно, что воля в нем исчезла... в руках его рассыпалась власть, врученная ему Богом...» [105, с. 466]. А. Ю. Полунов отмечал, что Александра III с К. П. Победоносцевым объединял интерес к идеям национальной самобытности и оппозиционное отношение к политике правительства, состоявшего из либералов. К. П. Победоносцев формировал его круг чтения, в который входили консервативные авторы – Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, К. Н. Леонтьев, М. Н. Катков, П. И. Мельников-Печерский. Переписка наследника с К. П. Победоносцевым свидетельствует об их близких, дружеских отношениях. Александр Александрович называл наставника любезным, добрейшим. Он приглашал К. П. Победоносцева на любительские семейные спектакли, обсуждал с ним прочитанные книги.

События 1 марта 1881 г., повлекшие за собой изменения в течение государственной политики России, вознесли К. П. Победоносцева на вершину власти. Он стал духовным наставником российского самодержца, идеологом и вдохновителем консервативной политики. Если прочитать его письма императору, можно сделать вывод, что он хотел укрепить волю нового правителя. Излюбленными его словами были: решительность, твердая рука, крепкая власть. Так, в письме от 3 марта 1881 г. Константин Петрович пишет: «Народ верит в эту волю Божию, – и по Его велению возносит надежду свою на Вас и на крепкую власть, Богом врученную Вам... Да ободрит Вас молитва народная, а вера народная да даст вам силу и разум править крепкой рукою и твердой волей... не упускайте ни одного случая заявлять свою решительную волю, прямо от Вас исходящую, чтобы все слышали и знали: “Я так хочу” или “Я не хочу этого и не допущу”» [4, с. 131–132].

Незадолго до совещания 8 марта 1881 г., на котором должна была рассматриваться судьба дальнейшего продолжения либеральных реформ Александра II, К. П. Победоносцев направляет следующее письмо императору: «Я решаюсь опять писать, потому что час страшный и вре-

мя не терпит. Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что... надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте... Это будет гибель, гибель России и Ваша: это ясно для меня, как день... Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он “фокусник” и может еще играть в двойную игру. Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведет Вас и Россию к гибели» [4, с. 132–133]. Обер-прокурор советовал Александру III удалить графа Лорис-Меликова и назначить на важный государственный пост дипломата графа Н. П. Игнатьева, верного подданного, имевшего здоровые инстинкты и русскую душу. К. П. Победоносцев также призывал императора править с обдуманностью, осмотрительностью. По его мнению, было необходимо очень ясно заявить о своей консервативной политике и тем самым пресечь на корню разговоры о конституции и представительном правлении: «Новую политику надобно явить немедленно и решительно. Необходимо покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходов, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надо отбросить ради блага народного...» [153, с. 195].

В эти мартовские дни 1881 г. шла активная борьба либералов и консерваторов. Либералы активно использовали средства массовой информации – издания «Дело», «Голос», «Страна». В них говорилось о необходимости введения представительного управления, призывались к содействию общественные силы для решения государственных вопросов и преодоления крамолы.

На заседании Совета министров 8 марта 1881 г. Константин Петрович обрушился с критикой на последствия реформ Александра II. Россия после них оказалась расшатанной, смятенной, сбитой с толку. Он утверждал, что Россия сильна самодержавием, связью царя с народом. Все, что подрывает самодержавие, опасно для страны. С этой точки зрения он подверг самой ожесточенной критике реформы 1860-х гг., особенно земскую и судебную. По его словам, они нарушили естественный самобытный ход русской истории, внесли разброд и беспорядок в народную жизнь [153]. К. П. Победоносцев назвал земства говорильнями, земских служащих – «профанами», рассуждающими о конституции, свободную печать – «клоакой нечистот». Генерал Н. А. Епанчин так охарактеризовал последствия его выступлений: «Все проекты

предполагавшихся преобразований были сданы в архив. Лорис-Меликов и Милютин покинули свои посты, уволен был и генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, а Победоносцеву пришлось написать манифест, не оставлявший в современниках никакого сомнения, что не будет допущено никакого общественного участия в делах государственного управления» [4, с. 191]. К. П. Победоносцева поддержали другие консерваторы – граф С. Г. Строганов, утверждавший, что при реализации проекта М. Т. Лорис-Меликова «...власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общества, а только о своей личной выгоде». Охарактеризовав таким образом представителей от земств и городов, граф предостерегал царя: «Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для Вас, ни для России». «Я тоже опасаюсь, что это – первый шаг к конституции», – поддержал царь Строганова [4, с. 195]. Графа Строганова также поддержали министр почт и телеграфа Л. С. Маков и министр путей сообщения К. Н. Посьет.

На совещании 8 марта 1881 г. большинство членов Совета министров поддержало проект М. Т. Лорис-Меликова. Кроме наиболее активно отстаивавших проект М. Т. Лорис-Меликова, Д. А. Милютин, А. А. Абазы и П. А. Валуева, его поддержали Д. М. Сольский, А. А. Сабуров, Д. Н. Набоков, великие князья Константин Николаевич и Владимир Александрович, т. е. абсолютное большинство. Против проекта высказались четверо членов Совета министров. Однако в условиях самодержавной монархии важно было то, что против проекта выступал сам новый император.

Следует отметить, что Александр III испытывал глубокое недоверие к соратникам своего отца, в частности, к либералу Лорис-Меликову. Александр III глубоко впитал идеи консерватизма своего учителя. В письме К. П. Победоносцеву от 21 апреля 1881 г. он написал: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис-Меликов, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет: я не допущу. Вряд ли, впрочем, я когда-нибудь убежусь в пользу подобной меры, слишком я уверен в ее вреде. Странно слушать умных людей, которые могут серьезно

говорить о представительном начале в России точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма» [106, с. 40].

Еще одним воспитанником К. П. Победоносцева был брат императора – великий князь Сергей Александрович, будущий генерал-губернатор Москвы. Великий князь Сергей Александрович был глубоко верующим человеком, часто совершал паломничества в Святую землю. Поэтому не случайно, работая в тесном сотрудничестве с обер-прокурором К. П. Победоносцевым, он стал 21 мая 1882 г. руководителем Православного Палестинского общества, созданного с целью содействия при посещении православными людьми Святых мест. Большой вклад внес Сергей Александрович в создание Российского исторического музея, постоянно советовался по вопросу создания коллекций с известным собирателем русских древностей графом А. С. Уваровым. Он был первым руководителем музея, открытого в дни коронации Александра III 27 мая 1883 г.

Великий князь Сергей Александрович по своим политическим взглядам был убежденным монархистом и консерватором. Он поддерживал своего брата Александра III, взявшего курс на борьбу с тем, что расшатывало государственные устои. Он приветствовал издание Манифеста от 29 апреля 1881 г. о незыблемости самодержавия. В письме к К. П. Победоносцеву от 25 июля 1881 г. он писал: «Многоуважаемый Константин Петрович! Только сегодня, в эту минуту получил я Ваше письмо и брошюру – искренне благодарю Вас. Душою и мысленно я постоянно на Родине и слежу с лихорадочным интересом за всем, что у нас происходит. Скажу Вам откровенно, что порадовался последним переменам в высших кругах, и часто приходится вспоминать мне наши разговоры с Вами. Да поможет Господь Государю и да вразумит Он окружающих Его – дело трудное, и работать нужно дружно и энергично. Хотелось бы Вас видеть и о многом, многом переговорить с Вами. Я думаю, нелегко было привести в исполнение перемены министров, в особенности гр. Лориса; не забуду я последний разговор с Вами о нем. Как хорош был манифест Государя от 29 апреля – именно, что следовало» (ОР РГБ. Ф. 230, к. 4386, ед. хр. 13).

Большой интерес для понимания причин отставки либеральных министров из состава правительства представляет письмо императора Александра III брату Сергею Александровичу от 11 июня 1881 г. В нем

он описывает и свою повседневную жизнь, и все свои проблемы, тревоги: «Милый брат Сергей, наконец собрался я написать тебе и от души поблагодарить за Твои письма из Италии и Афин... Здесь, несмотря на чудную погоду..., не отрадно! Все для меня изменилось, и все старое милое прошлое пропало на веки вечные. Но не думай, что я унываю, нет, напротив, и более чем когда-либо надеюсь, что Господь не оставит дорогую Россию и меня в нынешние трудные и тяжелые времена. Назначив почти везде новых людей, мы дружно принялись за тяжелую работу и, слава Богу, с трудом и понемногу идем вперед, и дело идет гораздо успешнее, чем при прежних министрах, которые своим поведением заставили меня уволить их от занимаемых должностей. Они хотели забрать меня в свои лапы и закабалить, но это им не удалось, и как я счастлив, что отделался от них, а в особенности от гр. Лориса, который заварил такую кашу своим популярничаньем с журналистикой и игрой в либерализм, что еще немного – и были бы накануне полнейшей революции.

Не могу скрыть, что и теперь еще далеко мы не в нормальном состоянии и много еще будет разочарований и тревог, но на все надо быть готовым и идти прямо и смело к цели, не уклоняться в сторону, а главное – не отчаиваться и надеяться на Бога!» [153, с. 248].

Для Александра III был характерен глубокий скептицизм по отношению к представительным учреждениям, который все более усиливался по мере знакомства с ними в ходе посещения Франции и Дании: «...пока я жив и Богу угодно будет, чтобы я оставался на моем тяжелом посту, на который Он сам меня поставил, не допущу я этой лжи на святой Руси, в этом будьте уверены; слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует во всей Европе» [106, с. 308].

Какие же предложения К. П. Победоносцева пользовались поддержкой Александра III? Вне всякого сомнения, для консерваторов было важно взять под свой полный контроль системы образования и судопроизводства. Министр народного просвещения И. Д. Делянов при подготовке нового университетского устава в 1884 г. обсуждал его положения с К. П. Победоносцевым. Министр предлагал отменить университетскую автономию, т. е. выборность ректоров и деканов. Кроме того, в рамках мер против беспорядков в университетах, предлага-

лось отдавать зачинщиков беспорядков в дисциплинарные роты или удалять из вузов на срок от года до трех лет под надзор полиции.

К. П. Победоносцев был согласен с мнением консерватора М. Н. Каткова в отношении недостатков судебной реформы. Его не устраивал принцип независимости суда: «Необходимо ввести судебные учреждения в общий строй государственных учреждений, от коего ныне представляются они как бы отрезанными, в виде самостоятельной и независимой власти. В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной» [107, с. 65]. К. П. Победоносцев критиковал принцип несменяемости судей, считая, что он привел к равнодушию, лени, формализму судебных работников. Другим фактором раздражения обер-прокурора являлась публичность или гласность судебных заседаний. Он полагал, что она не дает беспристрастности в решении суда. Кроме того, публичные заседания по уголовным делам часто превращались в возмутительный спектакль, недостойный правосудия. Плохо, когда дела об убийствах и других тяжких преступлениях слушают женщины, молодые девушки и дети.

Критиковал К. П. Победоносцев и деятельность адвокатов, берущих деньги с клиентов безо всякого милосердия. Он полагал, что и суд присяжных не оправдал себя в условиях российской действительности. В присяжные заседатели набирались, как правило, случайные, зависимые от адвокатов, подкупов, настроений публики люди. Поэтому деятельность суда присяжных привела «...к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия» [107, с. 68]. Последним объектом критики К. П. Победоносцева в судебной сфере стал мировой суд. Он критиковал его зависимость от избирателей и местных интересов и считал необходимым его полную реорганизацию. Таким образом, можно сделать вывод, что К. П. Победоносцев оказал большое влияние на формирование консервативного мировоззрения Александра III, пересмотр либеральных реформ предшествующего царствования. Однако следует заметить, что это влияние не было всеобъемлющим, так как император принимал только те предложения, которые, с его точки зрения, шли на пользу России.

Известным консервативным теоретиком в период правления Александра III был М. Н. Катков (1818–1887). Он был издателем газеты

«Московские ведомости». Интересная информация о его издательской деятельности содержится в книге доктора исторических наук А. Э. Котова. Он отмечал: «М. Н. Катков являлся, безусловно, одной из центральных фигур в консервативно-монархической журналистике того времени. Редактор “Московских ведомостей” и “Русского вестника” вошел в историю как самый влиятельный русский публицист XIX столетия. Во второй половине 1860-х годов он стал одним из вождей “русской партии”, позже – ведущим идеологом политики контрреформ» [49, с. 11].

Являясь сторонником сильной государственной власти, М. Н. Катков утверждал, что «власть есть тяжкое бремя, она возлагается на избранных как служба... Ее ослабление неизбежно порождает смуту. По мере того как ослабляется действие законной власти, нарождаются дикие власти, начинается разложение, колеблются основы всякой нравственности...» [40, с. 365]. Он выступал убежденным противником западного либерального парламентаризма и конституционализма: «Весь смысл русской истории и вся государственная мудрость в том состоят, чтобы Верховная власть нашего народа была неразрывно связана с ним, чтобы управление им было живым и ясным выражением этого единства... Никакие формулы, выработанные жизнью других стран, не могут быть приложимы к отношениям Верховной власти к народу России...» [40, с. 370].

М. Н. Катков был уверен, что русский народ силен своим патриотическим духом, своей единодушной преданностью монархии, и ему не нужно ни конституции, ни народного представительства: «Между конституцией и представительством не более разницы, чем между ломкой и крушением. Это шаг более или менее широкий на пути ослабления власти» [40, с. 378]. Верховная монархическая власть представлялась М. Н. Каткову возвышенным, священным началом, а парламентаризм, с его партийными интригами и продажностью депутатов, – большим злом: «Что такое представительство, которое нам с разных сторон рекомендуют? В каких бы размерах, силе и форме ни замышлять его, оно всегда окажется искусственным и поддельным произведением и всегда будет закрывать собой, нежели открывать народ с его нуждами. Оно будет выражением не народа, а чуждых ему партий и неизбежно станет орудием их игры... Боже, избави нас от партий и очисти от их игры наши правительственные сферы!» [40, с. 389].

М. Н. Катков в своих публикациях разделял народ и либеральную интеллигенцию. Народ в своих основах верен традиционным ценностям, в том числе и самодержавию: «То, как в стране восприняли гибель Государя, еще раз показало, насколько далеки друг от друга устремления простого народа и интеллигенции. В то самое время, когда тысячи крестьян шли пешком в Петербург, чтобы помолиться у часовни на месте убиения царя-освободителя, в образованном обществе на все лады перетолковывалась мысль о необходимости политических реформ» [40, с. 31]. Михаил Никифорович был крайне недоволен деятельностью суда присяжных. После оправдания судом присяжных В. И. Засулич, покушавшейся на убийство градоначальника Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 г., он написал: «...есть какая-то вносимая в наш организм немощь, есть какое-то постороннее зло, которое ко всему примешивается, парализуя силы России» [40, с. 28]. М. Н. Катков ужасался солидарности между либералами и революционерами. М. А. Бакунина, призывающего к уничтожению всякой государственности, он называл помешанным.

Идеологи охранительного консерватизма (Н. Я. Данилевский, М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев) были способны только на последовательный анализ и обличительную критику либеральных реформ, скептический прогноз их влияния на сложившуюся структуру общества. По большому счету, дальше желания закрепить основы существующего политического строя стремления консерваторов-охранителей не поднимались. Слабостью охранительного консерватизма можно считать отсутствие инноваций в консервативной идеологии и конкретной программы дальнейшего продвижения России по пути реформ в эпоху модернизации, которая бы разумно совмещала традиции и новации. Консерватизм, ушедший в оборону, был заведомо обречен на поражение.

История России конца XIX в. дает богатый материал для осмысления различных типов консерватизма – от либерального до реакционного. При анализе этих типов русский консерватизм предстает не таким одномерным и однозначно негативным явлением. При всем различии концепций разных типов консерватизма можно выделить ряд общих признаков, присущих этой системе мировоззренческих ценностей:

1. Традиционный самобытный путь развития России, отличный от западного в политическом, духовном, социально-экономическом аспектах.

2. Сильная государственность и сохранение самодержавия в России. Следует отметить, что если консерваторы-охранители отстаивали незыблемость самодержавной власти и признавали возможность проведения реформ в рамках существующей системы только с целью укрепления монархической власти, то либеральные консерваторы выступали за постепенный переход к конституционной монархии.

3. Религиозно-православная константа.

4. Сохранение одного из стержневых основ консерватизма – принципа общественной иерархии. Консерваторы вкладывали в идею социального неравенства религиозный смысл. Они считали иерархическую систему регулятором требований, предъявляемых государством к каждому члену общества в зависимости от его социального статуса. Чем выше положение человека, тем выше и его ответственность.

5. Требование учета российской специфики при развитии капитализма.

Известным представителем охранительного консерватизма был князь В. П. Мещерский (1839–1914). Судьба и взгляды этого журналиста крайне правых взглядов представляют большой интерес в контексте изучения феномена российского консерватизма в период модернизации в России. Во второй половине XIX в. капитализм пришел в Россию со своими плюсами и минусами. За 40 лет, с 1860 г., население России удвоилось. Этому периоду были присущи быстрые темпы роста промышленности и железных дорог. Появилось многочисленное поколение молодежи, не знающей крепостного права, жестоких ограничений. Однако власть мало занималась воспитанием и образованием народа. Для молодежи было характерно стремление к получению все больших материальных благ. В то же время в ее среде большое распространение получили революционные идеи, нигилизм и атеизм, пьянство, распущенность, хулиганство. Во второй половине XIX в. резко усилилось влияние средств массовой информации.

Князь В. П. Мещерский был внуком известного историка Н. М. Карамзина. Он окончил училище правоведения, был знаком со многими представителями аристократии, видными чиновниками. В своих воспоминаниях он рассказывает о первых встречах в 1863 г. с К. П. Победоносцевым и наследником престола великим князем Александром Александровичем: «...он был добр, мягок сердцем и весьма деликатен, и над всем этим главною чертою его души царила высокая и чис-

тая честность...» [60, с. 133]. Дружба с наследником, а затем и императором Александром III, продлилась с 1863 по 1894 гг. Традиционно время правления Александра III рассматривается как период проведения жесткой консервативной политики, подавления революционного движения, а также стабильности и порядка. Письма В. П. Мещерского позволяют по-иному взглянуть на эту эпоху. В издательстве «Новое литературное мировоззрение» с 2011 г. вышли три книги переписки князя с наследником, а потом и императором [61, с. 729; 62, с. 698; 63, с. 624]. Недавно изданные письма (с 1881 по 1894 гг.) консерватора В. П. Мещерского императору Александру III дают подробную информацию о России пореформенной эпохи [64, с. 808]. В 2019 г. вышла статья М. Н. Начапкина «Охранитель в эпоху модернизации: князь В. П. Мещерский о последствиях для России либеральных реформ Александра II» [80, с. 245–257].

В. П. Мещерский был журналистом, т. е. хорошо информированным человеком о проблемах и бедах России. Его мировоззрение можно охарактеризовать как охранительно-консервативное. Для подобного мировоззрения были характерны следующие основы: 1) призыв к сохранению сильной, самодержавной, неограниченной власти; 2) неприятие и критика либеральных реформ Александра II (особенно судебной и земской); 3) отстаивание самобытного государственного развития, крайне враждебное отношение к революции и революционерам; 4) резкое неприятие капитализма с его материальным расслоением, обнищанием вкладчиков в результате финансовых афер, разорением дворянства, господством финансовой олигархии, зависимой от внешних центров управления; 5) необходимость сохранения жесткой социальной иерархии; 6) укрепление влияния Православной церкви в обществе, особенно в контексте образования и воспитания юношества; 7) неверие в добрую природу человека.

Большое значение в публицистике занимает анализ последствий либеральных реформ Александра II. Читая письма В. П. Мещерского к царю Александру III трудно избавиться от чувства безысходности, приближающегося краха России: «Семья не уважает школу, школа не уважает семьи, чиновник не уважает Церковь, дворянство плюет на дворянство» [64, с. 72]. Семинарии воспитывают нигилистов. Банки и железные дороги служат обогащению лишь кучке акционеров. Либеральные банкиры «...всеми правдами и неправдами хотят тормозить...

дело кредита для помещиков. Им ненавистна идея поднятия дворянства, ибо они чувствуют, что с поднятием дворянства сильнее станет самодержавие и дальше уйдет замысел конституции» [64, с. 45]. И хотя В. П. Мещерский замечает, что стоит царю захотеть, с либерализмом будет покончено, в это верится с трудом. В письме от 2 декабря 1884 г. он сделал вывод о том, что либеральные реформы Александра II запустили процесс разрушения России. Петербургское чиновничество, финансовые круги, земства, интеллигенция привержены к либеральным реформам. По мнению князя, они враждебны к самодержавной власти и дворянству. Он отмечает прямую связь между распространением революционной и либеральной крамолы, пользующейся поддержкой петербургского чиновничества, финансовых кругов и ослаблением верховной власти. Появление нигилизма также связано с эпохой Александра II: «...эпоха после николаевской стала мягкой почвой... Делай что хочешь, иди куда хочешь, пиши что вздумаешь, стремись, куда манит: вот были лозунги новой эпохи» [64, с. 33]. Нигилизм или по-другому беспочвенность представляет собой полное отрицание государственных, народных и духовных основ: «Нигилист – это человек безыдейный, безнадзорный, живущий во имя безверия...» [64, с. 261]. По мнению В. П. Мещерского, царь не должен идти на уступки толпе, или так называемому общественному мнению: «Когда монарх силен и не признает толпу, толпа его боится и безмолвствует пред ним; как только монарх малейшим образом проявляет, что считает толпу за силу, толпа из ребенка, из раба, делается зверем и лезет разрушать трон» [65, с. 114].

В своих письмах князь В. П. Мещерский неоднократно обращался к Александру III с просьбой финансировать его издание. Он так оценивал положение консервативной печати в России: «...с грустью приходится сознаться, печать беспорядка всесильна и богата, а печать порядка бессильна и убога» [64, с. 16]. Он отмечал, что либеральная печать пользуется поддержкой либерального чиновничества и банкиров, нигилистическая – молодежи, а консервативная печать подвергается предупреждениям со стороны чиновников: «...с 1874-го по 1903 год русский консервативный журнал подвергся 24 строгим цензурным наказаниям» [64, с. 18]. За статью «Славянская летопись», опубликованную в 1876 году, выход «Гражданина» был приостановлен на три месяца. Цель данного издания, на которое он просил ежегодно 36 ты-

сяч рублей – «...незаметно и постепенно вырвать читателей у других читателей с сомнительным направлением и служить орудием пропаганды порядка и порядочности против пропаганды и печати беспорядка» [64, с. 15]. В общем, им была поставлена правильная задача – овладеть сознанием интеллигенции, мещанства и чиновничества.

Другим объектом его критики стали чиновники Финансового ведомства, а также Министерства путей сообщения. Вообще, он сравнивал либеральное чиновничество Петербурга с помойной ямой. Министерство финансов своей налоговой и кредитной политикой разоряло как дворянство, так и крестьянство: «Трудное, страшно трудное время переживается всеми теперь... процесс разрушения государственных основ совершается снизу, и если не будет остановлен, готовит ужасы для будущего... Народ начинает кое-где хотеть всю землю, и этот же народ везде теперь голодает или, вернее, бедствует... Таким образом, то, что составляет самое худшее из усложнений для государства, и случается с Россией: экономически безысходное положение соединяется с началом социализма в народе, разумея под социализмом требование себе всей земли...» [64, с. 110–111]. Таким образом, он правильно понимал, что социализм будет в XX в. опасным противником самодержавия, так как за ним стоят миллионы крестьян. В статье еженедельной газеты-журнала «Гражданин», «Причины нашего кризиса. Заблуждения и надежды заложенного поместного дворянства» (№ 3 за 1886 г.) В. П. Мещерский выделил следующие проблемы экономической жизни: неэффективное управление, застой в промышленности и торговле, общее безденежье, проблема с выплатой податей, уменьшение доходов помещиков, сокращение потребления. Чиновники были виноваты в нецелевом использовании средств, недостаточном внедрении перерабатывающих предприятий, неисполнении царских указов: «Эта растлевающая демократизация в чиновничьей среде привела к тому, что даже Высочайшие повеления не приводятся безусловно в исполнение чиновниками, которые дошли до того, что назначают из своей среды комиссии, в которых обсуждают в течение целых десятков лет выгоду или невыгоду безусловного выполнения Высочайшей воли» [65, с. 3].

В письмах к царю он постоянно обращается к проблеме сохранения сословного и материального положения дворянства. Для него было очевидно, что самодержавие не могло существовать без поземельного дво-

рянства. Реформа 1861 г. резко ухудшила материальное и правовое положение дворянства: «...вся тяжесть реформы вынесена была на плечах поместного дворянства» [65, с. 3]. В течение XIX в. постоянно росло долговое бремя дворян. Все больше помещичьих хозяйств разорялось. Из этой кризисной ситуации возможно было только два выхода: либо рассрочка долгов помещиков на 30–40 лет под 2,5 %, либо полное банкротство помещичьего хозяйства и превращение дворян в полупролетариев. Резкой критике В. П. Мещерский подвергает деятельность министерства финансов за его денежно-кредитную политику: отсутствие долгосрочного дешевого кредита, большие суммы платежа процентов (8–9 % платили дворяне за выданные ссуды в Дворянском банке). Купцы и финансовые спекулянты начали активно скупать имения обедневших дворян.

Другими унижениями, умаляющими права дворянства, В. П. Мещерский считал потерю права для дворянства иметь суд равной сословности (благородного судит благородный), а также новый Устав о воинской повинности 1874 г., введший всеобщую воинскую обязанность: «Устав о воинской повинности вводит ненужное унижение обязательного служения дворянских детей, тогда как испокон века дворянские дети без всякого принуждения пополняли состав офицеров русской армии» [65, с. 3].

Очень отрицательно Владимир Петрович оценивал политику министерства финансов, нацеленную на искусственное ограничение, сжатие денежной массы путем уменьшения выпуска бумажных кредитных билетов: «Еще курьезное явление. Все банки в Петербурге и Москве переполнены деньгами. А внутри России – чтобы разменять сторублевую бумажку, надо платить один рубль за промен, и то не найдешь. Совсем денег кредитных нет. А Бунге продолжает уверять, что нельзя делать кредитные билеты» [64, с. 214]. В другом письме царю от 25 ноября 1885 г. он приводит свой разговор с богатым чайным торговцем А. С. Кузнецовым. Купец жаловался на нехватку бумажной наличности в обращении. Из-за этого купцы вынуждены прибегать к помощи векселей и менял. В результате этого посредники получали баснословные прибыли. В. П. Мещерский отмечал, что российские финансы находятся в «...руках опасных для государя и государства людей» [64, с. 234]. Касаясь финансовых афер банкиров, разоряющих простых граждан, Владимир Петрович упрекал правительство, которое ничего не сделало для ревизии таких банков и предотвращения плутовских операций банкиров. Кроме то-

го, правительство отказывалось помогать тысячам жертв этих афер, что приводило к дискредитации государственной власти в целом: «И вот свершился крах! По всей России раздается крик изумления и стон отчаяния. ...Все взоры устремляются на правительство с мыслью и вопросом: неужели оно не поможет? Нет, Министерство финансов отворачивается от ужасного зрелища и умывает себе всенародно руки. Погибайте, это не мое дело!» [64, с. 212]. Аферы в финансовой сфере стали для него ярким и явным свидетельством отрицательных последствий модернизации России, торжества разлагающей духовное единство общества атомистической либеральной идеологии.

Другой острой проблемой для помещиков были крестьянские грабежи, потравы, порубки. Поэтому актуальной была задача наведения элементарного правового порядка: «Я бы собрал Совет министров для обсуждения следующих вопросов: а) как немедленно положить конец своеволию, грабежам, поджогам, порубкам, нарушениям рабочих договоров в отношении помещиков, словом, как сделать, чтобы ввести порядок и страх власти в крестьянском населении...» [64, с. 111].

Князем В. П. Мещерским были предложены следующие меры для исправления ситуации:

- 1) восстановление долгосрочного и дешевого кредита для помещиков-землевладельцев;
- 2) установление специальных, понижающих железнодорожных тарифов для перевозки зерна;
- 3) поощрение тех дворян, которые живут в своих имениях;
- 4) отказ от продажи дворянских имений в недворянские руки;
- 5) активизация роли Православной церкви для противодействия социалистической и атеистической пропаганде;
- 6) дальнейшее укрепление заветов веротерпимости при сохранении первенствующей роли Русской Православной церкви;
- 7) улучшение имущественного положения сельского православного духовенства;
- 8) неприкосновенность общинного крестьянского строя при отмене круговой поруки;
- 9) укрепление православных начал в семье школьной и общественной жизни;
- 10) создание рабочих артелей, вместо профсоюзов западного образца.

Кроме того, Владимир Петрович призывал отказаться от привлечения иностранного капитала, считая, что иностранные капиталисты разоряют природные силы России хищнической эксплуатацией. Каким же было реальное политическое влияние на Александра III журналиста В. П. Мещерского? Как участник консервативного кружка императора, он, конечно, обладал определенным влиянием. Его критическая позиция в отношении суда присяжных смыкалась с позицией К. П. Победоносцева. Оценивая роль суда присяжных в деле Веры Засулич, князь с возмущением писал: «Засулич после выстрела в петербургского градоначальника... явилась не только в ореоле оправданной подсудимой, но и в сиянии святой, высоко симпатичной подвижницы, которой рукоплескали в зале суда сановники, которую прославила петербургская печать...» [64, с. 269]. Вот такой, односторонне понятый либерализм, привел к такому уродливому явлению.

В вопросе о Высших женских курсах наиболее ярко проявились его охранительные взгляды. Он писал, что эти курсы представляют собой настоящую клоаку анархической заразы. Сообщая царю о студенческих волнениях в Киеве, Владимир Петрович писал: «Оказывается, что значительная часть этой мужской молодежи прямо или косвенно соvrащена студентками Высших женских курсов» [65, с. 76]. В. П. Мещерский был убежден, что педагоги новейшей школы: «...представляют себе задачей вооружить девушку против преданий семьи, против нежного, душевного авторитета матери, против религии..., и внушать ей дух возмущения, гордыни, независимости» [64, с. 483]. Полагая главным уделом женщины семью, он, как и другие консерваторы, считал необходимым закрытие этих курсов: «России не нужны научно-развитые женщины!.. Ей нужны хорошие и честные женщины (хорошие жены и прекрасные матери)» [64, с. 486]. Он с гордостью общал царю, что министр просвещения И. Д. Делянов согласился с его предложением. Это является ярким примером влияния В. П. Мещерского на формирование и проведение политики в области образования.

В области внешней политики князь придерживался подхода Александра III о необходимости сохранения прочного мира. Он даже предлагал разделить Балканы на сферы влияния между Россией и Австрией с целью исключения даже малейших поводов к войне. Россия должна была иметь подавляющее влияние в Болгарии, а Австрия – в Сербии.

После революции 1905–1907 гг. князь В. П. Мещерский не изменил своим охранительным взглядам. Образованную в 1906 г. Государственную Думу он называл «сумасшедшим домом». До конца жизни он остался верен своему политическому идеалу: Бог, Вера, Отечество, Царь. Православный царь представлял для него единственное всевластное существо, от мудрости и силы которого зависело бытие, крепость и будущность России.

Заключение

Анализируя вопрос о консервативной оценке Великих реформ Александра II, можно сделать вывод, что обладая большим объемом информации о проблемах и противоречиях развития страны в эпоху модернизации, К. Н. Леонтьев, В. П. Мещерский, К. П. Победоносцев сделали правильные выводы о том, что либеральные реформы, начатые в правление Александра II, ведут к уничтожению традиционной России. Финансовая власть банкиров требовала введения конституции и уничтожения самодержавия. Однако обосновав правильный прогноз будущего, консерваторы предложили не совсем адекватные методы борьбы с либеральной модернизацией: укрепление сословного строя, улучшение материального и правового положения дворянства, наведение железной рукой власти порядка в деревне, запрещение женского образования, упразднение выборного мирового суда, ограничение полномочий суда присяжных. Однако наиболее ярко его концепция охранительного консерватизма проявилась в национальном вопросе. Так, В. П. Мещерский предлагал императору ограничить влияние евреев в области финансов, образования и печати. Его возмущала концентрация богатства и политического влияния в руках еврейских банкиров и владельцев железных дорог. Таким образом, речь шла о дальнейшем укреплении черты оседлости. Можно сделать вывод о том, что В. П. Мещерский не понимал сущности исторического процесса, неизбежности дальнейшего мирового развития капитализма. При всех своих национальных и религиозных особенностях, Россия, пусть с запозданием, но проходила все этапы мирового развития, и модернизация, с ее социальной мобильностью, урбанизацией, переходом к империализму, стала для нее реальностью.

Еще одной особенностью бюрократического, охранительного консерватизма было отрицательное отношение к привлечению общественности для решения острых политических и социально-экономических вопросов. В. П. Мещерский, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев критиковали деятельность земств, хотели, чтобы земства не были государством в государстве. Земства должны не углубляться в политику, а стать простым хозяйственным учреждением.

Из-за таких консерваторов, как К. П. Победоносцев, В. П. Мещерский, монархия потеряла исторический шанс стать выразителем национальных интересов, провести назревшие реформы. Их консерватизм,

таким образом, представлял собой тупиковую ветвь отечественного консерватизма. В результате аграрная реформа П. А. Столыпина, связанная с разрушением общины и созданием хуторского хозяйства, стала проводиться под давлением Первой русской революции лишь в 1906 г. На наш взгляд, более предпочтительной для России была программа, предложенная М. О. Меншиковым. По мнению этого консервативного журналиста, у монархии был шанс сохраниться, если бы она еще в правление Александра II стала выразителем общенациональных интересов и решилась на проведение следующих реформ [123, с. 26]:

1) ему не следовало так скоро заключать мир, нужно было бы вести войну до почетного конца. Еще немного стойкости, и можно было бы обойтись без унижений Парижского договора;

2) отменить крепостное право следовало сразу с уничтожением общины и разделением на хутора;

3) следовало дать большой, а где возможно – двойной надел с удлинением срока выкупа...

Среди других, на наш взгляд, правильных предложений М. О. Меншикова, были такие, как: создание тысяч ремесленных и инженерных школ, введение в школы и университеты правил гигиены и санитарии, борьба с пьянством, создание многочисленных учреждений мелкого кредита и кооперации, усиленное развитие системы железнодорожных и шоссейных дорог во всей России, национализация нефтяной, угольной, металлургической промышленности и лесной отрасли, введение винной, сахарной, лесной, нефтяной, угольной, аптечной монополии, введение патриаршества и свободы вероисповедания, преобразование суда присяжных по английскому типу, раздел России на самоуправляемые области по типу штатов в США, усиление уголовных законов против преступников. Он также предлагал избегать войн, созвать Земский собор и дать стране конституцию.

К сожалению, самодержавная власть в лице Александра III и Николая II не прислушалась к его верным, обоснованным предложениям. Беда России состояла в том, что власть упрямо следовала своим курсом, совершенно не учитывая в своей политике интересы общественного мнения. Другим недостатком власти стало нежелание вступить в диалог с обществом, привлекать на свою сторону умеренную оппозицию. На наш взгляд, можно было учесть интересы умеренных либералов во главе с Д. Н. Шиповым и привлечь их на свою сторону в целях борьбы с радикализмом.

Библиографический список

1. *Абелинскас, Э. Ю.* Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология: опыт обоснования / Э. Ю. Абелинскас. Екатеринбург: Изд-во Уральского отд-ния Рос. акад. наук, 1999. 100 с. Текст: непосредственный.

2. *Августейшие* сестры милосердия / сост. Н. К. Зверева. Москва: Вече, 2006. 464 с. Текст: непосредственный.

3. *Аверьянов, В. В.* Империя и воля. Догнать самих себя / В. В. Аверьянов. Москва: Изборский клуб, 2014. 384 с. Текст: непосредственный.

4. *Александр III.* Воспоминания. Дневники. Письма / сост. В. Г. Чернуха. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского фонда, 2001. 400 с. Текст: непосредственный.

5. *Александр III* / сост. И. Е. Барыкина, В. Г. Чернуха. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского фонда, 2019. 624 с. Текст: непосредственный.

6. *Бакунин, М. А.* Философия. Социология. Политика / М. А. Бакунин. Москва: Правда, 1989. 622 с. Текст: непосредственный.

7. *Балуев, Б. П.* Споры о судьбах. Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа» / Б. П. Балуев. Тверь: Булат, 2001. 414 с. Текст: непосредственный.

8. *Безгин, В. Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи / В. Б. Безгин. Москва: Ломоносов, 2017. 248 с. Текст: непосредственный.

9. *Беловинский, Л. В.* Жизнь русского обывателя: На шумных улицах градских / Л. В. Беловинский. Москва: Кучково поле, 2012. 456 с. Текст: непосредственный.

10. *Беловинский, Л. В.* Жизнь русского обывателя: Изба и хоромы / Л. В. Беловинский. Москва: Кучково поле, 2012. 400 с. Текст: непосредственный.

11. *Беловинский, Л. В.* Жизнь русского обывателя: От дворца до острога / Л. В. Беловинский. Москва: Кучково поле, 2014. 560 с. Текст: непосредственный.

12. *Берберова, Н. Н.* Люди и ложи / Н. Н. Берберова. Харьков: Прогресс-Традиция, 1997. 397 с. Текст: непосредственный.

13. *Борисюк, А. А.* История России, которую приказали забыть. Николай II и его время / А. А. Борисюк. Москва: Изд-во М. Б. Смоленна (ФИБ), 2017. 232 с. Текст: непосредственный.

14. *Бородин, А. П.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус / А. П. Бородин. Москва: Алгоритм, 2013. 448 с. Текст: непосредственный.

15. *Боханов, А. Н.* Император Александр III / А. Н. Боханов. Москва: Русское слово, 1998. 512 с. Текст: непосредственный.

16. *Боханов, А. Н.* Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы / А. Н. Боханов, Ю. В. Кудрина. Москва: Русское слово, 2001. 352 с. Текст: непосредственный.

17. *Боханов, А. Н.* Николай II / А. Н. Боханов. Москва: Русское слово, 1998. 568 с. Текст: непосредственный.

18. *Власть* и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства / сост. А. П. Ненарокова. Москва: РОССПЭН, 2017. 462 с. Текст: непосредственный.

19. *Власть* и реформы: от самодержавной к советской России: монография / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях; под ред. Б. В. Ананьича. Москва: Экслибрис, 2006. 734 с. Текст: непосредственный.

20. *Верт, Н.* История советского государства (1900–1991) / Н. Верт. Москва: Прогресс-Академия, 1992. 480 с. Текст: непосредственный.

21. *Витте, С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. / С. Ю. Витте. Москва: Мысль, 1991. 781 с. Текст непосредственный.

22. *Воинство* Святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. Санкт-Петербург: Царское дело, 2006. 807 с. Текст: непосредственный.

23. *Волков, С. В.* Трагедия русского офицерства / С. В. Волков. Москва. Центрполиграф, 2002. 307 с. Текст: непосредственный.

24. *Воронин, В. Е.* Царь-богатырь / В. Е. Воронин. Текст: непосредственный // Историк. 2019. № 11 (59). С. 7–15.

25. *Грингмут, В. А.* Объединяйтесь, люди русские / В. А. Грингмут. Москва: Ин-т русской цивилизации, 2008. 544 с. Текст: непосредственный.

26. *Гришин, Д. Б.* Трагическая судьба Великого князя / Д. Б. Гришин. Москва: Вече, 2006. 304 с. Текст: непосредственный.

27. *Гросул, В. Я.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская [и др.]. Москва. Прогресс-Традиция, 2000. 440 с. Текст: непосредственный.

28. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. Москва: Книга, 1991. 574 с. Текст: непосредственный.

29. *Данилов, Ю. Н.* На пути к крушению / Ю. Н. Данилов. Москва: XXI век – Согласие, 2000. 400 с. Текст: непосредственный.

30. *Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917* / сост. А. В. Репников. Москва: РОССПЭН, 2008. 440 с. Текст: непосредственный.

31. *Дубровин, А. И.* За родину. Против крамолы / А. И. Дубровин. Москва: Ин-т русской цивилизации, 2011. 480 с. Текст: непосредственный.

32. *Жильяр, П.* Император Николай II и его семья / П. Жильяр. Москва: Мада, 1991. 288 с. Текст: непосредственный.

33. *Замостьянов, А. А.* Русский стиль / А. А. Замостьянов. Текст: непосредственный // Историк. 2019. № 11 (59). С. 22–25.

34. *Иванов, А. А.* Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / А. А. Иванов. Санкт-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2006. 208 с. Текст: непосредственный.

35. *Ильин, В. В.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы / В. В. Ильин. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 384 с. Текст: непосредственный.

36. *Ильин, И. А.* За национальную Россию / И. А. Ильин. Текст: непосредственный // Слово. 1991. № 5. С. 81–86.

37. *Ильин, И. А.* За национальную Россию / И. А. Ильин. Текст: непосредственный // Слово. 1991. № 6. С. 82–87.

38. *К. Леонтьев, наш современник* / сост. Б. Андрианов, Н. Мальчевский. Санкт-Петербург: Изд-во Чернышева, 1993. 464 с. Текст: непосредственный.

39. *Катасонов, В. Ю.* Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. К. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. Соловьев, С. Булгаков, С. Шарапов / В. Ю. Катасонов. Москва: Родная страна, 2015. 464 с. Текст: непосредственный.

40. *Катков, М. Н.* Имперское слово / М. Н. Катков. Москва: Москва, 2002. 480 с. Текст: непосредственный.

41. *Керенский, А. Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары / А. Ф. Керенский. Москва: Республика, 1997. 384 с. Текст: непосредственный.

42. *Кирьянов, Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. Москва: РОССПЭН, 2001. 464 с. Текст: непосредственный.
43. *Коковцев, В. Н.* Из моего прошлого / В. Н. Коковцев. Москва: Наука, 1992. 440 с. Текст: непосредственный.
44. *Конец* крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи) / сост. В. А. Федоров. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. 527 с. Текст: непосредственный.
45. *Консерватизм.* Энциклопедический словарь по политологии / сост. Ю. И. Аверьянов. Москва: PUBLISHERS, 1993. 431 с. Текст: непосредственный.
46. *Консерватизм* и развитие: основы общественного согласия / под ред. Б. И. Макаренко. Москва: Альпина Паблишер, 2016. 332 с. Текст: непосредственный.
47. *Корольков, А. А.* Пророчества Константина Леонтьева / А. А. Корольков. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1991. 200 с. Текст: непосредственный.
48. *Котляревский, С. А.* На кого ориентация? / С. А. Котляревский. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 2. С. 79–82.
49. *Котов, А. Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / А. Э. Котов. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2016. 478 с. Текст: непосредственный.
50. *Кропоткин, П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. Москва: Правда, 1990. 638 с. Текст: непосредственный.
51. *Кудрина, Ю. В.* Императрица Мария Федоровна. 1847–1928 гг. / Ю. В. Кудрина. Москва: Белый город, 2000. 288 с. Текст: непосредственный.
52. *Леонтьев, К. Н.* Избранное / К. Н. Леонтьев. Москва: Рарогъ: Московский рабочий, 1993. 400 с. Текст: непосредственный.
53. *Лукьянов, М. Н.* Экстремистская тенденция в российском консерватизме и Первая мировая война / М. Н. Лукьянов. Текст: непосредственный // Власть. 2015. № 4. С. 165–169.
54. *Лурье, Ф. М.* Созидатель разрушения / Ф. М. Лурье. Санкт-Петербург: Петро-Риф, 1994. 416 с. Текст: непосредственный.
55. *Марков, Н. Е.* Войны темных сил. Статьи 1901–1937 / Н. Е. Марков. Москва: Москва, 2002. 521 с. Текст: непосредственный.

56. *Менделеев, Д. И.* Заветные мысли / Д. И. Менделеев. Москва: Мысль, 1995. 413 с. Текст: непосредственный.

57. *Меньшиков, М. О.* Как воскреснет Россия? / М. О. Меньшиков. Санкт-Петербург: Русская Симфония, 2007. 672 с. Текст: непосредственный.

58. *Меньшиков, М. О.* Письма к русской нации / М. О. Меньшиков. Москва: Москва, 2000. 560 с. Текст: непосредственный.

59. *Меньшиков, М. О.* Национальная империя / М. О. Меньшиков. Москва: Имперская традиция, 2004. 512 с. Текст: непосредственный.

60. *Мещерский, В. П.* Воспоминания / В. П. Мещерский. Москва: Захаров, 2001. 699 с. Текст: непосредственный.

61. *Мещерский, В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу 1863–1868 / сост. публ., вступ. ст. и коммент. И. В. Черниковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 729 с. Текст: непосредственный.

62. *Мещерский, В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу 1869–1878 / сост. публ., вступ. ст. и коммент. И. В. Черниковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 698 с. Текст: непосредственный.

63. *Мещерский, В. П.* За великую Россию. Против либерализма / сост. Ю. В. Климанов. Москва: Ин-т русской цивилизации, 2010. 624 с. Текст: непосредственный.

64. *Мещерский, В. П.* Письма к императору Александру III. 1891–1894 / публ., предисл. и коммент. Н. В. Черниковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 808 с. Текст: непосредственный.

65. *Мещерский, В. П.* Причины нашего кризиса. Заблуждения и надежды заложенного поместного дворянства / В. П. Мещерский. Текст: непосредственный // Гражданин. 1886. № 3. С. 30–35.

66. *Милюков, П. Н.* Итоги избирательной компании / П. Н. Милюков. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 8. С. 510–514.

67. *Милюков, П. Н.* Воспоминания / П. Н. Милюков. Москва: Политиздат, 1991. 530 с. Текст: непосредственный.

68. *Мироненко, С. В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой четверти XIX столетия / С. В. Мироненко. Москва: Мысль, 1990. 235 с. Текст: непосредственный.

69. *Миронов, Б. Н.* Отчаянное крепостничество / Б. Н. Миронов. Текст: непосредственный // Историк. 2021. № 2 (74). С. 7–13.

70. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 томах / Б. Н. Миронов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 583 с. Текст: непосредственный.

71. *Михаил Осипович Меньшиков: сборник / сост. А. В. Воронцов.* Москва: Русский Мирь, 2018. 800 с. Текст: непосредственный.

72. *Мультатули, П. В.* Забытая война: Россия и Германия в первой мировой войне. 1914–1918 / П. В. Мультатули. Москва: Борей-Арт, 1998. 162 с. Текст: непосредственный.

73. *Мультатули, П. В.* Господь да благословит решение мое... Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов / П. В. Мультатули. Санкт-Петербург: Держава: Сатись, 2002. 350 с. Текст: непосредственный.

74. *Мультатули, П. В.* Строго посещает господь нас гневом своим... Император Николай II и революция 1906–1907 гг. / П. В. Мультатули. Санкт-Петербург: Держава: Сатись, 2003. 384 с. Текст: непосредственный.

75. *Мультатули, П. В.* Внешняя политика Императора Николая II 1894–1917 гг.: этапы, достижения, итоги / П. В. Мультатули. 2-е изд. Москва: Изд-во М. Б. Смолина (ФИБ), 2019. 720 с. Текст: непосредственный.

76. *Мясников, А. Л.* Александр III / А. Л. Мясников. Москва: Молодая гвардия, 2016. 566 с. Текст: непосредственный.

77. *Набоков, В.* Текущее положение / В. Набоков. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 1. С. 6–9.

78. *Начапкин, М. Н.* Русский консерватизм XIX – первой половины XX в. / М. Н. Начапкин. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002. 206 с. Текст: непосредственный.

79. *Начапкин, М. Н.* Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л. А. Тихомиров: жизнь и мировоззрение: монография / М. Н. Начапкин. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2007. 425 с. Текст: непосредственный.

80. *Начапкин, М. Н.* Охранитель в эпоху модернизации: князь В. П. Мецкерский о последствиях для России либеральных реформ Александра II / М. Н. Начапкин. Текст: непосредственный // Научный диалог. 2019. № 1. С. 245–257.

81. *Начапкин, М. Н.* Русская революция 1917 г. в оценках российской консервативной мысли первой трети XX в. / М. Н. Начапкин. Текст: непосредственный // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 278–290.

82. *Начапкин, М. Н.* «Письма к ближним» консервативного публициста М. О. Меньшикова как источник по истории российской повседневности начала XX века / М. Н. Начапкин. Текст: непосредственный // Научный диалог. 2020. № 5. С. 450–464.

83. *Начапкин, М. Н.* Феномен современного российского консерватизма: проблемы изучения и перспективы развития / М. Н. Начапкин. Текст: непосредственный // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 199–214.

84. *Никандров, Н. Н.* Иван Солоневич: народный монархист / Н. Н. Никандров. Москва: Алгоритм, 2007. 672 с. Текст: непосредственный.

85. *Никон (Рождественский).* Православие и грядущие судьбы России / Никон (Рождественский). Москва: Институт русской цивилизации, 2013. 640 с. Текст: непосредственный.

86. *Николай II* в воспоминаниях и свидетельствах / сост. С. В. Заваляшин. Москва: Вече, 2008. 352 с. Текст: непосредственный.

87. *Новые* русские почтовые марки. Текст: непосредственный // Нива: журнал изд-ва «Товарищества А. Ф. Марксъ». 1913. № 1. С. 20–21.

88. *Нокс Альфред.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / А. Нокс. Москва: Центрполиграф, 2014. 671 с. Текст: непосредственный.

89. *Ольга Александровна,* великая княгиня. 25 глав моей жизни / сост. Л. А. Куликовская, П. Э. Куликовский, К. Рот-Николс, С. Вулменз; пер. с англ. под ред. Л. Р. Харитоновна. Москва: Кучково поле, 2021. 328 с. Текст: непосредственный.

90. *Отречение* Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / сост. Л. Китаев. Москва: Терра-книжный клуб, 1998. 336 с. Текст: непосредственный.

91. *П. А. Столыпин* / сост. и вступ. коммент. И. Л. Архипов. Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского фонда, 2017. 608 с. Текст: непосредственный.

92. *П. А. Столыпин:* Программа реформ. Документы и материалы: в 2 томах / сост. П. А. Пожигайло. Москва: РОССПЭН, 2003. Т. 1: Документы. 764 с. Текст: непосредственный.

93. *Пайпс, Р.* Россия при старом режиме / Р. Пайпс. Москва: Независимая газета, 1993. 421 с. Текст: непосредственный.

94. *Пайпс, Р.* Русская революция / Р. Пайпс. Москва: РОССПЭН, 1994. 397 с. Текст: непосредственный.

95. *Пайпс, Р.* Российский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры / Р. Пайпс. Москва: Новое издательство, 2008. 250 с. Текст: непосредственный.

96. *Первая* мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 томах / отв. ред. В. Н. Журавлев. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 1: Эволюция взглядов. 636 с. Текст: непосредственный.

97. *Первая* мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 томах / отв. ред. А. В. Репников. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. 652 с. Текст: непосредственный.

98. *Переписка* Николая и Александры / сост. А. Л. Сергеев. Москва: Захаров, 2013. 928 с. Текст: непосредственный.

99. *Петр* Столыпин / сост. Г. И. Лысцов. Москва: Новатор, 1997. 428 с. Текст: непосредственный.

100. *Платонов, О. А.* Николай II / О. А. Платонов. Санкт-Петербург: Общество Святителя Василия Великого, 1999. 506 с. Текст: непосредственный.

101. *Плеханов, Г. В.* Сочинения: в 24 томах / Г. В. Плеханов. Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923. Т. 3. 429 с. Текст: непосредственный.

102. *Пирумова, Н. М.* Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек / Н. М. Пирумова. Москва: Мысль, 1989. 255 с. Текст: непосредственный.

103. *Победоносцев, К. П.* Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев. Москва: Русская книга, 1993. 637 с. Текст: непосредственный.

104. *Победоносцев, К. П.* Сочинения / К. П. Победоносцев. Санкт-Петербург: Наука, 1996. 508 с. Текст: непосредственный.

105. *Победоносцев, К. П.* PRO ET CONTRA / К. П. Победоносцев. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. христ. гуманитар. ин-та, 1996. 576 с. Текст: непосредственный.

106. *Победоносцев, К. П.* и его корреспонденты. Воспоминания. Мемуары: в 2 томах. Минск: Харвест, 2003. Т. 1. 448 с. Текст: непосредственный.

107. *Победоносцев, К. П.* и его корреспонденты. Воспоминания. Мемуары: в 2 томах. Минск: Харвест, 2003. Т. 2. 672 с. Текст: непосредственный.

108. *Полунов, А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России / А. Ю. Полунов. Москва: РОССПЭН, 2010. 374 с. Текст: непосредственный.

109. *Попов, Э. А.* Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика / Э. А. Попов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2005. 327 с. Текст: непосредственный.

110. *Пророческое* предвиденье хода истории и мировых войн в аналитических записках государственных и военных деятелей. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 377 с. Текст: непосредственный.

111. *Пученков, А. С.* Царь на войне / А. С. Пученков. Текст: непосредственный // Российская история. 2015. № 2. С. 145–151.

112. *Рабкина, Н. А.* Константин Петрович Победоносцев / Н. А. Рабкина. Текст: непосредственный // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 58–75.

113. *Революция* и гражданская война в России 1917–1922. Москва: Вече, 2016. 340 с. Текст: непосредственный.

114. *Репников, А. В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): монография / А. В. Репников. Москва: Готика, 2006. 424 с. Текст: непосредственный.

115. *Репников, А. В.* Консервативные представления о переустройстве России: монография / А. В. Репников. Москва: Academia, 2007. 520 с. Текст: непосредственный.

116. *Репников, А. В.* В. С. Христофоров «...как ярый враг большевиков» (из следственного дела В. В. Шульгина) / А. В. Репников. Текст: непосредственный // Россия. 2007. № 5. С. 144–177.

117. *Реформы* и контрреформы в России / сост. В. В. Ильин. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 400 с. Текст: непосредственный.

118. *Кокошкин, Ф. Ф.* Процесс 169 депутатов Государственной думы: *речь* / Ф. Ф. Кокошкин. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 49. С. 2107–2110.

119. *Романовский* музей в Костроме / Текст: непосредственный // Нива: журнал изд-ва «Товарищества А. Ф. Марксъ». 1913. № 27. С. 533–535.

120. *Россия* 1917 года в эго-документах: Воспоминания / сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер [и др.]; науч. ред. Н. В. Суржикова; Ин-

ститут истории и археологии УрО РАН. Москва: РОССПЭН, 2015. 510 с. Текст: непосредственный.

121. *Россия в XVII – начале XX в. Региональные аспекты модернизации* / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург: Изд-во Урал. отд-ния Рос. акад. наук, Институт истории и археологии, 2006. 338 с. Текст: непосредственный.

122. *Россия: государственные приоритеты и национальные интересы: монография* / О. В. Волобуев, А. В. Игнатьев, А. Н. Нежинский, С. С. Секирский [и др.]; под ред. О. В. Волобуева. Москва: РОССПЭН, 2000. 399 с. Текст: непосредственный.

123. *Российский Архив (История отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв.)*. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. Москва: Студия «Тритэ» – Российский Архив, 1993. Вып. IV. 271 с. Текст: непосредственный.

124. *Российские либералы: сборник статей* / под ред. Б. М. Итенберга, В. В. Шелохаева. Москва: РОССПЭН, 2001. 576 с. Текст: непосредственный.

125. *Российское духовенство и свержение монархии в 1917 г. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной церкви)* / сост. М. А. Бабкин. Москва: Индрик, 2006. 504 с. Текст: непосредственный.

126. *Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI века: учебное пособие* / под ред. Л. И. Семенниковой. Москва: Книжный дом «Университет», 2009. С. 8–9. Текст: непосредственный.

127. *Русакова, О. Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии* / О. Ф. Русакова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. сельхоз. акад., 2001. 245 с. Текст: непосредственный.

128. *Русская Доктрина* / под ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. Москва: Ин-т рус. цивилизации, 2016. 1056 с. Текст: непосредственный.

129. *Русские цари. 1547–1917*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 576 с. Текст: непосредственный.

130. *Святой праведный Иоанн Кронштадтский* / сост. Г. И. Лыцов. Москва: Новатор, 1998. Текст: непосредственный.

131. *Соловьев, К. А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 годах* / К. А. Соловьев. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с. Текст: непосредственный.

132. *Солоневич, И. Л.* Великая фальшивка февраля / И. Л. Солоневич. Москва: Алгоритм, 2007. 304 с. Текст: непосредственный.
133. *Солоневич, И. Л.* Народная монархия / И. Л. Солоневич. Минск: Лучи Софии, 1998. 504 с. Текст: непосредственный.
134. *Солоневич, И. Л.* Наша страна. XX век. Москва: Москва, 2001. 448 с. Текст: непосредственный.
135. *Солоневич, И. Л.* Россия в концлагере / И. Л. Солоневич. Москва: Москва, 1999. 560 с. Текст: непосредственный.
136. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. Москва: Политиздат, 1992. 543 с. Текст: непосредственный.
137. *Степанов, А. Д.* Черная сотня. Взгляд через столетия / А. Д. Степанов. Санкт-Петербург: Царское дело, 2000. 141 с. Текст: непосредственный.
138. *Столыпин, П. А.* Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете (1906–1911) / П. А. Столыпин. Москва: Молодая гвардия, 1991. 411 с. Текст: непосредственный.
139. *Струве, П. Б.* О чем ведется тяжба? / П. Б. Струве. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 2. С. 73–76.
140. *Танеева (Вырубова), А. А.* Страницы моей жизни / А. А. Танеева. Санкт-Петербург: Царское дело, 2017. 360 с. Текст: непосредственный.
141. *Тихомиров, Л. А.* Апология Веры и Монархии / Л. А. Тихомиров. Москва: Москва, 1999. 480 с. Текст: непосредственный.
142. *Тихомиров, Л. А.* Критика демократии / Л. А. Тихомиров. Москва: Москва, 1997. 672 с. Текст: непосредственный.
143. *Тихомиров, Л. А.* Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. Санкт-Петербург: Комплект, 1992. 674 с. Текст: непосредственный.
144. *Тихомиров, Л. А.* Руководящие идеи русской жизни / Л. А. Тихомиров. Москва: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с. Текст: непосредственный.
145. *Тихомиров, Л. А.* Тени прошлого: Воспоминания / Л. А. Тихомиров. Москва: Москва, 2000. 720 с. Текст: непосредственный.
146. *Тихомиров, Л. А.* Христианство и политика / Л. А. Тихомиров. Москва; Калуга: Облиздат, 2002. 616 с. Текст: непосредственный.

147. *Торжество* милитаризма (политическое обозрение). Текст: непосредственный // Нива: журнал изд-ва «Товарищества А. Ф. Марксъ». 1913. № 10. С. 198–203.

148. *Тюремная* одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного / сост. А. В. Репников, В. С. Христофоров. Москва: Книжица: Русский путь, 2010. 480 с. Текст: непосредственный.

149. *Устав* общества под названием «Союз Русского народа». Определением Санкт-Петербургского городского головы по делам общественного присутствия от 7 августа 1906 г. Санкт-Петербург: Типография Суворина, 1906. 32 с.

150. *Утопический* социализм: хрестоматия / сост. А. И. Володин. Москва: Политиздат, 1982. 512 с. Текст: непосредственный.

151. *Федоров, В. Г.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П. А. Столыпина: в 2 томах / В. Г. Федоров. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2002. Т. 1. 624 с. Текст: непосредственный.

152. *Царь* и Россия: Размышления о Государе Императоре Николае II / сост. П. Белоусов. Москва: Отчий дом, 2017. 752 с. Текст: непосредственный.

153. *Царь*, честный во всем – в малом и большом. Александр III в свидетельствах современников / сост. В. Петров. Москва: Ломоносов, 2019. 240 с. Текст: непосредственный.

154. *Чичерин, Б. Н.* Воспоминания. Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856) / Б. Н. Чичерин. Москва: Правда, 1990. 733 с. Текст: непосредственный.

155. *Чичерин, Б. Н.* Воспоминания / Б. Н. Чичерин. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 336 с. Текст непосредственный.

156. *Чичерин, Б. Н.* Философия права / Б. Н. Чичерин. Санкт-Петербург: Наука, 1998. 671с. Текст: непосредственный.

157. *Шелохаев, В. В.* Столыпинский тип модернизации / В. В. Шелохаев. Текст: непосредственный // Российская история. 2012. № 2. С. 36–47.

158. *Шлицер, С. М.* Русский театр за три века царствования Дома Романовых / С. Шлицер: Текст: непосредственный // Нива: журнал изд-ва «Товарищества А. Ф. Марксъ». 1913. № 8. С. 147–150.

159. *Щербатов, А. Г.* «Обновленная Россия» и другие работы / А. Г. Щербатов. Москва: SRSL: Русская панорама, 2002. 424 с. Текст: непосредственный.

160. *Шингарев, А.* Вне думы / А. Шингарев. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 23–34. С. 1537–1540.
161. *Шипов, Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом / Д. Н. Шипов. Москва: РОССПЭН, 2007. 679 с. Текст: непосредственный.
162. *Экштут, С. А.* «Черти, правящие шабаш в болоте спекуляций...» / С. А. Экштут. Текст: непосредственный // Родина. 2017. № 2 (217). С. 19–24.
163. *Экштут, С. А.* Россия перед голгофой. Эпоха Великих реформ / С. А. Экштут. Москва: Вече, 2010. 256 с. Текст: непосредственный.
164. *Экштут, С. А.* Империи последние мгновенья: Театр марионеток в 16 картинах с прологом и эпилогом / С. А. Экштут. Текст: непосредственный. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 321 с.
165. *Эрлихман, В. В.* Хранитель древностей / В. В. Эрлихман. Текст: непосредственный // Историк. 2020. № 11. С. 63.
166. *Якобий, И. П.* Николай II и революция / И. П. Якобий. Москва: Апостол веры, 2018. 521 с. Текст: непосредственный.
167. *Якушкин, В. К.* К положению земельного вопроса / В. К. Якушкин. Текст: непосредственный // Вестник Партии народной свободы. 1907. № 7. С. 447.
168. *Hosking, G. A.* The Russian Constitutional experiment. Government and Duma. 1907–1914 / G. A. Hosking. Cambridge, 1973. Text: print.
169. *Korros, A. S.* A reluctant parliament: Stolypin, nationalism and the politics of the Russian Imperial State Council, 1906–1911 / A. S. Korros. Oxford, 2002. Text: print.
170. *Levin, A.* The Third Duma: Election and profile / A. Levin. Hamden, 1973. Text: print.
171. *Wcislo, F. W.* Reforming rural Russia: State, local society and national politics / F. W. Wcislo. Princeton, 1990. Text: print.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Основные тенденции политического и социально-экономического развития российского общества во второй половине XIX в.	17
Глава 2. Консерваторы о последствиях Великих реформ Александра II.....	45
Заключение	122
Библиографический список.....	124

Научное издание

Начапкин Максим Николаевич

ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX вв.
В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСЕРВАТОРОВ

Монография

В 2 частях

Часть I

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ (ОТ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II
ДО ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.)

Редактор В. А. Соловьева
Компьютерная верстка Н. А. Ушениной

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 04.08.22. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов.
Печать плоская. Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 500 экз. Заказ № ____.
Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
